

ISSN 2306-9899 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 08-03-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шинкарецкая Галина Георгиевна, доктор юридических наук,
g.shinkaretskaya@yandex.ru

ISSN: 2644-5514

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 08-03-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Shinkaretskaya Galina Georgievna, doktor yuridicheskikh nauk,
g.shinkaretskaya@yandex.ru

ISSN: 2644-5514

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Иншакова Агнесса Олеговна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮНЦ РАН), Волгоградский государственный университет, 400062. г. Волгоград, Университетский проспект, 100, ainshakova@list.ru

Демичев Алексей Андреевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Нижегородская академия МВД РФ, кафедра гражданского права и процесса, 603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, бокс 268, aadem@bk.ru

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет, кафедра международного права. 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133.

Алимов Кадыр Захидович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Национального университета Узбекистана им. М. Улугбека, главный редактор журнала «Узбекский журнал международного права», вице-президент Ассоциации юристов-международников Узбекистана (Узбекистан, 700174, г. Ташкент, ВУЗ городок)

Александр Белоглазек — профессор юридического факультета Пражского университета /Чехия/, арбитр Международного арбитражного суда Международной торговой палаты /Париж/, президент Всемирной ассоциации юристов /г. Вашингтон/ (Jana Zajice 32, CZ-17000 Praha-7, Czech Republic)

Бабин Борис Владимирович — доктор юридических наук, доцент, исполнительный секретарь Украинского независимого морского профсоюза (Украина, 65029, г. Одесса, ул. Дидрихсона, д. 13)

Бальмон Луи — доктор права, профессор университета Ницца-София Антиполис (Франция, avenue Doyen Louis Trotabas, 06050 Nice, Франция)

Беликова Ксения Михайловна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры

гражданского и трудового права Российского университета дружбы народов (117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6)

Буроменский Михаил Всеволодович — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии правовых наук Украины, профессор кафедры международного права Национального юридического университета им. Ярослава Мудрого (Украина, 61024, м. Харьков, ул. Пушкинская, д. 77).

Даниленко Денис Васильевич — доктор права, Университет Экс-Марсель /Aix-Marseille Universite, France/, главный редактор журнала «Международное право и международные организации» и журнала «Право и политика», исполнительный директор Академической издательской группы NOTA BENE - ООО "НБ-Медиа" (115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211)

Денисов Владимир Наумович — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии правовых наук Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины, заведующий отделом международного права и сравнительного правоведения Института государства и права им. В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины (Украина, 01601, г. Киев, ул. Трёхсвятительская, д. 4)

Ерпылева Наталия Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного публичного и частного права факультета права Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка улица, д. 17)

Каламкарян Рубен Амаякович — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10)

Камиллери Энрико — профессор юридического факультета Палермского университета /Италия/ (Italia, Universita' degli Studi di Palermo, Via Maqueda, 172)

Капустин Анатолий Яковлевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Ассоциации международного права (117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, д. 34)

Кешнер Мария Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18)

Ковлер Анатолий Иванович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры судебной власти факультета права Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", судья Европейского суда по правам человека от Российской Федерации /1999-2012/ (119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 /4-й учебный корпус/)

Костенко Николай Иванович — доктор юридических наук, профессор, лауреат премии имени Ф.Ф. Мартенса Российской академии наук (prof_48kost@mail.ru)

Курбанов Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист

Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, руководитель секретариата делегации Российской Федерации в Европейской комиссии за демократию через право /Венецианской комиссии/ (119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10)

Курдюков Геннадий Ириархович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета, заслуженный деятель науки Республики Татарстан (420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18)

Любимов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Российская академия наук, Заместитель главного ученого секретаря Президиума РАН, 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32 А, lyubimov_science@mail.ru

Сазонова Кира Львовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119606, Москва, Проспект Вернадского, 84)

Саул Бен — доктор права, профессор, директор Сиднейского центра международного и глобального права (Room 635, Sydney Law School, Australia)

Штиблар Франьо — профессор юридического факультета Люблянского университета /Словения/, профессор Болонского университета /Италия/ (Emonska 10, 1000 Ljubljana, Slovenia)

Стоун Петер Алан — профессор юридического факультета Эссекского университета /Великобритания/ (stonp@essex.ac.uk)

Толстопятенко Геннадий Петрович — доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76)

Шугуров Марк Владимирович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Саратовской государственной юридической академии (410056 г. Саратов, ул. Вольская, д. 1)

Кембаев Женис Мухтарович – доктор права, Университет КИМЭП, юридический факультет, профессор, Проспект Абая 2, г. Алматы 050010, Казахстан, kembayev@kimer.kz

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПОП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmMos@rambler.ru

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН) (12.00.14, 12.00.04, 12.00.10). 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, margokfmn@yandex.ru

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Безбородов Юрий Сергеевич - доктор юридических наук, Уральский Федеральный Университет им. Первого президента РФ Б.Н. Ельцина, профессор, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, профессор, 620142, Россия, г. Екатеринбург, ул. Чапаева, 21, кв. 21, yury.bezborodov@gmail.com

Безверхов Артур Геннадьевич - доктор юридических наук, ФГАОУ ВО "Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева", Юридический институт, директор института; Кафедра теории и истории государства и права и международного права, заведующий кафедрой; Кафедра уголовного права и криминологии, профессор, 443011, Россия, Самарская область область, г. Самара, ул. академика Павлова, 1 Г, ауд. 209, bezverkhov-artur@yandex.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» , главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса , Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmomos@rambler.ru

Самович Юлия Владимировна - доктор юридических наук, Казанский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего

образования «Российский государственный университет правосудия» (г. Казань), профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, 421001, Россия, республика Республика Татарстан, г. Казань, ул. Чистопольская, 73, кв. 123, juliasamovich@gmail.com

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, Российский государственный университет правосудия, Крымский филиал, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, 295000, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5, chernyadnatalya@yandex.ru

Шашкова Анна Владиславовна - доктор политических наук, Московский государственный институт международных отношений, профессор, 125299, Россия, г. Москва, пр-д Вернадского, 76, ауд. 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Шинкарецкая Галина Георгиевна - доктор юридических наук, g.shinkaretskaya@yandex.ru

Editorial collegium

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law, Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Inshakova Agnes Olegovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and International Private Law (Basic Department of the UNC RAS), Volgograd State University, 400062. Volgograd, Universitetskiy Prospekt, 100, ainshakova@list.ru

Demichev Alexey Andreevich – Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Department of Civil Law and Procedure, 603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe Highway, box 268, aadem@bk.ru

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, North-Western Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law. 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133.

Alimov Kadyr Zahidovich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law of the National University of Uzbekistan named after M. Ulugbek, Editor-in-Chief of the journal "Uzbek Journal of International Law", Vice-President of the Association of International Lawyers of Uzbekistan (Uzbekistan, 700174, Tashkent, University town)

Alexander Beloglavek — Professor of the Faculty of Law of Prague University /Czech Republic/, arbitrator of the International Arbitration Court of the International Chamber of Commerce /Paris/, President of the World Bar Association / Washington/ (Jana Zajice 32, CZ-17000 Praha-7, Czech Republic)

Babin Boris Vladimirovich — Doctor of Law, Associate Professor, Executive Secretary of the Ukrainian Independent Maritime Trade Union (Ukraine, 65029, Odessa, Didrikhson str., 13)

Balmont Louis — Doctor of Law, Professor at the University of Nice-Sofia Antipolis (France, avenue Doyen Louis Trotabas, 06050 Nice, France)

Ksenia Mikhailovna Belikova — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law of the Peoples' Friendship University of Russia (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198)

Buromensky Mikhail Vsevolodovich — Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Academy of Legal Sciences of Ukraine, Professor of the Department of International Law of the National Law University. Yaroslav the Wise (Ukraine, 61024, Kharkiv, Pushkinskaya str., 77).

Denis Vasilyevich Danilenko — Doctor of Law, University of Aix-Marseille /Aix-Marseille Universite, France/, Editor-in-chief of the journal "International Law and International Organizations" and the journal "Law and Politics", Executive Director of the Academic Publishing Group NOTA BENE - NB-Media LLC (115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, building 6A, office 211)

Denisov Vladimir Naumovich — Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Academy of Legal Sciences of Ukraine, Honored Worker of Science and Technology of Ukraine, Head of the Department of International Law and Comparative Jurisprudence of the V.M. Koretsky Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of Ukraine (Ukraine, 01601, Kiev, Trehsvyatytelska str., 4)

Natalia Yurievna Erpyleva — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Public and Private Law of the Faculty of Law of the National Research University "Higher School of Economics" (17 Malaya Ordynka Street, Moscow, 119017)

Ruben Amayakovich Kalamkarian — Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (10 Znamenka str., Moscow, 119019)

Camilleri Enrico — Professor of the Faculty of Law of the University of Palermo /Italy/ (Italia, Universita' degli Studi di Palermo, Via Maqueda, 172)

Anatoly Yakovlevich Kapustin — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, First Deputy Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, President of the Association of International Law (34 Bolshaya Cheremushkinskaya Str., Moscow, 117218)

Keshner Maria Vladimirovna — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of International and European Law of Kazan (Volga Region) Federal University (420008, Kazan, Kremlevskaya str., 18)

Kovler Anatoly Ivanovich — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Judicial Power of the Faculty of Law of the National Research University "Higher School of Economics", Judge of the European Court of Human Rights from the Russian Federation /1999-2012/ (119991, Moscow, Leninskie gory, d. 1, p. 13 /4th academic building/)

Kostenko Nikolay Ivanovich — Doctor of Law, Professor, Laureate of the F.F. Martens Prize of the Russian Academy of Sciences (prof_48kost@mail.ru)

Rashad Afatovich Kurbanov — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Head of the Secretariat of the Delegation of the Russian Federation to the European Commission for Democracy through Law /Venice Commission/ (10 Znamenka str., Moscow, 119019)

Kurdyukov Gennady Irinarchovich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of International and European Law of Kazan (Volga Region) Federal University, Honored Scientist of the Republic of Tatarstan (420008, Kazan, Kremlevskaya str., 18)

Lyubimov Alexey Pavlovich - Doctor of Law, Russian Academy of Sciences, Deputy Chief Scientific Secretary of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, 32A Leninsky

Prospekt, Moscow, 119991, Russia, lyubimov_science@mail.ru

Sazonova Kira Lvovna — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84 Vernadsky Avenue, Moscow, 119606)

Saul Ben — Doctor of Law, Professor, Director of the Sydney Center for International and Global Law (Room 635, Sydney Law School, Australia)

Stiblar Franjo — Professor at the Faculty of Law of the University of Ljubljana /Slovenia/, Professor at the University of Bologna /Italy/ (Emonska 10, 1000 Ljubljana, Slovenia)

Stone Peter Alan — Professor at the Faculty of Law of the University of Essex /UK/ (stonp@essex.ac.uk)

Tolstopyatenko Gennady Petrovich — Doctor of Law, Professor, Dean of the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) The Ministry of Foreign Affairs of Russia (76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454)

Shugurov Mark Vladimirovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of the Saratov State Law Academy (410056 Saratov, Volskaya str., 1)

Zhenis Mukhtarovich Kembayev – Doctor of Law, KIMEP University, Faculty of Law, Professor, Abaya Avenue 2, Almaty 050010, Kazakhstan, kembayev@kimep.kz

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Kobzar-Frolova Margarita Nikolaevna - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (IGP RAS) (12.00.14, 12.00.04, 12.00.10). 119019 Moscow, Znamenka str., 10, margokfmn@yandex.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice. chernyadnatalya@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Bezborodov Yuri Sergeevich - Doctor of Law, Ural Federal University. The First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Professor, V.F. Yakovlev Ural State Law University, Professor, 21 Chapaev str., 21, yuri, 620142, Russia, Yekaterinburg bezborodov@gmail.com

Bezverkhov Artur Gennadievich - Doctor of Law, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Law Institute, Director of the Institute; Department of Theory and History of State and Law and International Law, Head of the Department; Department of

Criminal Law and Criminology, Professor, 443011, Russia, Samara Region, Samara region, akademika Pavlova str., 1 G, room 209, bezverkhov-artur@yandex.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief Researcher, Institute of World Civilizations, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, 48 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117292, Russia sq.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Scientific Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmMos@rambler.ru

Yulia Vladimirovna Samovich - Doctor of Law, Kazan Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice" (Kazan), Professor of the Department of State and Legal Disciplines, 421001, Russia, Republic of the Republic of Tatarstan, Kazan, 73 Chistopolskaya str., 123 sq., juliasamovich@gmail.com

Chernyadyeva Natalia Alekseevna - Doctor of Law, Russian State University of Justice, Crimean Branch, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, 295000, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5, chernyadnatalya@yandex.ru

Anna Vladislavovna Shashkova - Doctor of Political Sciences, Moscow State Institute of International Relations, Professor, 76 Vernadsky Ave., Moscow, 125299, Russia, room 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Shinkaretskaya Galina Georgievna - Doctor of Law, g.shinkaretskaya@yandex.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Чешин А.В., Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г. Европейское законодательство об общественном контроле: проблемы и перспективы развития	1
Родионов А.Е. Современное международно-правовое регулирование кибербуллинга в отношении защиты прав детей	13
Гу В., Черных И.А. Генезис института денонсации в теории и практике права международных договоров	36
Гринченко А.Н. Организация защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта как фактор обеспечения норм международного гуманитарного права Российской Федерацией	53
Моисеев К.В. Современное состояние экологических прав человека	66
Англоязычные метаданные	84

Contents

Cheshin A.V., Goncharov V.V., Malinovskii O.N., Petrenko E.G. European legislation on public control: problems and prospects of development	1
Rodionov A.E. The modern international legal framework of cyberbullying in relation to the protection of children's rights	13
Gu W., Chernykh I.A. Genesis of the Institution of Denunciation in the Theory and Practice of the Law of Treaties	36
Grinchenko A.N. The organization of the protection of cultural heritage in the event of an armed conflict as a factor in ensuring the norms of inter-strike humanitarian law by the Russian Federation	53
Moiseev K.V. Environmental human rights: concept, current state and some issues of business responsibility for their violation	66
Metadata in english	84

Международное право

Правильная ссылка на статью:

Чешин А.В., Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г. Европейское законодательство об общественном контроле: проблемы и перспективы развития // Международное право. 2025. № 1. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.1.71976 EDN: GFXLAI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71976

Европейское законодательство об общественном контроле: проблемы и перспективы развития

Чешин Андрей Владимирович

ORCID: 0009-0000-7572-3076

кандидат экономических наук

доцент; факультет среднего профессионального образования; Орский гуманитарно-технологический институт (филиал); Оренбургский государственный университет

462419, Россия, Оренбургская область, г. Орск, Мира, 15А

✉ niipgergo2009@mail.ru

Гончаров Виталий Викторович

кандидат юридических наук

доцент; кафедра гражданского процесса и международного права; Кубанский государственный университет

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

✉ niipgergo2009@mail.ru

Малиновский Олег Николаевич

ORCID: 0000-0001-6541-9046

кандидат юридических наук

доцент; кафедра гражданского процесса и международного права; Кубанский государственный университет
заведующий кафедрой; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет"

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

✉ niipgergo2009@mail.ru

Петренко Елена Геннадьевна

кандидат юридических наук

доцент, кафедра государственного и международного права, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина

350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13

✉ niipgergo2009@mail.ru

[Статья из рубрики "Международное право и внутригосударственное право"](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2025.1.71976

EDN:

GFXLAI

Дата направления статьи в редакцию:

14-10-2024

Дата публикации:

07-11-2024

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу современных проблем развития европейского законодательства об общественном контроле. Авторы исследуют современное состояние и этапы развития европейского законодательства, составляющего основы общественного контроля в Европейском Союзе. Отмечается, что термин «общественный контроль» в целом не знаком юридической терминологии как европейского законодательства, так и законодательства стран, являющихся членами Европейского Союза. В терминологическом обороте используются термины «прозрачность» и «участие». При этом, под прозрачностью понимается доступность, открытость как органов власти Европейского Союза, так и государств, входящих в его состав. А под участием следует понимать возможность институтов гражданского общества участвовать в принятии решений Европейского Союза, взаимодействовать с его институтами, например, посредством диалога через организации гражданского общества, членами которых они являются. В работе использован ряд методов научного познания, в частности: формально-логический; сравнительно-правовой; историко-правовой; статистический; социологический; метод анализа конкретных правовых ситуаций. В работе выявлены, формализованы и исследованы основные проблемы, которые препятствуют развитию института общественного контроля в Европейском Союзе, в частности, отсутствие: на уровне Европейского Союза единого кодифицированного акта конституционного уровня; закрепления в европейском законодательстве прямого указания на право институтов (субъектов) гражданского общества осуществлять контроль за европейской бюрократией и органами публичной власти национальных государств, являющихся членами Европейского Союза, а также за иными объектами, реализующими отдельные публичные полномочия на территории Европейского Союза (например, европейскими неправительственными организациями); в правовой доктрине гражданского общества и его контроля комплексных исследований, посвященных анализу форм, методов, принципов, видов и форм мероприятий вышеназванного контроля гражданского общества; у субъектов гражданского общества набора реальных полномочий по контролю за европейской бюрократией; закрепления в европейском законодательстве системы мер уголовной ответственности должностных лиц европейской бюрократии за игнорирование требований институтов гражданского общества или воспрепятствование их законной деятельности; специализированных субъектов вышеназванного контроля гражданского общества.

Ключевые слова:

общественный контроль, европейское законодательство, проблемы, перспективы, права, свободы, профессиональные союзы, прозрачность, участие, Европейский Союз

Введение.

Вопросы международного сотрудничества и развития субъектов общественного контроля и институтов гражданского общества, занимающихся контролем за международной и (или) национальной бюрократией, широко исследованы в работах Е. В. Бердниковой, [\[2, с. 6-9\]](#) В. В. Гончарова, [\[4, с. 94-99; 5, с. 80-91\]](#) С. Ю. Пояркова, [\[6, с. 76-79\]](#) Т. Д. Завьяловой, [\[8, с. 111-121\]](#) О. В. Неженец, [\[12, с. 230-235\]](#) В. М. Пальченковой, [\[13, с. 51-56\]](#) Е. Д. Кулешовой, [\[14, с. 86-89\]](#) а также ряда иных авторов. В свою очередь, проблематика функционирования контроля гражданского общества на уровне Европейского Союза, а также отдельных стран Европы, детально анализируется в произведениях А. А. Маркова, [\[1, с. 3454-3463\]](#) А. Ю. Ведехина, [\[3, с. 64-72\]](#) А. А. Борисовой, [\[7, с. 78-91\]](#) А. А. Канунникова, [\[9, с. 6-18\]](#) Н. В. Кравчук, [\[10, с. 58-70\]](#) Е. И. Матюховой, [\[11, с. 73-85\]](#) Т. Л. Ровинской, [\[15, с. 24-33\]](#) Н. Д. Чегодарь, [\[16, с. 81-97\]](#) а также некоторых иных ученых. Однако, доля работ, посвященных анализу современных проблем, препятствующих функционированию института общественного контроля (контроля институтов гражданского общества) за европейской бюрократией и иными объектами, реализующими на уровне Европейского Союза отдельные публичные полномочия, не велика, чем и обусловлен выбор темы настоящего научного исследования, целью которого выступает не только формализация и изучение вышеназванных проблем, но и разработка (а также обоснование) системы мероприятий по разрешению указанных проблем (с целью укрепления институтов демократии в Европейском Союзе). Достижение данных целей исследования требует реализации ряда научных задач, в числе которых мы можем выделить следующие: а) провести анализ современного состояния и этапов развития европейского законодательства, содержащего правовые основы общественного контроля (контроля институтов гражданского общества) за деятельностью, актами и решениями европейской и национальной бюрократии, а также иными объектами, реализующими на европейском и национальном уровне отдельные публичные полномочия; б) обосновать необходимость существования и развития института общественного контроля (контроля институтов гражданского общества) в Европейском Союзе на европейском и национальном уровне; в) формализовать и проанализировать основные проблемы, препятствующие функционированию института общественного контроля (контроля институтов гражданского общества) за европейской бюрократией и иными объектами, реализующими на уровне Европейского Союза отдельные публичные полномочия; г) разработать и обосновать систему мероприятий по разрешению указанных проблем.

Методы и методология исследования.

В работе использован ряд методов научного познания, в частности: формально-логический; сравнительно-правовой; историко-правовой; статистический; социологический; метод анализа конкретных правовых ситуаций. Эмпирическую основу настоящего научного исследования составили нормативно-правовые акты, лежащие в основе создания и развития Европейского Союза (например, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 03.09.1953, Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества от 13.12.2007, Хартия Европейского Союза об основных правах 2000 года, Брюссельский пакт 1948 года, Парижский договор 1951 года,

Парижские соглашения 1954 года, Римские договоры 1954 года, Договор слияния 1954 года, Единый Европейский акт 1986 года, Маастрихтский договор 1992 года, Амстердамский договор 1997 года, Ниццкий договор 2001 года, а также многие другие), практические документы из деятельности институтов гражданского общества стран, которые являются членами Европейского Союза, материалы правовой доктрины гражданского общества и общественного контроля.

Основная часть.

Существование и развитие мировой политической системы последних десятилетий во многом обусловлено стремительно протекающими процессами глобализации, которые особенно ярко выражены мы можем наблюдать на примере стран Европы. Несмотря на то, что 20 век охарактеризовался тем, что по Европе разрушительным вихрем пронеслось две мировые войны, цепь революционных потрясений (в ходе которых Европа была разделена на два непримиримых лагеря социалистических и капиталистических стран), по итогу победили тенденции, объединяющие отдельные государства Европы, что вылилось в создание Европейского Союза, успешно существующего и на сегодняшний день, чей совокупный ВВП опережает аналогичные показатели США и КНР.

В основе создания и развития Европейского Союза лежит огромный массив нормативно-правовых актов, судебных решений, международных и межгосударственных договоров. Применительно к теме нашего научного исследования большой интерес представляют, в частности, Европейская конвенции о защите прав человека и основных свобод от 03.09.1953, Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества от 13.12.2007, Хартия Европейского Союза об основных правах 2000 года, Брюссельский пакт 1948 года, Парижский договор 1951 года, Парижские соглашения 1954 года, Римские договоры 1954 года, Договор слияния 1954 года, Единый Европейский акт 1986 года, Маастрихтский договор 1992 года, Амстердамский договор 1997 года, Ниццкий договор 2001 года, а также много иных договоров и конвенций, который шаг за шагом создавали нормативно-правовую базу, обеспечивающую свободное состояние и развитие гражданского общества (как в отдельных национальных государствах, так и в рамках европейского сообщества).

Условно европейское законодательство о гражданском обществе и о его участии в процессах контроля за европейской бюрократией и иными объектами, наделенными данной бюрократией и европейским законодательством правом реализации отдельных публичных полномочий, можно поделить на ряд этапов.

Во-первых, этап 1947-1953 годов, который проходил в сложных условиях преодоления послевоенной разрухи, восстановления городов, промышленных объектов, социально-культурной инфраструктуры. Страны Европы (капиталистического лагеря) пытались противопоставить «тоталитарному» СССР и СЭВ институты демократии, прав и свобод человека, в которых важный упор делался именно на гражданское общество, его участие в процедурах формирования органов власти и контроля за ними.

Страны Европы делали попытки объединения в новых формах, что позволяло минимизировать издержки в производстве и обращении товаров, работ и услуг, повысив жизненный уровень населения данных стран.

Венцом данных усилий, на наш взгляд, стало принятие Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 03.09.1953, статья 11 которой закрепила право на свободу собраний и ассоциаций, включая право на создание профессиональных союзов,

при условии соблюдения определенных ограничений, которые «соответствуют закону» и «необходимы в демократическом обществе».

Во-вторых, этап (1953-2000 годов) охарактеризовался принятием огромного числа конвенций, договоров, соглашений, хартий, направленных на формирование единых подходов к стандартам демократии в Европе. Венцом данного этапа стала Хартия Европейского Союза об основных правах 2000 года, где были объединены и декларированы все ценности и основные права человека (экономические и социальные, а также гражданские и политические), которые обязаны соблюдать государства-члены создаваемого Европейского Союза.

Хартия была принята в 2000 году, но обязательна к исполнению стала 9 годами позднее (со вступлением в силу Лиссабонского договора, упомянутого нами ранее). Применительно к проблематике общественного контроля (контроля институтов гражданского общества за европейской и национальной бюрократией и иных объектов, наделенных публичными полномочиями) Хартия подтвердила, с одной стороны, действительность ранее принятых европейских документов в данной сфере (Европейской конвенции о правах человека (ЕКПЧ), социальных хартий, принятых Союзом и Советом Европы, а также прецедентного права Суда Европейского Союза и Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). С другой стороны, Хартия закрепила за институтами гражданского общества (например, в статье 11, 12, 42 и т.д.) ряд прав и полномочий (в частности, на получение информации, на доступ к документам Европейского Союза), В Хартии выделялись основные формы институтов гражданского общества. Анализ ее текста показывает, что право на осуществление контроля гражданского общества закреплялось как за отдельными гражданами Европейского Союза, так и за их ассоциациями (например, профсоюзными организациями, политическими партиями, иными юридическими лицами, которые имели зарегистрированные офисы на территории Европейского Союза).

В-третьих, этап развития институтов гражданского общества и его контроля за европейской и национальной бюрократией (2001-2024 годы). Данный этап протекает в настоящее время (начавшись с момента формализации Европейского Союза в качестве более или менее устойчивой структуры, обладающей системой бюрократических институтов, собственной валютой и т.п. атрибутами).

Ключевым документом в контексте нашего исследования выступает на данном этапе Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества от 13.12.2007. Он подтверждает 3 основополагающих принципа: демократического равенства; представительной демократии; демократии участия. При этом, демократическое равенство означает, что все субъекты гражданского общества обладают равным политическим статусом (статья 9 Договора). Представительный характер демократии говорит о том, что европейская бюрократия представлена и парламентскими органами, формируемыми населением Европейского Союза непосредственно. Демократия участия, в свою очередь, состоит в том, что граждане Европейского Союза вправе участвовать в работе любых бюрократических органов Европейского Союза, чья деятельность для них должна быть максимально прозрачной, открытой и дружелюбной.

На наш взгляд, контроль гражданского общества для Европейского Союза чрезвычайно важен.

С одной стороны, это позволит с любого дальнего уголка Европы контролировать

деятельность, акты и решения европейской бюрократии и иных упомянутых ранее объектов.

С другой стороны, это повысит уровень ответственности европейских чиновников.

Кроме того, данный институт компенсирует не вполне демократический характер формирования большинства органов управления Европейским Союзом.

Однако, организация и функционирование института общественного контроля (контроля гражданского общества) в Европейском Союзе сопряжены с многими проблемами, среди которых можно выделить следующие:

Во-первых, серьезной проблемой в Европейском Союзе (несмотря на то, что принят Лиссабонский договор, формально приближенный к уровню Конституции) выступает то обстоятельство, что на сегодняшний день действующей Конституции в Европейском Союзе нет. Хотя она разрабатывалась, частью стран ратифицировалась, но в итоговую силу не вступила. Решение проблемы видится в том, что Конституция Европейскому Союзу нужна, это придаст ему новое дыхание. При этом, в Конституции Европейского Союза нужно отдельной главой закрепить гражданское общество (с правом его контроля за деятельностью, актами и решениями европейской и национальной бюрократии, а также иными объектами, наделенными публичными полномочиями).

Во-вторых, существенная проблема состоит в том, что в Европейском Союзе до сих пор нет отдельной Конвенции о гражданском обществе (с детализированным правом институтов гражданского общества осуществлять контроль за деятельностью, актами и решениями европейской и национальной бюрократии, а также иными объектами, наделенными публичными полномочиями). Решение данной проблемы видится в принятии указанного нормативно-правового акта.

В-третьих, крупная проблема состоит в том, что в области контроля институтов европейского гражданского общества за деятельностью, актами и решениями европейской и национальной бюрократии, а также иными объектами, наделенными публичными полномочиями, слабо развита и научно-правовая доктрина в Европейском Союзе. Решение данной проблемы видится в поручении Европарламенту организовать научно-практические исследования в данной сфере, например, в части разработки форм, методов, принципов, видов мероприятий указанного контроля, выделением системы его субъектов и объектов и т.п.

В-четвертых, существенная проблема состоит в том, что в Европейском Союзе нет специализированных субъектов гражданского общества (общественного контроля). Решение проблемы видится нами в стимулировании создания и работы соответствующих ассоциаций и союзов субъектов общественного контроля (субъектов гражданского общества).

В-пятых, определенную проблему составляет то обстоятельство, что в законодательстве Европейского Союза отсутствуют специальные нормы, посвященные уголовно-правовой ответственности должностных лиц европейской бюрократии за противодействие законной деятельности субъектов гражданского общества (общественного контроля). Решение проблемы видится в принятии соответствующей Европейской конвенции.

В-шестых, значимая проблема состоит и в том, что субъекты гражданского общества в Европе обладают слабыми контрольными полномочиями. Это обстоятельство требует пересмотра в сторону наделения их набором реальных контрольных полномочий за

должностными лицами европейских органов власти.

Заключение.

В ходе проведенного исследования нами был сделан ряд выводов, в числе которых в качестве ключевых можно выделить следующие:

1. Правовые основы гражданского общества и возможности его участия в контроле за аппаратом публичной власти были закреплены в целом ряде нормативно-правовых актов, лежащих в основе создания и развития Европейского Союза (в частности, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 03.09.1953, Лиссабонском договоре о внесении изменений в Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества от 13.12.2007, Хартии Европейского Союза об основных правах 2000 года, Брюссельском пакте 1948 года, Парижском договоре 1951 года, Парижских соглашениях 1954 года, Римских договорах 1954 года, Договоре слияния 1954 года, Едином Европейском акте 1986 года, Маастрихтском договоре 1992 года, Амстердамском договоре 1997 года, Ниццком договоре 2001 года, а также многих иных), большая часть из которых на сегодняшний день не действует, либо не применяется, но они отражают основные этапы развития европейского законодательства, содержащего правовые основы общественного контроля (контроля институтов гражданского общества) за деятельностью, актами и решениями европейской и национальной бюрократии, а также иными объектами, реализующими на европейском и национальном уровне отдельные публичные полномочия.

При этом, в качестве основных исторических этапов закрепления и развития европейского законодательства, затрагивающего проблематику гражданского общества и возможности контроля им деятельности, актов и решений европейской и национальной бюрократии, а также иных объектов, реализующих на европейском и национальном уровне отдельные публичные полномочия, можно выделить: а) послевоенный этап 1947-1953 годов, который охарактеризовался консолидацией основных европейских государств в деле построения единого союза, основанного на системе демократических принципов (в противовес «тоталитарному» СССР и странам социалистического лагеря в Европе); б) этап формирования единых подходов к стандартам демократии в Европе (1953-2000 годы), когда происходила, с одной стороны, унификация национальных законодательств стран Европы, борьба с советской угрозой, закончившаяся уничтожением СССР и стран социалистического лагеря (на данном этапе были предложены единые стандарты «прозрачности» и «участия» гражданского общества как на общеевропейском уровне, так и на уровне отдельных государств Европейского Союза); в) этап развития институтов гражданского общества и его контроля за европейской и национальной бюрократией (2001-2024 годы).

2. Институт общественного контроля (контроля институтов гражданского общества) в Европейском Союзе на европейском и национальном уровне имеет большое значение в силу ряда причин: а) он позволяет контролировать европейскую международную бюрократию, в отношении подавляющего большинства должностных лиц которой отсутствуют действенные механизмы контроля со стороны населения стран Европейского Союза (например, институты отзыва данных должностных лиц от должности); б) данный институт позволяет запрашивать любую информацию о деятельности органов европейской власти из любых самых дальних уголков Европейского Союза (это особенно актуально для так называемых новых членов организации, ранее входивших в состав СЭВ и СССР); в) указанный институт позволяет контролировать не только европейские международные правительственные, но и неправительственные организации; г) данный

институт позволяет комбинировать формы контроля гражданского общества с элементами участия институтов гражданского общества в различных демократических процедурах народовластия на европейском уровне; д) субъекты гражданского контроля в Европейском Союзе, обладающие правом на создание европейских ассоциаций субъектов гражданского общества, могут аккумулировать, обобщать и универсализировать требования к прозрачности органов европейской бюрократии и возможности участия в ее процедурах отдельных субъектов гражданского общества через ассоциативные их формы.

3. Однако, организации и функционированию института общественного контроля (контроля институтов гражданского общества) за европейской бюрократией и иными объектами, реализующими на уровне Европейского Союза отдельные публичные полномочия, препятствует ряд проблем, в числе которых можно выделить, в частности, отсутствие: а) на уровне Европейского Союза единого кодифицированного акта конституционного уровня; б) закрепления в европейском законодательстве прямого указания на право институтов (субъектов) гражданского общества осуществлять контроль за европейской бюрократией и органами публичной власти национальных государств, являющихся членами Европейского Союза, а также за иными объектами, реализующими отдельные публичные полномочия на территории Европейского Союза (например, европейскими неправительственными организациями); в) в правовой доктрине гражданского общества и его контроля комплексных исследований, посвященных анализу форм, методов, принципов, видов и форм мероприятий вышеназванного контроля институтов гражданского общества; г) у субъектов гражданского общества набора реальных полномочий по контролю за европейской бюрократией; д) закрепления в европейском законодательстве системы мер уголовной ответственности должностных лиц европейской бюрократии за игнорирование требований институтов гражданского общества или воспрепятствование их законной деятельности; е) специализированных субъектов вышеназванного контроля гражданского общества.

4. Разрешение указанных проблем потребует разработки и реализации системы мероприятий, в числе которых можно выделить следующие: а) принятие и ратификацию (утверждение) Конституции Европейского Союза, которая придаст новое дыхание данной международной правительственной организации; б) разработку и принятие отдельной Конвенции Европейского Союза, посвященной вопросам закрепления правовых основ общественного контроля (контроля институтов гражданского общества) в Европейском Союзе; в) проведение научно-практических работ под эгидой Европарламента, направленных на разработку форм, методов, принципов, видов и форм мероприятий вышеназванного контроля институтов гражданского общества в Европейском Союзе (с последующим их закреплением в европейском и национальном законодательстве); д) закрепление в законодательстве Европейского Союза возможности и необходимости создания европейских ассоциаций и союзов общественного контроля (контроля институтов гражданского общества) со стимулированием данных процессов из бюджета Европейского Союза (данные субъекты гражданского общества будут выступать в роли специализированных субъектов вышеназванного контроля гражданского общества); е) закрепление в законодательстве Европейского Союза и законодательстве стран, являющихся его членами, набора реальных полномочий для вышеназванных субъектов гражданского общества (их ассоциаций и союзов), а также системы мер уголовной ответственности должностных лиц европейской бюрократии за игнорирование требований институтов гражданского общества или воспрепятствование их законной деятельности.

Библиография

1. Achmad H., Djais A. I., Petrenko E. G., Markov A. A., Vikhareva L. V., Putra A. P. 3-D printing as a tool for applying biotechnologies in modern medicine // *International Journal of Pharmaceutical Research*. 2020. Т. 12. № 4. С. 3454-3463.
2. Бердникова Е. В. Международные правовые стандарты в сфере общественного контроля // *Международное публичное и частное право*. 2018. № 4. С. 6-9.
3. Ведехин А. Ю. «Молодежная гарантия»: программа Европейского Союза по регулированию молодежной занятости // *Труд и социальные отношения*. 2021. Т. 32. № 6. С. 64-72. URL: <https://doi.org/10.20410/2073-7815-2021-32-6-64-72>.
4. Гончаров В. В. Общественный контроль за филиалами и представительствами международных неправительственных организаций на территории России // *Общество: политика, экономика, право*. 2023. № 7 (120). С. 94-99. URL: <https://doi.org/10.24158/per.2023.7.11>.
5. Гончаров В. В. Международное сотрудничество субъектов общественного контроля: к постановке проблемы // *Международное право и международные организации*. 2023. № 4. С. 80-91. URL: <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2023.4.69430>.
6. Гончаров В. В., Максимова С. М., Петренко Е. Г., Поярков С. Ю. О проблемах и перспективах развития информационного обеспечения общественного контроля в Российской Федерации // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 1 (217). С. 76-79. URL: https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_1_76.
7. Гончаров В. В., Петренко Е. Г., Борисова А. А., Толмачёва Л. В., Дмитриева И. А. Система социального доверия (социального рейтинга) в КНР: проблемы и перспективы внедрения в Российской Федерации // *Административное и муниципальное право*. 2023. № 3. С. 78-91. DOI: 10.7256/2454-0595.2023.3.39983.
8. Завьялова Т. Д., Кириллов Р. А., Кириллова О. Ю. Общественный контроль в системе государственных закупок: международный опыт и российская практика // *Вестник МИРБИС*. 2020. № 2 (22). С. 111-121. URL: <https://doi.org/10.25634/MIRBIS.2020.2.13>.
9. Канунников А. А. Диалог гражданского общества стран Латинской Америки и Европейского Союза // *Латинская Америка*. 2021. № 6. С. 6-18. URL: <https://doi.org/10.31857/S0044748X0014980-7>.
10. Кравчук Н. В. Климатическое право Европейского Союза – принцип участия гражданского общества в процессе принятия решений и принцип экологической интеграции // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право*. 2024. № 1. С. 58-70. URL: <https://doi.org/10.31249/iajpravo/2024.01.04>.
11. Матюхова Е. И. Экспертные комиссии в механизме политики интеграции мигрантов в Германии // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2022. Т. 23. № 2. С. 73-85. URL: <https://doi.org/10.31429/26190567-23-2-73-85>.
12. Неженец О. В., Петренко Е. Г. ООН как посредник в урегулировании международных конфликтов // *Эпомен*. 2020. № 35. С. 230-235.
13. Пальченкова В. М. Организация общественного контроля на международном уровне: историко-правовой аспект // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2012. № 4 (10). С. 51-56. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18272723_73940102.pdf.
14. Петренко Е. Г., Кулешова Е. Д. Проблемы защиты жертв военного конфликта на Востоке Украины // *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. 2020. Т. 33. № 1. С. 86-89.
15. Ровинская Т. Л. Европейское зеленое движение в условиях кризиса: новые подходы // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2021. № 4. С. 24-33. URL: <https://doi.org/10.20542/afij-2021-4-24-33>.

16. Чегодарь Н. Д. Эволюция проекта Восточного партнерства: стратегическое использование «мягкой силы» Европейского Союза против России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2023. № 1. С. 81-97. URL: <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-1-81-97>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, проблемы и перспективы развития европейского законодательства об общественном контроле. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "В работе использован ряд методов научного познания, в частности: формально-логический; сравнительно-правовой; историко-правовой; статистический; социологический; метод анализа конкретных правовых ситуаций".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им достаточно подробно: "Вопросы международного сотрудничества и развития субъектов общественного контроля и институтов гражданского общества, занимающихся контролем за международной и (или) национальной бюрократией, широко исследованы в работах Е. В. Бердниковой, [2, с. 6-9] В. В. Гончарова, [4, с. 94-99; 5, с. 80-91] С. Ю. Пояркова, [6, с. 76-79] Т. Д. Завьяловой, [8, с. 111-121] О. В. Неженец, [12, с. 230-235] В. М. Пальченковой, [13, с. 51-56] Е. Д. Кулешовой, [14, с. 86-89] а также ряда иных авторов. В свою очередь, проблематика функционирования контроля гражданского общества на уровне Европейского Союза, а также отдельных стран Европы, детально анализируется в произведениях А. А. Маркова, [1, с. 3454-3463] А. Ю. Ведехина, [3, с. 64-72] А. А. Борисовой, [7, с. 78-91] А. А. Канунникова, [9, с. 6-18] Н. В. Кравчук, [10, с. 58-70] Е. И. Матюховой, [11, с. 73-85] Т. Л. Ровинской, [15, с. 24-33] Н. Д. Чегодарь, [16, с. 81-97] а также некоторых иных ученых. Однако, доля работ, посвященных анализу современных проблем, препятствующих функционированию института общественного контроля (контроля институтов гражданского общества) за европейской бюрократией и иными объектами, реализующими на уровне Европейского Союза отдельные публичные полномочия, не велика, чем и обусловлен выбор темы настоящего научного исследования...".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "На наш взгляд, контроль гражданского общества для Европейского Союза чрезвычайно важен. С одной стороны, это позволит с любого дальнего уголка Европы контролировать деятельность, акты и решения европейской бюрократии и иных упомянутых ранее объектов. С другой стороны, это повысит уровень ответственности европейских чиновников. Кроме того, данный институт компенсирует не вполне демократический характер формирования большинства органов управления Европейским Союзом. Однако, организация и функционирование института общественного контроля (контроля гражданского общества) в Европейском Союзе сопряжены с многими проблемами, среди которых можно выделить следующие: Во-первых, серьезной проблемой в Европейском Союзе (несмотря на то, что принят Лиссабонский договор, формально приближенный к уровню Конституции) выступает то обстоятельство, что на сегодняшний день действующей Конституции в Европейском Союзе нет. Хотя она разрабатывалась, частью стран ратифицировалась, но в итоговую силу не вступила. Решение проблемы видится в том,

что Конституция Европейскому Союзу нужна, это придаст ему новое дыхание. При этом, в Конституции Европейского Союза нужно отдельной главой закрепить гражданское общество (с правом его контроля за деятельностью, актами и решениями европейской и национальной бюрократии, а также иными объектами, наделенными публичными полномочиями). Во-вторых, существенная проблема состоит в том, что в Европейском Союзе до сих пор нет отдельной Конвенции о гражданском обществе (с детализированным правом институтов гражданского общества осуществлять контроль за деятельностью, актами и решениями европейской и национальной бюрократии, а также иными объектами, наделенными публичными полномочиями). Решение данной проблемы видится в принятии указанного нормативно-правового акта. В-третьих, крупная проблема состоит в том, что в области контроля институтов европейского гражданского общества за деятельностью, актами и решениями европейской и национальной бюрократии, а также иными объектами, наделенными публичными полномочиями, слабо развита и научно-правовая доктрина в Европейском Союзе. Решение данной проблемы видится в поручении Европарламенту организовать научно-практические исследования в данной сфере, например, в части разработки форм, методов, принципов, видов мероприятий указанного контроля, выделением системы его субъектов и объектов и т.п." и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его цель и задачи, методологию. В основной части статьи автор исследует проблемы и перспективы развития европейского законодательства об общественном контроле, а также разрабатывает систему мероприятий по разрешению выявленных им проблем. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и в целом не вызывает особых нареканий.

Автор пишет: "Во-вторых, этап (1953-2000 годов) охарактеризовался принятием огромного числа конвенций, договоров, соглашений, хартий, направленных на формирование единых подходов к стандартам демократии в Европе" - скобки являются лишними.

Библиография исследования представлена 16 источниками (научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования (анализ европейского законодательства об общественном контроле). Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("... организации и функционированию института общественного контроля (контроля институтов гражданского общества) за европейской бюрократией и иными объектами, реализующими на уровне Европейского Союза отдельные публичные полномочия, препятствует ряд проблем, в числе которых можно выделить, в частности, отсутствие: а) на уровне Европейского Союза единого кодифицированного акта конституционного уровня; б) закрепления в европейском законодательстве прямого указания на право институтов (субъектов) гражданского общества осуществлять контроль за европейской бюрократией и органами публичной власти национальных государств, являющихся членами Европейского Союза, а также за иными объектами, реализующими отдельные публичные полномочия на территории Европейского Союза (например, европейскими

неправительственными организациями); в) в правовой доктрине гражданского общества и его контроля комплексных исследований, посвященных анализу форм, методов, принципов, видов и форм мероприятий вышеназванного контроля институтов гражданского общества; г) у субъектов гражданского общества набора реальных полномочий по контролю за европейской бюрократией; д) закрепления в европейском законодательстве системы мер уголовной ответственности должностных лиц европейской бюрократии за игнорирование требований институтов гражданского общества или воспрепятствование их законной деятельности; е) специализированных субъектов вышеназванного контроля гражданского общества. ... Разрешение указанных проблем потребует разработки и реализации системы мероприятий, в числе которых можно выделить следующие: а) принятие и ратификацию (утверждение) Конституции Европейского Союза, которая придаст новое дыхание данной международной правительственной организации; б) разработку и принятие отдельной Конвенции Европейского Союза, посвященной вопросам закрепления правовых основ общественного контроля (контроля институтов гражданского общества) в Европейском Союзе; в) проведение научно-практических работ под эгидой Европарламента, направленных на разработку форм, методов, принципов, видов и форм мероприятий вышеназванного контроля институтов гражданского общества в Европейском Союзе (с последующим их закреплением в европейском и национальном законодательстве); д) закрепление в законодательстве Европейского Союза возможности и необходимости создания европейских ассоциаций и союзов общественного контроля (контроля институтов гражданского общества) со стимулированием данных процессов из бюджета Европейского Союза (данные субъекты гражданского общества будут выступать в роли специализированных субъектов вышеназванного контроля гражданского общества); е) закрепление в законодательстве Европейского Союза и законодательстве стран, являющихся его членами, набора реальных полномочий для вышеназванных субъектов гражданского общества (их ассоциаций и союзов), а также системы мер уголовной ответственности должностных лиц европейской бюрократии за игнорирование требований институтов гражданского общества или воспрепятствование их законной деятельности" и др.), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества. Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права: устранении небольших нарушений в оформлении работы.

Международное право

Правильная ссылка на статью:

Родионов А.Е. Современное международно-правовое регулирование кибербуллинга в отношении защиты прав детей // Международное право. 2025. № 1. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.1.72807 EDN: XDBUQD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72807

Современное международно-правовое регулирование кибербуллинга в отношении защиты прав детей

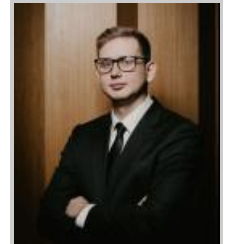
Родионов Алексей Евгеньевич

ORCID: 0009-0002-5146-473X

аспирант, кафедра Международное право; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» (ИЗиСП)
Юрист; Адвокатское Бюро "Дубровская; Кузнецова и партнеры г. Москвы

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34

✉ alex.kreativ@mail.ru

[Статья из рубрики "Развитие отдельных отраслей международного публичного права"](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2025.1.72807

EDN:

XDBUQD

Дата направления статьи в редакцию:

22-12-2024

Дата публикации:

25-01-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу современного международно-правового регулирования кибербуллинга и его влияния на защиту прав детей. Актуальность исследования обусловлена возрастающей распространенностью кибербуллинга, особенно среди детей, и его усилением в условиях гибридных вооруженных конфликтов. Это явление требует всестороннего изучения существующей международно-правовой базы для выявления ее сильных и слабых сторон в обеспечении защиты прав ребенка в цифровом пространстве. Объектом исследования является международно-правовая база, регулирующая кибербуллинг и защиту прав ребенка. Предметом исследования выступают нормы международного права, регулирующие общественные отношения в сфере защиты несовершеннолетних от буллинга в сети Интернет. Цель исследования –

критически оценить эффективность существующих международных договоров, конвенций и деклараций в противодействии кибербуллингу и защите детей от насилия в сети «Интернет». Методами исследования выступили анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение, а также формально-логический; историко-правовой; сравнительно-правовой; статистический; социологический; метод анализа конкретных правовых ситуаций. Статья сосредоточена на выявлении пробелов и недостатков в современном международном праве, включая его ограниченность в эффективном реагировании на различные цифровые вызовы, в том числе создаваемые кибербуллингом в условиях гибридных войн. В работе исследованы сущностные аспекты правовых основ и значения международного сотрудничества по борьбе с кибербуллингом, уделено внимание различным подходам противодействия как со стороны основных органов ООН, так и региональных международных организаций, в условиях новых вызовов и угроз в отношении детей. Приведены основные международные акты, регламентирующие рассматриваемый вопрос и аргументирована позиция относительно современного состояния международных актов по преодолению проблемы. Отражена значимость совершенствования международно-правового регулирования с целью обеспечения защиты прав ребенка в условиях гибридных вооружённых конфликтов. Уделено внимание пробелам и недостаткам существующих норм, а также перспективам развития международного права в указанной области.

Ключевые слова:

вооруженные конфликты, гибридная война, защита прав детей, интернет, кибербуллинг, международное право, международные акты, международно-правовое регулирование, международные организации, международное взаимодействие

Введение

Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет стала неотъемлемой частью мировой экономики, коммуникации и права [\[5, 6, 22, 40\]](#). Развитие Интернета привело к появлению новых правовых вызовов – защиты персональных данных, кибербезопасности и международного регулирования цифровой среды [\[41\]](#), а также невозможно исключить влияние Интернета как основного средства достижения целей гибридной войны [\[25, с. 6\]](#).

Интернет перешел из статуса исследовательского проекта в глобальное коммерческое и общественное явление, поскольку в 1989 году Тим Бернерс-Ли предложил концепцию Всемирной паутины (World Wide Web), которая включала гипертекстовые документы, доступные через браузеры [\[52\]](#). Указанная технология сделала Сеть доступной для массового использования, что привело к ее стремительному росту в современном виде.

Следует отметить, что угрозы информационной безопасности являются неотъемлемым аспектом развития и использования информационных технологий [\[18, с. 129\]](#). Отсутствие в международном праве точных правовых норм, регламентирующих противодействие кибератакам, усугубляется, вместе с тем, и отсутствием единого определения понятию «кибератака» [\[18, 39\]](#).

Компьютерные преступления, или киберпреступления, – это широкий круг деяний,

включающий в себя посягательства разной степени опасности на различные общественные ценности: неприкосновенность частной жизни, собственность, доступ к информации [\[5, с. 167–171\]](#). По мнению Г.Г. Шинкарецкой, в принятых определениях не проводится различия между киберпреступностью, кибератакой и кибервойной, поэтому эти термины могут применяться повсеместно и широко [\[35\]](#).

Для обозначения травли в образовательных организациях используется термин «буллинг». Слово «буллинг» как лексическая единица современного языкового поля происходит от голландского *boel* «любовник, брат» и средненемецкого уменьшительного *buole* «брат». В течение XVII века в европейских языках оно применялось в значениях от «славного парня», «хвастуна» до «преследователя слабых». В качестве глагола «запугивать» слово *bully* впервые употребляется в английском языке не ранее 1710 года [\[19, с. 112–115\]](#).

В указанной связи следует отметить, что кибербуллинг является отдельным видом сетевой (онлайн) агрессии, которая отличается от природы интернет-атак [\[5, с. 1–2; 6\]](#), и как современное правовое явление определение «жертвы кибербуллинга» у многих авторов отсутствует [\[5, с. 1\]](#). В отечественной и зарубежной литературе традиционно ограничиваются толкованием «киберзапугивания», не разъясняя понятие пострадавших от него лиц [\[4; 13; 46\]](#).

Проблематика кибербуллинга является предметом активных исследований как в зарубежной, так и в отечественной науке.

Работы таких зарубежных ученых, как Йувонен и Е.Ф. Гросс, Ц. Кыриацоу и А. Зуин, а также К. Алонсо, Э. Ромеро и К. Кумар, в значительной степени способствовали развитию теоретических основ данного явления. В их исследованиях кибербуллинг рассматривается с различных точек зрения – психологической, социальной, культурной и правовой. Они уделяют внимание психологическим эффектам, которые испытывают жертвы, а также анализируют особенности агрессивных действий в онлайн-среде.

Отечественные исследователи – такие, как Д.В. Завьялова, А.Ю. Гусев, Д.В. Жмуров, Л.В. Бондаренко, О.Н. Ведерникова, Э. Верхелст и др., также внесли значительный вклад в изучение проблемы. Работы этих авторов посвящены различным аспектам кибербуллинга, включая его правовую классификацию, социальные последствия и меры противодействия. Д.В. Завьялова и А.Ю. Гусев акцентируют внимание на характеристиках и формах кибербуллинга в российском контексте, а Д.В. Жмуров и Л.В. Бондаренко рассматривают психологические и социальные факторы, влияющие на возникновение этого явления.

Конкретизация понятия кибербуллинга осуществлена в работах Й. Йувонен и Е.Ф. Гросс, где под кибербуллингом предложено понимать воздействие на физическое лицо или преследование физического лица с применением информационно-коммуникационных технологий. Кибербуллинг осуществляется для распространения клеветы и оскорблений, унижения жертвы, доведения жертвы до самоубийства [\[11, 42\]](#).

В то же время, Ц. Кыриацоу, А. Зуин понимают под кибербуллингом и разглашение конфиденциальной информации как самостоятельную категорию преступных деяний, включающих в себя размещение в информационной среде материалов, составляющих личную или семейную тайну [\[11, 44\]](#).

Категорию пострадавших нередко описывают как лиц с относительно высокими

показателями доброжелательности, нейротизма и экстраверсии, открытых опыту [\[38\]](#).

В указанных определениях можно отметить несколько спорных моментов. Во-первых, при ограничении кибербуллинга исключительно воздействием через информационно-коммуникационные технологии (Йувонен и Гросс) не учитывается роль других факторов – таких, как контекст социальной сети или конкретные формы онлайн-агрессии. Во-вторых, разглашение конфиденциальной информации (Кыриацоу и Зуин) может быть слишком обширным и охватывать действия, которые не всегда можно классифицировать как кибербуллинг, например, в случае случайных утечек данных или неумышленного распространения личной информации.

Современные русские правоведы дают следующие определения кибербуллинга. Д.В. Завьялова: «Кибербуллинг, в отличие от классической травли, осуществляется в киберпространстве: в социальных сетях, мессенджерах, на форумах, на игровых площадках и в других коммуникационных сетевых пространствах» [\[6\]](#). А.Ю. Гусев дает обтекаемую формулировку: кибербуллинг – травля, издевательство, носящие систематический характер, с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет [\[15\]](#). Д.В. Жмуров утверждает: «Традиционно под этим явлением понимается агрессивное взаимодействие с использованием электронных средств коммуникации» [\[13\]](#).

При анализе определений кибербуллинга, предложенных отечественными авторами, можно сделать несколько ключевых замечаний. Д.В. Завьялова ограничивает кибербуллинг исключительно киберпространством, не учитывая, что агрессия может проявляться и в других формах коммуникации – таких, как онлайн-игры или электронная почта. А.Ю. Гусев указывает на «систематический характер», но не уточняет критерии, по которым можно определить систематичность травли, что затрудняет практическое применение определения данного автора в юридической или социальной практике. Определение Д.В. Жмурова, характеризующее кибербуллинг как «агрессивное взаимодействие», является слишком обобщённым и не отражает специфических психологических и социальных аспектов этого явления – таких, как намеренное унижение и психологическое воздействие на жертву.

Представляется возможным в рамках настоящей работы дать собственное определение данному деянию: кибербуллинг – это систематические целенаправленные действия, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий (включая, но не ограничиваясь Интернетом, мобильными телефонами, социальными сетями и другими электронными средствами связи), направленные на унижение, запугивание, оскорбление, преследование или причинение иного вреда (физического, психологического, репутационного) другому лицу; эти действия включают угрозы, распространение ложной или компрометирующей информации, публикацию оскорбительных материалов, использование уничижительных изображений или сообщений, а также другие формы онлайн-агрессии, которые приводят к значительным и долгосрочным негативным последствиям для психоэмоционального состояния, социальной репутации или физического благополучия жертвы.

У Р. Бадинтера есть формулировка: «Права человека не даны нам в откровение, у них есть своя история» («Les droits de l'homme ne nous ont pas été révélés, mais ont une histoire») [\[39, с. 1\]](#), что отражает длительное становление таких прав. В условиях стремительного развития цифровых технологий и расширения виртуального пространства кибербуллинг становится глобальной проблемой, затрагивающей права человека в

целом, а также права детей, включая право на защиту от насилия, психическое и физическое здоровье, неприкосновенность частной жизни в условиях новой угрозы.

Между тем, развитие информационных технологий внесло существенные коррективы в военные доктрины, планы и стратегии боевых действий. К примеру, в военных подразделениях стран Североатлантического альянса созданы кибервойска с функциями, не ограниченными одной лишь защитой собственных коммуникаций [\[34, с. 2\]](#). Они активно занимаются шпионажем с помощью сети Интернет, а также распространением порочащих сведений и формированием нужного общественного мнения в социальных сетях [\[25, с. 6\]](#). В условиях гибридного противостояния государств дети являются самой уязвимой группой.

Взаимосвязь между кибербуллингом в отношении несовершеннолетних и гибридными (информационными) войнами обуславливается использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет в качестве инструмента целенаправленного информационного воздействия. Кибербуллинг, являющийся одной из форм незаконного информационного влияния, предполагает психологическое давление, угрозы, распространение порочащих сведений и манипуляцию данными, что приводит к существенному нарушению прав и свобод несовершеннолетних, гарантированных международным и национальным правом. Эти методы могут быть интегрированы в стратегии гибридных войн, направленные на подрыв устойчивости гражданских институтов, разжигание социальной напряженности и деморализацию уязвимых групп населения, включая несовершеннолетних [\[16; 21\]](#).

Кроме того, подходы, используемые в кибербуллинге, по своей сути схожи с методами, применяемыми в рамках гибридных войн, включая распространение дезинформации, информационные манипуляции и пропагандистское давление. Разница заключается в масштабе воздействия: если кибербуллинг ограничивается воздействием на индивидов, то гибридные войны охватывают более широкий круг субъектов, включая несовершеннолетних как наиболее уязвимую аудиторию [\[26\]](#).

Кибербуллинг может рассматриваться не только как самостоятельное противоправное явление, но и как элемент стратегии гибридных войн, использующий схожие механизмы информационного воздействия в целях нарушения общественного порядка, дестабилизации и достижения иных противоправных целей [\[27\]](#).

Ввиду актуальности проблемы противодействия кибербуллингу в контексте защиты прав детей представляется возможным исследовать международно-правовые регуляторы, направленные на предупреждение и пресечение кибербуллинга, и рассмотреть эффективность применяемых международным сообществом мер. Особого внимания требует рассмотрение роли универсальных и региональных международных договоров, а также деятельности специализированных международных организаций.

Материалы и методы

Объектом исследования является международно-правовая база, регулирующая кибербуллинг и защиту прав ребенка. Предметом исследования выступают нормы международного права, регулирующие общественные отношения в сфере защиты несовершеннолетних от буллинга в сети Интернет. Цель исследования — критически оценить эффективность существующих международных договоров, конвенций и деклараций в противодействии кибербуллингу и защите детей от насилия в сети Интернет.

Для проведения исследования и комплексного раскрытия его предмета в статье применены системный и комплексный подходы, сравнительно-правовой и доктринальный принципы исследования.

Основная часть

В силу ч. 3 ст. 1 «Устава Организация Объединенных Наций», ООН преследует цель осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера, а также поощрять и развивать уважение к правам человека и основным свободам для всех людей без различия расы, пола, языка и религии.

На любой основной орган ООН налагается обязанность через «Устав ООН» содействовать международному сотрудничеству в вышеуказанных областях (п. «b» ч. 1 ст. 13, ч. «с» ст. 55, ч. 2 ст. 62, ч. «с» ст. 76 «Устава ООН»).

Реализация международного взаимодействия зафиксирована в «Декларации о принципах международного права», касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с «Уставом Организации Объединенных Наций», «Резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН» от 24.10.1970.

Основополагающие положения свободы убеждений и их свободного выражения были определены в ст. 19 «Всеобщей декларации прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948), в ст. ст. 2–27 «Международного пакта о гражданских и политических правах» (принят 16.12.1966 «Резолюцией 2200 (XXI)» на 1496-м Пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН), в ст. ст. 12–14 «Конвенции о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989), в ч. 6 ст. 1 «Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций» (принята «Резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи» от 08.09.2000) и многих других документах.

В контексте кибербуллинга необходимо отметить «Конвенцию о правах ребенка» 1989 года, которая закрепляет общие принципы защиты прав ребенка, применимые к деятельности по защите детей от преступлений в сети Интернет и обязывающие государства защищать ребенка от информации и материалов, наносящих вред его благополучию (п. «е» ст. 17) [\[7, с. 21\]](#).

Значимость имеет также «Конвенция Совета Европы о защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки персональных данных» (1981 года), которая создала основы для защиты частной жизни в условиях цифровизации, косвенно затрагивая возможные угрозы кибербуллинга, связанные с неправомерным использованием данных. В ст. 1 данной Конвенции закреплено, что ее целью является обеспечение на территории каждой стороны для каждого физического лица, независимо от его гражданства или местожительства, уважения его прав и основных свобод, и в частности его права на неприкосновенность частной жизни в отношении автоматизированной обработки касающихся его персональных данных («защита данных»). В ст. 2 указанной Конвенции прямо закрепляется понятие «персональные данные», однако из смысла всей Конвенции вытекает, что в действительности ставится вопрос о защите не конкретного физического лица от посягательства (ст. 10 Конвенции), а именно самих персональных данных. Первичные персональные данные также являются объектом посягательства при кибербуллинге, а следовательно, указанные нормы гарантируют безопасность и защиту передачи данных.

Важным международным инструментом в области регулирования поведения в цифровом пространстве стала «Конвенция Совета Европы по киберпреступлениям» (Будапештская конвенция), принятая 23.11.2001. Это первый и до сих пор ключевой международный договор, направленный на борьбу с преступлениями, совершаемыми с использованием компьютерных систем. Основной целью данной Конвенции, закрепленной в ее преамбуле, является разработка совместной политики уголовного права, которая способствовала бы защите общества от киберпреступности, в том числе путем принятия соответствующих законодательных мер и создания эффективного международного сотрудничества. Рассматриваемая Конвенция вводит правовые и процедурные стандарты для предотвращения и преследования киберпреступлений, включая такие явления, как кибербуллинг, в тех случаях, когда он сопряжен с нарушением уголовного законодательства [\[48\]](#).

В ст. 2–6 Будапештской Конвенции перечислены составы преступлений, которые государства-участники обязаны инкорпорировать в свое национальное законодательство, включая неправомерный доступ к компьютерным системам, вмешательство в данные или системы, а также неправомерное использование устройств. Эти положения косвенно охватывают случаи кибербуллинга, связанные с использованием взломанных или поддельных учетных записей, размещением вредоносного контента или незаконным доступом к персональным данным.

Особое внимание в «Конвенции СЕ по киберпреступлениям» уделено вопросам сбора электронных доказательств и обеспечения защиты пострадавших. Глава II данного правового документа устанавливает процессуальные меры для эффективного расследования киберпреступлений. В частности, ст. 16 и 18 вводят обязательства по обеспечению быстрого доступа к данным о трафике и идентификации пользователей, что особенно важно в делах о кибербуллинге, где правонарушители часто используют анонимность Интернета для уклонения от ответственности.

Не менее значимым является положение ст. 15 Будапештской Конвенции, которое требует от государств-участников предусмотреть гарантии защиты прав и свобод личности при реализации процедурных норм, включая защиту данных, что сближает ее с положениями «Конвенции о защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки персональных данных» (1981 г.). Данное требование обеспечивает баланс между необходимостью борьбы с преступлениями и защитой частной жизни пользователей, создавая правовые рамки для пресечения незаконных действий без чрезмерного вмешательства в права человека.

Кроме того, «Конвенция СЕ по киберпреступлениям» предусматривает механизмы международного сотрудничества (глава III), включая оперативный обмен информацией между компетентными органами государств-участников, что особенно важно для расследования трансграничных случаев кибербуллинга. Так, ст. 35 данной Конвенции вводит институт круглосуточных контактных точек, которые могут быть использованы для быстрого обмена данными о преступлениях, совершаемых в Интернете. 7 ноября 2002 года Комитетом министров СЕ был принят, а 20 января 2003 года открыт «Дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности, касающийся криминализации актов расистского и ксенофобского характера, совершаемых через компьютерные системы», который прямо направлен на предотвращение дискриминационного и унижающего достоинство поведения в Интернете, включая случаи, сопряженные с кибербуллингом.

Недостатком Будапештской Конвенции является отсутствие прямой статьи, посвященной

травле в цифровой среде, однако ее положения создают основу для привлечения к ответственности за смежные правонарушения – такие, как угрозы (ст. 4) и неправомерное использование данных (ст. 6). Конвенция о киберпреступности, хотя и является прогрессивным документом своего времени, требует модернизации в свете новых вызовов цифровой эпохи [\[49\]](#). Вызовы включают распространение явлений – таких, как массовые кибератаки, анонимность, шифровку подключения, систематические онлайн-нападки с помощью платформ, которые охватывают большую аудиторию онлайн-посетителей и другие, выходящие за рамки первоначальных формулировок Конвенции [\[45\]](#).

Между тем, интерес представляет «Рекомендация CM/Rec(2014)6 Комитета министров государствам-членам Совета Европы к Руководству по правам человека для интернет-пользователей» (принята 16.04.2014 г. на 1197-м заседании постоянных представителей министров), в которой подчеркивается необходимость разработки национальных стратегий, направленных на защиту детей от насилия, включая кибербуллинг, а также на продвижение цифровой грамотности.

В ч. 1 «Рекомендации CM/Rec(2014)6...» закреплено, что: «Государства-члены Совета Европы обязаны обеспечить каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и основные свободы, закрепленные в "Европейской конвенции о защите прав человека" (СЕД № 5, Конвенция). Это обязательство также действует и в отношении использования сети Интернет. Здесь также применяются и другие конвенции и документы Совета Европы, касающиеся защиты свободы выражения мнения, доступа к информации, свободы собраний, защиты от киберпреступности и права на частную жизнь и на защиту персональных данных».

В разделе «Дети и молодежь» ч. 5 «Рекомендации CM/Rec(2014)6...» прямо указано, что кибербуллинг должен пресекаться и не допускаться: «Вам должна быть предоставлена особая защита от нарушения вашего физического, психического и нравственного благополучия, в частности, защита от сексуальной эксплуатации и оскорблений в Интернете и других форм киберпреступности. В частности, у вас есть право на образование, призванное защитить вас от таких угроз».

Совет Европы закрепил необходимость пресечения и недопущения кибербуллинга, рассматривая его как угрозу физическому, психическому и нравственному благополучию детей, сопоставимую с сексуальной эксплуатацией и другими формами киберпреступности.

Исходя из этого, кибербуллинг юридически признается противоправным деянием, требующим принятия всех возможных мер для его искоренения. Государства, являющиеся членами Совета Европы, обязаны обеспечивать право детей на защиту от подобных угроз, включая создание образовательных программ, направленных на профилактику и противодействие кибербуллингу. Кроме того, особое значение уделяется свободе выражения мнения, праву на частную жизнь, праву на образование, правам ребенка и защите от киберпреступности (ч. 9 «История вопроса и контекст»).

Более того, Совет Европы, не отменяя, а развивая положения «Рекомендации CM/Rec(2009)5 Комитета министров государствам-членам о мерах по защите детей от вредоносного контента и поведения и по поощрению их активного участия в новой информационной и коммуникационной среде», перенес эти принципы и цели в новую Рекомендацию, тем самым отразив преемственность и актуальность поднятых вопросов и подчеркнув, что государства-участники должны организовать своевременный ответ на

жалобы на кибериздевательства или киберухаживания, которые влекут за собой негативные последствия.

На рост кибертравли в обществе, в частности в отношении детей в Интернете и цифровом пространстве, обратили недавно внимание и в ООН.

П. 16 «Резолюции ООН № 74/133» от 2019 г. «решительно осуждает все формы насилия в отношении детей, совершаемого при любых обстоятельствах, включая физическое, психологическое и сексуальное насилие, (...) сексуальную эксплуатацию детей в Интернете и вне его, травлю, включая кибертравлю, и настоятельно призывает государства к тому, чтобы они активизировали усилия для предотвращения всех форм такого насилия и защиты детей от него посредством применения всеобъемлющего, учитывающего гендерные аспекты и возраст подхода, выработали инклюзивный, многофункциональный и систематизированный комплекс мер для эффективного реагирования на насилие в отношении детей и для обеспечения безопасных и учитывающих интересы детей механизмов консультирования, рассмотрения жалоб и представления сообщений и гарантий прав пострадавших детей и интегрировали этот комплекс мер в национальные процессы планирования».

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 75/166 «Защита детей от издевательства» от 16.12.2020 зафиксировала, что ежегодно, начиная с 2020 года, в первый четверг ноября отмечается Международный день борьбы с насилием и издевательствами в школе, включая киберзапугивание [\[7, с. 5\]](#).

ООН разработаны различные иные рекомендации – например, «Защита детей в Интернете (COP)», которая представляет собой многостороннюю сеть, созданную Международным союзом электросвязи (МСЭ) для защиты детей в Интернете с всеобъемлющим набором рекомендаций для всех заинтересованных сторон о том, как способствовать созданию безопасной и расширяющей возможности онлайн-среды для детей и молодежи.

В 2019 г. ЮНИСЕФ опубликовал дискуссионный документ под заголовком *Child Rights and Online Gaming: Opportunities & Challenges for Children and the Industry* («Права ребенка и онлайн-игры: возможности и сложности для детей и отрасли»), чтобы обсудить возможности и сложности, возникающие перед детьми в одной из наиболее быстро растущих отраслей развлечений. В документе рассматриваются следующие темы: 1) право детей на игру и свободу выражения (время, проводимое за игрой, и последствия для здоровья); 2) отсутствие дискриминации, участие и защита от насилия (социальное взаимодействие и полноправное включение, токсичная среда, возрастные ограничения и их проверка, защита от груминга и сексуальных злоупотреблений); 3) право на конфиденциальность и свободу от экономической эксплуатации (бизнес-модели предоставления доступа за данные, бесплатные игры и монетизация, отсутствие прозрачности в коммерческом контенте).

Основой международного права является государственный суверенитет, который, однако, с трудом вписывается в реальность киберпространства [\[53\]](#). Несмотря на достигнутый консенсус относительно реализации государственного суверенитета в киберпространстве, ни одно из существующих государств не может претендовать на суверенитет, который бы охватывал все киберпространство [\[47\]](#) ввиду того фактора, что многие элементы инфраструктуры, на базе которых существует киберпространство, находятся в пределах разных суверенных территорий и, следовательно, согласно международному праву, относятся к разным юрисдикциям [\[8\]](#).

Тем не менее, Дж. Трачтмэн справедливо отмечает, что деление юрисдикций не должно быть основанием для отказа от регулирования всего киберпространства: в конце концов, действия в киберпространстве всё равно осуществляются на конкретной территории, равно как и их последствия ощущаются в конкретной области [\[51\]](#). И то обстоятельство, что отдельные проблемы выходят за рамки конкретных юрисдикций, не является чем-то новым для международного права [\[8\]](#).

Исходя из вышеуказанного, следует констатировать, что мировое сообщество в целом начало процедуру признания через нормы международного права проблематики кибербуллинга как новой формы киберпреступности, представляющей угрозу, сопоставимую по наносимому вреду с традиционными формами насилия в отношении детей.

Вопрос профилактики кибербуллинга как одной из форм насилия в цифровом пространстве стал приоритетным направлением деятельности многих региональных международных организаций. Их подходы к решению данной проблемы формируют правовые рамки и создают платформы для сотрудничества между государствами.

Рассмотрим ключевые документы и инициативы таких организаций, как Европейский Союз (ЕС), Организация американских государств (ОАГ), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Содружество Независимых Государств (СНГ) [\[7, с. 1-2\]](#).

Европейский Союз активно занимается вопросами регулирования поведения в цифровой среде, уделяя особое внимание защите персональных данных и борьбе с незаконным контентом. Ведущим документом ЕС в данном контексте является «Общий регламент по защите данных (GDPR) 2016/679», который вступил в силу в 2018 г. «Общий регламент... (GDPR) 2016/679» устанавливает строгие требования к обработке персональных данных, что, в свою очередь, создает барьеры для неправомерного использования информации, типичного для кибербуллинга (например, публикации личных данных без согласия).

В 2022 г. Европейский парламент и Совет ЕС приняли «Акт о цифровых услугах (Digital Services Act)», который регулирует деятельность цифровых платформ, обязывая их оперативно реагировать на жалобы о противоправном контенте, включая случаи кибербуллинга. В ст. 12 Акта DSA предусматриваются обязательства платформ обеспечивать безопасное онлайн-пространство, что прямо касается профилактики цифрового насилия.

Как подчеркивает Г. Винер, меры ЕС демонстрируют комплексный подход к обеспечению цифровой безопасности, сочетая уголовно-правовые, гражданско-правовые и административные механизмы [\[54\]](#).

Межамериканская комиссия по правам человека в 2015 г. опубликовала доклад «Кибербуллинг и цифровая безопасность в Америке» и призвала государства-члены разработать национальные программы по предотвращению насилия в Интернете, особенно среди детей и подростков в социальных сетях, поскольку, когда виктимизация происходит в Интернете, существует большая вероятность того, что она охватит широкую аудиторию. Контроль над содержанием и распространением публикаций находится вне контроля жертвы, и публикация может мгновенно стать вирусной. Это усугубляется тем фактом, что контент хранится в сети Интернет дольше, чем при личном общении, что делает его доступным на неопределённый срок, если только он не будет удалён. Однако

удаление чего-либо на одном сайте не означает, что это будет недоступно на других сайтах и легко не распространится на сотни, если не тысячи, других сайтов [\[48\]](#).

В рамках АСЕАН разработан «План действий по обеспечению кибербезопасности 2021–2025 гг.», который включает меры по защите пользователей от киберугроз, включая кибербуллинг. В документе подчеркивается необходимость развития регионального сотрудничества в области предотвращения и расследования цифровых преступлений [\[50\]](#).

В ЕАЭС осознают необходимость совместных усилий для борьбы с киберпреступностью и кибербуллингом и принимают серьезные меры, направленные на обеспечение информационной безопасности. Так, в 2013 г. в Санкт-Петербурге было заключено «Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых государств в области обеспечения информационной безопасности». Указанный нормативно-правовой акт является основным в области борьбы с киберпреступностью, и страны – участницы ЕАЭС всё еще руководствуются им при составлении новых актов в области кибербезопасности [\[14, с. 3–4\]](#).

29.05.2014 в г. Астане подписан «Протокол об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского Экономического Союза» (Приложение № 3 к «Договору о Евразийском экономическом союзе») [\[14, с. 4–5\]](#).

По мнению Г.И. Тункина, еще в 1970 г. сфера прав человека, которая ранее была исключительно внутренним делом государств, долгое время оставалась закрытой для международного вмешательства. Однако за последние 60 лет в этой области международного права произошло беспрецедентное развитие. Это развитие охватывает широкий спектр норм – от общепризнанных стандартов до положений, касающихся международных механизмов с обязательной юрисдикцией для защиты нарушенных прав. Это развитие можно рассматривать как значительное достижение, свидетельствующее о расширении влияния международного права на защиту прав человека [\[23, с. 93\]](#); за последующие 40 лет международное сообщество смогло увеличить указанный спектр [\[12\]](#).

Тем не менее, самым главным остается следующий аспект любого международного правового предложения – выгода всем участникам потенциального процесса. Если договор не является компромиссным, то возможность его подписания маловероятна. Это обусловлено «волей государств» в международном праве [\[31\]](#).

Отметим, что правовую позицию по «согласованной воли» государства в международном праве разделяют такие правоведы современности, как В.Р. Авхадеев [\[1\]](#), Б.М. Ашавский [\[2, 3, 33\]](#), А.И. Ковлер [\[10\]](#), И.В. Холиков [\[25–29, 43\]](#), а также правоведы прошлого: Г.И. Тункин [\[23\]](#), И.И. Лукашук [\[31\]](#), Ф.Ф. Мартенс [\[32\]](#) и другие.

«Согласованная воля, во-первых, находит выражение в содержании нормы, во-вторых, она обязывает субъектов соблюдать эту норму. От воли субъектов зависит характер обязательной силы нормы. Они могут придать ей юридическую или морально-политическую обязательную силу по своему усмотрению. Непосредственно субъекты достигают соглашения о содержании нормы и о придании ей соответствующей обязательной силы» [\[31, с. 17\]](#).

Существующие международные правовые акты, хотя и затрагивают отдельные аспекты

защиты прав детей в цифровом пространстве, не всегда содержат исчерпывающие нормы, регулирующие кибербуллинг, поскольку разногласия возникают по вопросам определения самого понятия кибербуллинга, установления юрисдикции в трансграничных случаях, а также определения мер ответственности за совершение данного деяния [\[24\]](#).

Традиционные международно-гуманитарные механизмы, ориентированные на физические формы насилия [\[9\]](#), оказываются недостаточно эффективными для противодействия кибербуллингу, который может причинять существенный вред психическому и эмоциональному здоровью детей, усугубляя гуманитарный кризис в условиях вооружённых конфликтов [\[16\]](#).

Применение кибербуллинга в качестве инструмента гибридной войны представляет собой новую угрозу правам ребенка [\[16, с. 3\]](#), требующую правового ответа [\[14, 7, 16, 17\]](#), а разработка и внедрение универсальных международно-правовых основ требует необходимости достижения консенсуса между государствами с различными правовыми системами, культурными традициями и уровнями технологического развития [\[20, с. 5-6\]](#).

Заключение

Таким образом, новые международные акты должны учитывать специфику киберпреступности в условиях вооруженных конфликтов, включая определение ответственности за организацию и проведение кибератак, направленных на детей [\[15\]](#), установление юрисдикции в отношении трансграничных преступлений [\[21, 30\]](#), а также разработку механизмов предотвращения и расследования подобных деяний [\[36-37\]](#). В условиях гибридной войны ключевыми факторами являются идентификация субъектов, ответственных за кибербуллинг (государства, негосударственные вооруженные формирования, частные лица), и установление ответственности за действия, совершаемые под прикрытием анонимности.

Кибербуллинг, направленный на несовершеннолетних, представляет собой не только отдельное противоправное деяние, но и элемент информационного воздействия, применяемого в рамках гибридных войн. Сходство методов и целей данных явлений – таких, как дезинформация, манипуляция общественным сознанием и психологическое давление, подтверждает необходимость их комплексного анализа в условиях вооруженных конфликтов. Современное международное право демонстрирует на настоящий момент недостаточную степень регламентации указанных вопросов, поскольку отсутствие унифицированного понятия кибербуллинга, пробелы в определении трансграничной юрисдикции и недостаточная разработка механизмов привлечения к ответственности создают правовую неопределенность. Указанные факторы усложняют предотвращение и расследование преступлений, связанных с кибербуллингом и его использованием в рамках гибридных войн.

С учетом вышеизложенного, в числе приоритетных направлений совершенствования международно-правового регулирования кибербуллинга остается необходимость развития унифицированного понятия на основании опыта региональных международных организаций с целью обеспечения единообразного применения норм в различных юрисдикциях.

Кроме того, следует рассмотреть разработку концепции «цифрового нейтралитета» – принципа, запрещающего использование киберпространства для ведения

информационных атак и манипуляции в сторону детей и использование методов гибридной войны, с обязательством государств принимать меры по предотвращению таких действий для защиты детей.

Указанные меры должны быть основаны на базовых принципах международного права, включая принцип суверенного равенства государств, ненападения, мирного разрешения споров и сотрудничества между государствами. Особое внимание должно быть уделено необходимости выполнения обязательств, вытекающих из «Устава ООН». Принятие таких мер укрепит международный правопорядок и обеспечит стабильность в условиях цифровых вызовов современности.

Библиография

1. Авхадеев В.Р.: Оптимизация международного сотрудничества в Арктике в целях предотвращения основных вызовов и угроз национальной безопасности и устойчивому развитию Российской Федерации // Российский ежегодник международного права. 2022. Санкт-Петербург: ООО «Контраст», 2023. С. 169 – 181.
2. Ашавский, Б. М. Принципы невмешательства во внутренние дела государств и уважения прав и свобод человека как компоненты системы основных принципов международного права / Б. М. Ашавский // Образование и право. – 2016. – № 11. – С. 68-74. – EDN XEIFO.
3. Ашавский Б.М. Обязанность защищать: путем гуманитарных интервенций или в соответствии с международным правом? // Право и культура: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Т.А. Сошникова. М.: Изд-во Моск. Гуманит. Ун-та, 2012.
4. Бажанова, А. С. Инновационные технологии в образовательном пространстве современной школы в условиях внедрения ФГОС / А. С. Бажанова, А. Г. Костина // СОВРЕМЕННАЯ НАУКА и ОБРАЗОВАНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ и практики : сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 10 марта 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 109-111. – EDN XANMKV.
5. Бондаренко, Л. В. Кибербуллинг в современных условиях: правовые аспекты противодействия / Л. В. Бондаренко // Перспективы развития институтов права и государства: Сборник научных статей 5-й Международной научной конференции, Курск, 12 мая 2022 года / Редколлегия: А.Н. Пенькова (отв. ред.). – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 167.
6. Василевская Л.Ю., Иванов А.А., Харитонов Ю.С., Калятин В.О., Новикова М.А., Завьялова Д.В. Обзор круглого стола «Социальные сети и гражданское право» // Закон. 2023. № 3. С. 90-113.
7. Ведерникова, О.Н. Международно-правовые основы противодействия преступлениям против детей в сети Интернет / О.Н. Ведерникова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2022. – № 2.
8. Верхелст, Э. Глобальное управление в сфере кибербезопасности: взгляд с позиции международного права и права ЕС / Э. Верхелст, Я. Ваутерс // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2020. – Т. 15, № 2. – С. 141-172. – DOI 10.17323/1996-7845-2020-02-07. – EDN QPNOSY.
9. Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») // Государство и право. 2022. № 12. С. 59—67.
10. Европейская Конвенция в международной системе защиты прав человека: монография / А. И. Ковлер. — М.: Институт законодательства и сравнительного

правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА М, 2019. — 304 с.

11. Елин, В. М. Уголовно-правовые инструменты борьбы с кибербуллингом в США / В. М. Елин // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2022. – № 1. – С. 22-25. – DOI 10.18572/2071-1190-2022-1-22-25. – EDN AADVJZ.

12. Епифанов, А. Е. К вопросу о влиянии международного права на формирование механизмов защиты прав и свобод человека (вопросы теории и истории) / А. Е. Епифанов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – Т. 15, № 2. – С. 14-20. – EDN TVTJKV.

13. Жмуров, Д. В. Жертвы кибербуллинга: состояние проблемы / Д. В. Жмуров // Российский следователь. – 2023. – № 1. – С. 45-50. – DOI 10.18572/1812-3783-2023-1-45-50. – EDN ALMEIV.

14. Ключанова Т. М., Виниченко А. Т., Христинченко К. Ю. Анализ законодательства стран ЕАЭС в области борьбы с киберпреступностью // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 83–90.

15. Ответственность за травлю (буллинг) А.Ю. ГУСЕВ в редакции НИУ «Высшая школа экономики» подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2024 – ст. 16.

16. Плакса В.Н., Холиков И.В. Международно-правовая защита гражданского населения и гражданской инфраструктуры при использовании военного киберпотенциала // Военное право. 2020. № 5(63). С. 200-213.

17. Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Ю. М. Батурин, В. Е. Батюкова, С. Д. Белоцерковский [и др.]; Институт государства и права РАН. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Юнити-Дана», 2020. 559 с.

18. Прончев Г.Б., Лонцов В.В., Монахов Д.Н., Монахова Г.А. Проблемы безопасности информационного общества современной России: Монография.-М.: Экон-Информ, 2014.- 215 с.

19. Ращектаева И.С.: «Работа педагога по формированию цифровой кибербезопасности младшего школьника»-с. 112-115. Современная наука и образование: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей II Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2023. – 176 с.

20. Родионов А.Е., Иванов А.М.: Историко-правовые взгляды на международные проблемы взаимоотношений государств и наций С. 312. В книге Война и мир: уроки истории, вызовы времени. Международная научно-практическая конференция / Авторы-составители: Е.А. Ульяненкова, А.М. Иванов, канд. ист. наук / Под общей ред. Е.А. Ивановой, канд. ист. наук. — Смоленск, 2022.— 440 с., 65 ил.

21. Рябцева Т.Т., Холиков И.В. Правовое регулирование информационной безопасности в современных условиях // Военное право. 2024. № 3(85). С. 17-28.

22. Современное международное право: вызовы, угрозы и тенденции / Государство и право XXI века: современные тенденции и новые вызовы. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Отв. ред. Т.А. Сошникова. М. Изд-во Московского гуманитарного университета. 2020.-346 с.

23. Тункин, Г.И. Теория международного права / Г. И. Тункин. – М., 1970. – 511 с.

24. Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование): Научно-практическое пособие / В. Ю. Артемов, А. М. Белялова, Х. И. Гаджиев [и др.]. Москва: Издательство Проспект, 2022. 352 с.

25. Холиков И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 30–38.

26. Холиков И.В., Милованович А., Наумов П.Ю.: Динамика функционирования

- международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 11. С. 132—148.
27. Холиков И.В., Сазонова К.Л. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 102–111.
28. Холиков И. В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз // Право в Вооруженных Силах-Военно-правовое обозрение. 2021. № 12(293). С. 116-120.
29. Холиков И. В. Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 547-555. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-547-555.
30. Киберпреступления в банковской сфере (Батюкова В.Е.) («Банковское право», 2021, № 2) – С.57-63.
31. Лукашук И.И.: Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов; Изд-во 3-е, перераб. и доп. / И.И. Лукашук.-М.: Волтерс Клувер, 2005.-432 с.
32. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2 т. / Ф.Ф. Мартенс; под ред. В. А. Томсинова.-М.: Зерцало, 2008.-Т. 1. – 251 с.
33. Международное право: учебник / Б.М. Ашавский, М.М. Бирюков, В.Д. Бордунов и др.; отв. ред. С.А. Егоров. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014.
34. Цыбаков Д.Л. Развертывание политико-информационных коммуникаций НАТО и Евросоюза в прибалтийском регионе // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2021. № 3. С. 212 – 219.
35. Шинкарецкая, Г. Г. Проблема выработки определения кибератаки / Г. Г. Шинкарецкая // Международное право. – 2023. – № 2. – С. 10-21. – DOI 10.25136/2644-5514.2023.2.40051. – EDN NYDJJZ.
36. Электронное голосование в России и за рубежом (Худолей Д.М., Худолей К.М.) («Вестник Пермского университета. Юридические науки», 2022, № 3) – С. 476-503.
37. Юсупов М.Ю. Фишинг как угроза конфиденциальности в сети / М.Ю. Юсупов, А.О. Путилов // E-Scio. 2021. № 10 (61). С. 223-232.
38. Alonso C., Romero E. Aggressors and victims in bullying and cyberbullying: a study of personality profiles using the five-factor model // The Spanish Journal of Psychology. 2017. Vol. 20. e76. P.1-14.
39. Badinter R. L'universalité des droits de l'homme dans un monde pluraliste // Revue universelle des droits de l'homme. 1989. Т. 1. P. 204
40. Carr, J., Mechanisms for collective action to prevent and combat online child sexual exploitation and abuse, Council of Europe, 2019. P. 1-36.
41. JACK GOLDSMITH & TIM WU, WHO CONTROLS THE Internet? ILLUSIONS OF A BORDERLESS WORLD (Oxford University Press, Inc., 2006). PP. 226.
42. Juvonen J., Gross E.F. Extending the school grounds?-Bullying experiences in cyberspace // Journal of school Health. 2008. Vol. 78 (9). P. 496 – 505;
43. Kholikov I. Ethical and Legal Basis for the Standards of Triage Used in the Russian Military Medical Service // Resource Scarcity in Austere Environments. An Ethical Examination of Triage and Medical Rules of Eligibility. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2023. P. 77-87. DOI 10.1007/978-3-031-29059-6_5.
44. Kyriacou C., Zuin A: Cyberbullying of teachers by students on YouTube: challenging the image of teacher authority in the digital age // Res. Pap. 2015. Educ. 1522 (October). P. 1-19.;
45. Kumar, C. (2024). Cybercrime and the Law: Challenges in Prosecuting Digital Offenses.

Indian Journal of Law, 2(5), P. 20-25.

46. Murphy C., Understanding cybercrime, EPRS, March 2024. P. 1-9.

47. Schmitt M. et al. (2017) Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. Cambridge: Cambridge University Press P. 184.

48. Shahidullah S., Coates C. and Kersha-Aerga D. (eds), Global Cybercrime and Cybersecurity Laws and Regulations: Issues and Challenges in the 21st Century, Nova Science Publishers Inc., 2022. P.362.

49. Svantesson, D. J. B. Solving the Cybercrime Jurisdiction Puzzle: International Jurisdiction Strategies for a Digitally Connected World. Oxford University Press, 2021.p. 254.

50. Teunissen, C. and Napie, S., Child sexual abuse material and end-to-end encryption on social media platforms: An overview, Australian Government, 2022. P. 1-19.

51. Trachtman J. (2013) Cyberspace and Cybersecurity. The Future of International Law: Global Government / J. Trachtman (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 88.

52. Tim Berners-Lee and Mark Fischetti, Harper: Weaving the Web: The Original Design and Ultimate Destiny of the World Wide Web by Its Inventor. San Francisco, 1999 Publisher: Harper Business; 1st edition (November 7, 2000) PP. 246.

53. Vergne J., Duran R. (2014) Cyberspace et Organisations "Virtuelles": L' état Souverain a-t-Il Encore un Avenir? [Cyberspace and "Virtual" Organizations: Does the Sovereign State Still Have a Future?] // Regards Croisés sur L'Économie. Vol. 1. No. 14. P. 126–139.

54. Wiener G. European Digital Policy: Combating Online Harassment and Cyberbullying // European Journal of Law, 2022). P. 12

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Современное международно-правовое регулирование кибербуллинга в отношении защиты прав детей» исходя из ее названия предметом исследования должны быть нормы международного права, регулирующие общественные отношения в сфере защиты несовершеннолетних от буллинга в сети Интернет.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Отмечается применение современных научных методов (таких как, формально-логический; историко-правовой; сравнительно-правовой; статистический; социологический; метод анализа конкретных правовых ситуаций и др.).

Актуальность исследования. Актуальность темы рецензируемой статьи не вызывает сомнения. Можно согласиться с автором, что «информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет», стала неотъемлемой частью мировой экономики, коммуникации и права... Развитие интернета привело к появлению новых правовых вызовов: защиты персональных данных, кибербезопасности и международного регулирования цифровой среды...». Автор правильно отмечает, что «ввиду актуальности проблемы противодействия кибербуллингу в контексте защиты прав детей, представляется возможным исследовать международно-правовые регуляторы, направленных на предупреждение и пресечение кибербуллинга, и рассмотреть эффективность применимых мер международным сообществом». Данные обстоятельства обуславливают необходимость доктринальных разработок по данной проблематике в целях совершенствования правового регулирования в сфере защиты несовершеннолетних от

буллинга в сети Интернет.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье не сформулированы положения, отличающиеся научной новизной. Статья изобилует ссылками на источники, но отсутствует собственная аргументированная позиция автора по заявленной проблематике.

Стиль, структура, содержание. Нельзя сказать, что тема статьи раскрыта, не все содержание статьи соответствует ее названию. Отдельные фрагменты статьи выходят за рамки заявленной тематики, и на взгляд рецензента, нуждаются в корректировке (например, «... также невозможно исключить влияние «Сети» как основного средства достижения целей гибридной войны...») Материал изложен не всегда последовательно и ясно. Автор смешивает понятия «буллинг в сети Интернет в отношении несовершеннолетних» и «гибридные (информационные) войны». Если по мнению автора эти понятия связаны, то следует это аргументировать. Соблюдены автором требования по объему материала. Статья написана научным стилем, использована специальная юридическая терминология. Встречаются опечатки «современноq». Предпринята автором попытка структурировать статью. Заключение (как обязательная часть научной статьи) должна содержать итоги исследования, собственные выводы автора. Ссылки на других ученых в заключении неуместны.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников. Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа. Вместе с тем, представляется, что список библиографии следует актуализировать, а именно исключить те источники, которые автор не использовал в своей работе.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные, заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Современное международно-правовое регулирование кибербуллинга в отношении защиты прав детей» не может быть рекомендована к опубликованию. Статья нуждается в тщательной доработке. Хотя статья соответствует тематике журнала «Международное право» и написана на актуальную тему, но не отличается научной новизной. Данная статья могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области международного права, информационного права, ювенального права, а также, была бы полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, современное международно-правовое регулирование кибербуллинга в отношении защиты прав детей. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "Для проведения исследования и комплексного раскрытия его предмета в статье применены системный и комплексный подходы, сравнительно-правовой и доктринальный принципы исследования, а также актуальные разработки в области современной защиты прав детей от кибербуллинга".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им

следующим образом: "Информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет», стала неотъемлемой частью мировой экономики, коммуникации и права [5, 6, 22, 40]. Развитие интернета привело к появлению новых правовых вызовов: защиты персональных данных, кибербезопасности и международного регулирования цифровой среды [41], а также невозможно исключить влияние интернета как основного средства достижения целей гибридной войны [25, с. 6]. Интернет перешел из статуса исследовательского проекта в глобальное коммерческое и общественное явление, ввиду того обстоятельства, что в 1989 году Тим Бернерс-Ли предложил концепцию Всемирной паутины (World Wide Web), которая включала гипертекстовые документы, доступные через браузеры [52]. Указанная технология сделала «Сеть» доступным для массового использования, что привело к ее стремительному росту в современном ее виде. Следует отметить, что угрозы информационной безопасности являются неотъемлемым аспектом развития и использования информационных технологий [18, с. 129]. Отсутствие в международном праве точных правовых норм, регламентирующих противодействие кибератакам, усугубляется вместе с тем и отсутствием единого определения понятию «кибератака» [18, 39]" и др.; "Для обозначения травли в образовательных организациях используют термин «буллинг». ... В указанной связи, нужно отметить, что кибербуллинг является отдельным видом сетевой (онлайн) агрессии, которая отличается от природы интернет-атак [5, с. 1-2; 6], и как современное правовое явление определение «жертвы кибербуллинга» у многих авторов отсутствует [5, с. 1]. В отечественной и зарубежной литературе традиционно ограничиваются толкованием «киберзапугивания», не разъясняя понятие пострадавших от него лиц [4; 13; 46]"; "Р. Бадинтера есть формулировка: «Права человека не даны нам в откровение, у них есть своя история» («Les droits de l'homme ne nous ont pas été révélés, mais ont une histoire») [39, с. 1], что отражает длительное становление таких прав, а в условиях стремительного развития цифровых технологий и расширения виртуального пространства кибербуллинг становится глобальной проблемой, затрагивающей права человека в целом, и права детей, включая право на защиту от насилия, психического и физического здоровья, неприкосновенность частной жизни в условиях новой угрозы". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в некоторых заключениях автора, к примеру: "Современное международное право демонстрирует на настоящий момент недостаточную степень регламентации указанных вопросов, поскольку отсутствие унифицированного понятия кибербуллинга, пробелы в определении трансграничной юрисдикции и недостаточная разработка механизмов привлечения к ответственности создают правовую неопределенность. Указанные факторы усложняют предотвращение и расследование преступлений, связанных с кибербуллингом и его использованием в рамках гибридных войн. С учетом вышеизложенного, в числе приоритетных направлений совершенствования международно-правового регулирования кибербуллинга, остается необходимость развития унифицированного понятия, на основании опыта региональных международных организаций с целью обеспечения единообразного применения норм в различных юрисдикциях. И кроме того, рассмотреть разработку концепции «цифрового нейтралитета», принципа, запрещающего использование киберпространства для ведения информационных атак и манипуляции в сторону детей, используя методы гибридной войны, с обязательством государств принимать меры по предотвращению таких действий для защиты детей. Указанные меры должны быть основаны на основополагающих принципах международного права, включая принцип суверенного равенства государств, ненападения, мирного разрешения споров и сотрудничества между государствами. Особое внимание должно быть уделено необходимости

выполнения обязательств, вытекающих из Устава ООН. Принятие таких мер укрепит международный правопорядок и обеспечит стабильность в условиях цифровых вызовов современности", однако в целом статья носит реферативный характер, представляя собой компиляцию ряда использованных при ее написании источников. Таким образом, исследование нуждается в доработке, о чем более подробно будет сказано ниже.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор исследует эффективность существующих международных договоров, конвенций и деклараций в сфере противодействия кибербуллингу и защиты детей от насилия в сети «Интернет». В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков.

Так, автор пишет: "Информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет», стала неотъемлемой частью мировой экономики, коммуникации и права [5, 6, 22, 40]" - первая запятая является лишней.

Ученый отмечает: "Указанная технология сделала «Сеть» доступным для массового использования, что привело к ее стремительному росту в современном ее виде" - "доступной".

Автор указывает: "По мнению Г. Г. Шинкаревой в отраженных определениях не проводится различия между киберпреступностью, кибератакой и кибервойной, поэтому они могут применяться повсеместно и широко [35]" - "По мнению Г. Г. Шинкаревой, в отраженных определениях не проводится различия между киберпреступностью, кибератакой и кибервойной, поэтому они могут применяться повсеместно и широко [35]". Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются множественные опечатки, орфографические, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Автору следует избегать сплошного цитирования. Его необходимо разбавлять критическими замечаниями, высказыванием своей позиции по спорному вопросу и т.п.

Ученый не предлагает оригинальной дефиниции понятия "кибербуллинг", не разрабатывает концепций определения трансграничной юрисдикции и механизмов привлечения правонарушителей к юридической ответственности.

Библиография исследования представлена 54 источниками (монографиями, научными статьями, учебниками), в том числе на английском языке. С формальной точки зрения этого достаточно, однако работа не отличается высокой степенью самостоятельности.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер. В научную дискуссию с конкретными учеными автор не вступает, ссылаясь на ряд теоретических источников исключительно в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Кибербуллинг, направленный на несовершеннолетних, представляет собой не только отдельное противоправное деяние, но и элемент информационного воздействия, применяемого в рамках гибридных войн. Сходство методов и целей данных явлений, таких как дезинформация, манипуляция общественным сознанием и психологическое давление, подтверждает необходимость их комплексного анализа в условиях вооруженных конфликтов. Современное международное право демонстрирует на настоящий момент недостаточную степень регламентации указанных вопросов, поскольку отсутствие унифицированного понятия кибербуллинга, пробелы в определении трансграничной юрисдикции и недостаточная разработка механизмов привлечения к ответственности создают правовую неопределенность. Указанные факторы усложняют предотвращение и

расследование преступлений, связанных с кибербуллингом и его использованием в рамках гибридных войн. С учетом вышеизложенного, в числе приоритетных направлений совершенствования международно-правового регулирования кибербуллинга, остается необходимость развития унифицированного понятия, на основании опыта региональных международных организаций с целью обеспечения единообразного применения норм в различных юрисдикциях. И кроме того, рассмотреть разработку концепции «цифрового нейтралитета», принципа, запрещающего использование киберпространства для ведения информационных атак и манипуляции в сторону детей, используя методы гибридной войны, с обязательством государств принимать меры по предотвращению таких действий для защиты детей. Указанные меры должны быть основаны на основополагающих принципах международного права, включая принцип суверенного равенства государств, ненападения, мирного разрешения споров и сотрудничества между государствами. Особое внимание должно быть уделено необходимости выполнения обязательств, вытекающих из Устава ООН. Принятие таких мер укрепит международный правопорядок и обеспечит стабильность в условиях цифровых вызовов современности»), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права при условии ее доработки: дополнительном обосновании актуальности избранной автором темы исследования (в рамках сделанного замечания), введении дополнительных элементов научной новизны и дискуссионности, уточнении и углублении отдельных положений работы, устранении многочисленных нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Современное международно-правовое регулирование кибербуллинга в отношении защиты прав детей».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам международно-правового регулирования кибербуллинга. Как указано в статье, «Объектом исследования является международно-правовая база, регулирующая кибербуллинг и защиту прав ребенка. Предметом исследования выступают нормы международного права, регулирующие общественные отношения в сфере защиты несовершеннолетних от буллинга в сети Интернет». Автором выявляются проблемы на международно-правовом уровне в рассматриваемой сфере, делаются выводы по поводу того, как можно минимизировать данные проблемы, как можно найти решение в заявленных сферах.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена: «Цель исследования — критически оценить эффективность существующих международных договоров, конвенций и деклараций в противодействии кибербуллингу и защите детей от насилия в сети Интернет». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. В самой статье отмечается, что «Для проведения исследования и комплексного

раскрытия его предмета в статье применены системный и комплексный подходы, сравнительно-правовой и доктринальный принципы исследования».

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование положений международно-правовых актов. Например, следующий вывод автора: «На рост кибертравли в обществе, в частности в отношении детей в Интернете и цифровом пространстве, обратили недавно внимание и в ООН. П. 16 «Резолюции ООН № 74/133» от 2019 г. «решительно осуждает все формы насилия в отношении детей, совершаемого при любых обстоятельствах, включая физическое, психологическое и сексуальное насилие, (...) сексуальную эксплуатацию детей в Интернете и вне его, травлю, включая кибертравлю, и настоятельно призывает государства к тому, чтобы они активизировали усилия для предотвращения всех форм такого насилия и защиты детей от него посредством применения всеобъемлющего, учитывающего гендерные аспекты и возраст подхода, выработали инклюзивный, многофункциональный и систематизированный комплекс мер для эффективного реагирования на насилие в отношении детей и для обеспечения безопасных и учитывающих интересы детей механизмов консультирования, рассмотрения жалоб и представления сообщений и гарантий прав пострадавших детей и интегрировали этот комплекс мер в национальные процессы планирования»»»

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории международно-правовое регулирование кибербуллинга сложна и неоднозначна. От решения задачи противодействия кибербуллингу зависит вопрос нравственного здоровья детей. При этом ввиду наднационального характера интернета решение задачи лишь на внутригосударственном уровне не может явиться перспективным. Сложно спорить с автором в том, что «Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет стала неотъемлемой частью мировой экономики, коммуникации и права [5, 6, 22, 40]. Развитие Интернета привело к появлению новых правовых вызовов – защиты персональных данных, кибербезопасности и международного регулирования цифровой среды [41], а также невозможно исключить влияние Интернета как основного средства достижения целей гибридной войны [25, с. 6]. Интернет перешел из статуса исследовательского проекта в глобальное коммерческое и общественное явление, поскольку в 1989 году Тим Бернерс-Ли предложил концепцию Всемирной паутины (World Wide Web), которая включала гипертекстовые документы, доступные через браузеры [52]. Указанная технология сделала Сеть доступной для массового использования, что привело к ее стремительному росту в современном виде. Следует отметить, что угрозы информационной безопасности являются неотъемлемым аспектом развития и использования информационных технологий [18, с. 129]. Отсутствие в международном праве точных правовых норм, регламентирующих противодействие кибератакам, усугубляется, вместе с тем, и отсутствием единого определения понятию «кибератака» [18, 39]».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«Кибербуллинг, направленный на несовершеннолетних, представляет собой не только отдельное противоправное деяние, но и элемент информационного воздействия, применяемого в рамках гибридных войн. Сходство методов и целей данных явлений – таких, как дезинформация, манипуляция общественным сознанием и психологическое давление, подтверждает необходимость их комплексного анализа в условиях вооруженных конфликтов. Современное международное право демонстрирует на настоящий момент недостаточную степень регламентации указанных вопросов, поскольку отсутствие унифицированного понятия кибербуллинга, пробелы в определении трансграничной юрисдикции и недостаточная разработка механизмов привлечения к ответственности создают правовую неопределенность. Указанные факторы усложняют предотвращение и расследование преступлений, связанных с кибербуллингом и его использованием в рамках гибридных войн».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию норм международного права, что может быть полезным для специалистов в данной сфере и для правотворческой деятельности.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенный интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Международное право», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с международно-правовым регулированием кибербуллинга.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг поставленной цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Василевская Л.Ю., Иванов А.А., Харитонов Ю.С., Калятин В.О., Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г., Vergne J., Duran R. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области регулирования отдельных отношений в цифровой среде.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием

общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам совершенствования международно-правового регулирования кибербуллинга.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Международное право

Правильная ссылка на статью:

Гу В., Черных И.А. Генезис института денонсации в теории и практике права международных договоров // Международное право. 2025. № 1. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.1.72988 EDN: AXRVNQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72988

Генезис института денонсации в теории и практике права международных договоров

Гу Вэньшо

ORCID: 0009-0009-8484-3796

аспирант; кафедра Международного права; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, оф. 6

✉ 1042225079@pfur.ru

Черных Ирина Алексеевна

ORCID: 0000-0002-5369-1736

кандидат юридических наук

доцент; кафедра Международного права; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, оф. 6

✉ chernykh-ia@rudn.ru

[Статья из рубрики "История международного права"](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2025.1.72988

EDN:

AXRVNQ

Дата направления статьи в редакцию:

10-01-2025

Дата публикации:

05-02-2025

Аннотация: Международные договоры на протяжении всей истории становления, развития и существования государств всегда играли ключевую роль в регулировании

отношений между ними. Однако постоянное развитие международного права и изменение конъюнктуры международных отношений приводили как к заключению, так и к выходу из международных договоров. В доктрине международного права, в том числе истории международного права и права международных договоров, основное внимание в большей степени акцентируется на процедурах подписания, заключения и вступления в силу международных договоров, тогда как вопросы прекращения международных договоров заслуживают меньшего внимания у учёных юристов-международников. Актуальность темы денонсации международных договоров обусловлена как сложностями, возникающими при реализации права на денонсацию, так и необходимостью наличия детализированного международно-правового урегулирования данного процесса. Для выявления сущностных характеристик института денонсации международных договоров в статье проводится всесторонний историко-правовой анализ с использованием методов сравнительно-правового исследования. Новизна данной статьи заключается в систематизации эволюции права на денонсацию международных договоров от экзогенного к эндогенному характеру, а также в выявлении влияния политических факторов на его практическую реализацию. Впервые эти изменения рассматриваются в контексте основополагающего принципа права международного договора — *pacta sunt servanda*. Отмечается, что институт денонсации международных договоров прошел значительную эволюцию, начиная с древних времен. Ключевую роль в его формировании сыграли Лондонская конвенция 1871 г. и Венская конвенция 1969 г. Обозначенные документы были использованы для разработки периодизации права на денонсацию, включающей в себя три этапа. Существующая международно-правовая база регулирует применение права на денонсацию не исчерпывающим образом, что приводит к разрозненной практике. Для дальнейшего развития данного института требуется унификация норм и механизмов контроля права на денонсацию для предотвращения злоупотреблений этим правом и обеспечения стабильности международных договоров.

Ключевые слова:

право на денонсацию, Венская конвенция, международный договор, Комиссия международного права, право международных договоров, Вестфальский мир, выход из договора, история международных договоров, теория международного права, практика международных договоров

1. Постановка вопроса

Право государств на денонсацию международного договора является одним из важных элементов в отрасли права международных договоров. Однако необходимо отметить, что до сих пор не существует ни одного международно-правового документа, закрепляющего определение понятия «денонсация международного договора» [\[1, с. 155\]](#). Из анализа доктринальных источников, посвященных тем или иным вопросам права международных договоров [\[2, с. 124\]](#), можно прийти к выводу, что денонсация международного договора – это «отказ государства-участника от договора с предупреждением, сделанным в порядке и в сроки, предусмотренные в самом договоре» [\[3, с. 73\]](#), и «представляет собой процессуальное действие, совершаемое в одностороннем порядке государством – участником, желающим снять с себя обязательства по договору» [\[4, с. 87\]](#).

Несмотря на то, что денонсация международных договоров является относительно распространенной (например, по данным Хелфера Р. о денонсации многосторонних международных договоров, с 1945 по 1969 гг. был 351 случай, с 1970 по 1994 гг. – 710 денонсаций)^[1], академических исследований, посвященных праву на денонсацию, относительно мало, и большинство из них были проведены с точки зрения теории международных отношений. Например, реалисты в теории международных отношений обычно рассматривают право на денонсацию как проявление государственного суверенитета, подчеркивая мотивацию государства максимизировать свои интересы и изучая, как выход из договоров влияет на баланс сил между государствами, не исследуя международно-правовые основы для права на денонсацию ^[5, с. 41] ^[6, с. 184]. Ученые в области международного публичного права также уделяют этой теме мало внимания. К наиболее известным специалистам, которые писали на тему денонсации международных договоров в России относятся – Лукашук И.И., Талалаев А.Н., Осминин Б.И. Ильинская О.И., в Китае – Бу Лу, Хэ Чжипэн, Сюй Чунли, в иных зарубежных государствах – Р. Хелфер, А. Брэдли и так далее.

Историко-правовой анализ имеющейся практики по денонсации международных договоров^[2] показывает, что данный институт развивался постепенно. Изначально право на денонсацию международных договоров носило экзогенный характер и не зависело от условий других договоров ^[7, с. 12]. У учёных могло возникнуть ошибочное мнение, что договор может быть расторгнут по их собственному желанию благодаря наличию экзогенного права на денонсацию, даже если сам договор не предусматривал эндогенного права на это. Именно в этих условиях Комиссия международного права ООН^[3] в 1963 г. на 15-ом заседании впервые официально начала изучать вопрос о том, обладают ли стороны правом на денонсацию международных договоров, не содержащих соответствующие положения^[4]. По итогам были изучены примеры международных договоров без явных положений о денонсации, такие как Парижский мирный договор 1856 г., Лондонская конвенция европейских держав о режиме Черноморских проливов 1871 г. (далее – Лондонская конвенция) и другие международные договоры, а также рассмотрены случаи, когда стороны пытались денонсировать договоры на основе подразумеваемого права. Комиссия обратила внимание на противоречие между обязательностью договоров и правом на денонсацию, подчеркнув необходимость сбалансированного подхода. Однако в их исследовании остались следующие пробелы: отсутствие унифицированного подхода к определению условий, при которых подразумеваемое право на денонсацию может быть применено, и отсутствие анализа влияния иных факторов на реализацию права на денонсацию, в первую очередь, политических.

Для выявления характерных признаков и возможных вариаций в области реализации права на денонсацию международных договоров, по мнению авторов исследования, следует не ограничиваться анализом положений международных договоров последних десятилетий XX-XXI веков, а начать изучение с истоков, выделив несколько этапов в становлении и развитии права на денонсацию, предложив авторское видение периодизации права на денонсацию международных договоров. Учитывая, что изучение практики применения права на денонсацию предполагает формально-юридический и сравнительно-правовой анализ непосредственных текстов международных договоров, в качестве подзадачи данного исследования видится разработка руководящих принципов по правильному формулированию положений о денонсации для разработчиков международных договоров, что обеспечит эффективность их реализации в контексте регулирования международных отношений и внесет вклад в науку международного

публичного права. Отдельно планируется уделить внимание влиянию дополнительных факторов на реализацию права на денонсацию международных договоров, которые могут быть связаны с вопросами внешней и внутренней политики государств.

2. Историко-правовой анализ института денонсации

Внимательный анализ текстов международных договоров на ранних этапах развития международного права, начиная с Вестфальского мира 1648 г. (включал в себя Мирный договор между императором Фердинандом III и Кристиной – королевой Швеции и их соответствующими Союзниками^[5] и Мирный договор между Священной Римской империей и Королем Франции и их соответствующими Союзниками^[6]), позволяет сделать вывод о том, что право на денонсацию международных договоров изначально было не эндогенным для договора, а экзогенным в силу санкционирования другими международными договорами. Например, Договор Экс-ла-Шапель 1748 г. (Мирный договор между Королём Великобритании и Соединенными провинциями Нидерландов 1748 г.)^[7], Мадридские мирные договоры между Англией и Испанией 1667 г. как ответ на французскую экспансию при короле Людовике XIV.^[8] и 1670 г. как средство урегулирования всех споров в Америке^[9] и Венский мирный договор 1738 г. (между Австрией и Францией, завершивший войну за Польское наследство)^[10].

Еще приведем цитату из ст. 3 Договора о разделе границы между Польшей и Пруссией 1773 г. ^[8, с. 90], в которой говорится^[11], что «во избежание и для устранения всяких вопросов и разногласий по любому поводу, возникающих вследствие того, что положения Знаменского договора перестали соответствовать настоящему положению вещей, договаривающиеся стороны настоящим договором *отменяют шестую, седьмую, восьмую, девятнадцатую и двадцать первую статьи вышеуказанного Знаменского договора 1657 г.*^[12], а статьи, прямо не отмененные настоящим договором, остаются в силе и предусмотренные ими обязательства сохраняются». Далее в ст. 4 этого же договора говорится, что «во избежание каких-либо споров в этом отношении договаривающиеся стороны *отменяют также Бромбергский договор 1657 г.*»^[13].

Без сомнений, изначально право на денонсацию международных договоров носило экзогенный характер и зависело от условий других договоров ^[9, с. 85]. Это приводило к тому, что на практике могло возникнуть ошибочное мнение, что поскольку существует возможность экзогенного права на денонсацию, то государства могут расторгнуть договор по собственному желанию, если сам договор не предусматривает права на денонсацию.

Следует отметить, что в этот период нередко случаи денонсации международных договоров с экзогенным характером, особенно мирных соглашений между государствами. В подтверждение этого можно привести такой факт: каждый из заключённых с 1500 по 1860 гг. 8000 мирных договоров «навечно» соблюдался и действовал в среднем не более двух лет ^[9, с. 56].

После войны между Францией и Пруссией конфликты в Европе сместились на Запад, и первоначальная расстановка сил изменилась, что дало России возможность заявить о своих интересах ^[10, с. 284]. Надеясь восстановить контроль над Черным морем, чтобы вернуть себе военную мощь и дипломатические позиции в регионе, Россия в 1870 г. в одностороннем порядке заявила, что больше не будет связана положениями Парижского мирного договора 1856 г. о нейтрализации Черного моря (далее – Парижский договор).

Именно на этом фоне была принята Лондонская конвенция 1871 г. европейских держав о режиме Черноморских проливов^[14] (далее – Лондонская конвенция). Она отменила положения Парижского договора о нейтрализации Черного моря, а выход России из Парижского договора по сути вновь поставил под сомнение обязательность международных договоров. Хотя другие государства формально не признали законность ее выхода, Лондонская конвенция фактически стала решением вопроса и косвенно признавала односторонний акт России.

Именно с этого момента экзогенная природа права на денонсацию международных договоров изменилась. С тех пор право на денонсацию было подтверждено сторонами, и условия его применения были открыто провозглашены, исходя из основополагающего принципа международного права — *pacta sunt servanda*^[15]. Другими словами, с учетом этого принципа и реальности практики права международного договора, Лондонская конвенция четко провозгласила постулат, согласно которому договорные обязательства могут быть прекращены, а договоры могут быть изменены с согласия договаривающихся государств на основе дружественного взаимопонимания. Безусловно, было бы противоречием общим принципам международного права и несовместимым с практикой международного договорного права, если бы после заключения международного договора изменение, выход или прекращение договора не допускались ни при каких обстоятельствах.

Это не только означало переход от экзогенного к эндогенному праву на денонсацию, но и послужило основой для последующей кодификации данного права в ст. 54 Венской конвенции о праве международных договоров^[16] (далее – Венская конвенция). После принятия Лондонской конвенции стабильность и эффективность международных договоров значительно повысились. Даже в отношении мирных договоров о распределении территорий после войн, вероятность выхода из которых была высока, такой выход был эффективно урегулирован. По крайней мере после этого ни одна договаривающаяся сторона не стала игнорировать условия международного договора и выходить из него, заявляя, что она нарушила положения договора, а предпочла толковать условия договора в свою пользу. Всё это произошло благодаря признанию права на денонсацию в Лондонской конвенции.

Однако есть и другие вопросы, которые не были решены в Лондонской конвенции, если рассматривать закрепленное в ней заявление о денонсации в строго буквальном смысле. Она признает, что денонсация договора возможна только с согласия договаривающихся государств. Может ли сторона денонсировать договор на основании того, что другие участники не соблюдают определённые условия? Например, позволяют ли нормы общего международного права в этом случае государству-участнику реализовать и применить право на денонсацию договора по принципу существенного изменения обстоятельств или в случае нарушения договора другими участниками? Означает ли это, что стороны двустороннего или многостороннего договора, в котором ничего не говорится о праве на денонсацию, всё же имеют право выйти из договора? Если да, то какие условия должны быть соблюдены? Как было сказано ранее, Лондонская конвенция не дает прямых ответов на другие вопросы, касающиеся права на денонсацию международных договоров.

В общем, до принятия Венской конвенции общие принципы регулирования международных договоров в системе международного права оставались неясными, особенно в отношении права на денонсацию. В этом контексте вопрос о создании Венской конвенции, как документа, кодифицирующего нормы права международных

договоров, был включен в повестку дня Комиссии международного права. В 1963 г. на 15-ом заседании Комиссия впервые официально начала изучать вопрос о том, обладают ли стороны правом на денонсацию международных договоров, не содержащих соответственные положения^[17].

С этого момента Комиссия международного права приняла решение о том, что данный вопрос является наивысшим приоритетом в её мандате, для чего ею были избраны четыре докладчика по теме права международных договоров. Среди них наибольшее внимание праву на денонсацию международных договоров уделили Фицморис Г. и Уолдок Н., подготовившие соответствующие отчёты.

В своем докладе Комиссии международного права в 1957 г. Фицморис Г. утверждал, что «международный договор может быть расторгнут сторонами в одностороннем порядке даже в отсутствие положения, прямо предусматривающего право на денонсацию, при двух обстоятельствах: Во-первых, из положений международного договора можно сделать вывод, что стороны намеревались разрешить его денонсацию. Во-вторых, из характера международного договора можно сделать вывод, что в отсутствие противоположных указаний в договоре стороны должны иметь право на денонсацию в одностороннем порядке. Примерами являются международные договоры о союзе и международные договоры о торговле»^[18].

В таких случаях международный договор, учитывая его характер, подлежит прекращению при условии направления уведомления в разумный срок. Фицморис Г. при этом отметил, что подобная импликация может быть также явно исключена из текста самого договора^[19].

На самом деле, вопрос о прекращении действия и выходе из международных договоров не поднимался в докладах специальных докладчиков Комиссии вплоть до Фицмориса Г. Именно его работа дала Комиссии возможность начать всестороннее изучение вопроса денонсации международных договоров.

Уолдок Н. был специальным докладчиком задолго до того, как доклад Фицмориса Г. вызвал дискуссию в Комиссии международного права. В своем докладе он интерпретировал слово «денонсация» как «акт заявления о том, что сторона больше не будет считать себя связанной международным договором с даты заявления или с другой даты»^[20]. Однако он не разделял мнение Фицмориса Г. о том, что если международный договор, не содержит положения о денонсации, то право выхода из него презюмируется.

Уолдок Н. также отметил в своем докладе, что если сам международный договор предусматривает срок действия, то государства-участники косвенно исключили возможность односторонней денонсации в течение этого срока. Если же в самом договоре предусмотрены положения об односторонней денонсации договора, то договаривающиеся государства должны реализовать свое право на денонсацию в соответствии с этим положением. Таким образом, Комиссии международного права нет необходимости разрабатывать текст, посвященный этим двум ситуациям^[21].

По итогам подготовительной работы Комиссии по международному праву и представленных докладов, активное обсуждение насчет права на денонсацию международных договоров продолжилось на дипломатической конференции, которая состоялась с 26 марта по 24 мая 1968 в Вене^[22]. Проанализировав замечания и предложения государств-участников Конференции, в конечном итоге следующая формулировка была закреплена в ст. 56 Венской конвенции:

«1. Договор, который не содержит положений о его прекращении и который не предусматривает денонсации или выхода из него, не подлежит денонсации и выход из него не допускается, если только: а) не установлено, что участники намеревались допустить возможность денонсации или выхода; или б) характер договора не подразумевает права денонсации или выхода.

2. Участник уведомляет не менее чем за двенадцать месяцев о своем намерении денонсировать договор или выйти из него в соответствии с пунктом 1».

С момента создания и принятия Венской конвенции, по данным Хелфера Р., за период 1970-1994 гг. произошло в общей сложности 710 случаев денонсации многосторонних международных договоров [\[11, с. 1579-1600\]](#), что ровно в два раза превышает количество денонсаций многосторонних международных договоров за 25-летний период 1945-1969 гг, а именно 351 случай. Как отмечают в доктрине, безусловно, значительный рост практики денонсации многосторонних международных договоров объясняется не только тем, что общее число ратификаций международных договоров с 1970 по 1994 годы значительно увеличилось, но и явным признанием и регламентацией права на денонсацию в Венской конвенции в рамках ООН. Также этому способствовал рост числа включений положений о праве на денонсацию в многосторонние международные договоры в сочетании с полным пониманием и правильной реализацией права на денонсацию выходящими государствами. На наш взгляд, всё это является факторами, которые не следует упускать из виду.

Несмотря на то, что в международном сообществе до сих пор существуют различные мнения относительно международно-правового статуса положений Венской конвенции, касающихся права на денонсацию, несомненно одно: в области изучения права международных договоров Венская конвенция стала неотъемлемым объектом исследования. К некоторым принципам, воплощенным в Венской конвенции, а также правовым конструкциям, содержащимся в ней, обращается все большее число современных ученых. Например, в отношении права на денонсацию международных договоров ученые Брэдли А. и Гулати М. утверждают, что «когда государства прямо оговаривают создание международных договорных обязательств, они часто вводят в них право на денонсацию, иногда устанавливая срок для уведомления о денонсации. Даже если они прямо не договариваются о праве на денонсацию, предмет, регулируемый самим международным договором, иногда означает существование подразумеваемого права на денонсацию. Даже если общее право на денонсацию отсутствует, договаривающиеся стороны обычно имеют определенное право на денонсацию в случае существенного изменения обстоятельств» [\[12, с. 3\]](#). Их мнение не расходится с соответствующими положениями Венской конвенции [\[23\]](#).

Однако А. Н. Талалаев, ведущий международник – юрист в области права международных договоров, отмечает, что делегация Советского Союза на Венской конференции придерживалась иной позиции, а именно: слишком широкое понимание и применение термина «денонсация» привело бы к нарушению принципа *pacta sunt servanda*, то есть термин «денонсация» мог бы использоваться только в случае договоров, прямо предусматривающих право на выход, и что ст. 56 Венской конвенции в целом запрещает презумпцию подразумеваемого права на выход, поэтому Советский Союз не сделал оговорку к этой статье при присоединении к данной Конвенции [\[13, с. 68\]](#).

Вместе с тем И.И. Лукашук также отмечает в своих трудах, что хотя ст. 56 Венской

конвенции обеспечивает основу для денонсации, на практике она может вызывать споры, особенно в случаях, связанных с серьезными политическими вопросами или вопросами безопасности. Международные трибуналы или другие механизмы урегулирования споров обычно балансируют между стабильностью договора и суверенитетом государства при толковании ст. 56 [\[14, с. 385\]](#).

Следует отметить, что ст. 56 Венской конвенции как процессуальная норма права является глубоко идеалистической, проповедующей принцип *pacta sunt servanda* и напоминающей суверенным государствам о том, что они не могут действовать произвольно, и поэтому считается безусловно привлекательной вне правового поля. Однако на практике применение ст. 56 затруднено и не всегда соблюдается сторонами, а политический характер проблемы права на денонсацию делает шансы на уточнение правовых норм, установленных ст. 56, маловероятными.

Такой политический характер выражается главным образом в том, что стороны не только опираются на положения правовых норм, но и учитывают свои собственные политические интересы, внешнюю политику, международные отношения и другие неправовые факторы. Например, когда участник договора рассматривает возможность денонсации, он обычно оценивает, будет ли такой выход отвечать его собственным политическим и экономическим интересам, а если государство считает, что существующий договор больше не является для него выгодным, оно может попытаться выйти из него, используя ст. 56 в качестве международно-правовой основы. Однако денонсация договора может вызвать и политическую реакцию, если он затрагивает национальные интересы других государств-участников [\[15, с. 118\]](#). Кроме того, дипломатические отношения и политические альянсы между государствами нередко существенно влияют на решение о прекращении договора [\[16, с. 116\]](#). В отдельных ситуациях государство может воздержаться от выхода из действующего договора по политическим причинам [\[17, с. 354\]\[24\]](#), даже если оно считает договор невыгодным для себя. Эти факторы могут сделать применение ст. 56 ограниченным на практике.

Важно отметить, что в данном случае необходимо правильно понимать суть ст. 56 Венской конвенции, которая не является строгой по содержанию нормой, подлежащей применению в отсутствие положения о праве на денонсацию в международном договоре и тем самым порождающей споры между государствами-участниками. Эта статья призвана служить ориентиром для практики права международных договоров, значение которой зависит от желания заинтересованных государств, и она будет иметь предполагаемый эффект только в случае их готовности ссылаться на неё в качестве основания для денонсации.

3. Заключение

Вопрос о праве на денонсацию давно волнует международное сообщество. Со времен формирования Вестфальской системы между государствами подписывалось все больше и больше международных договоров. Однако с течением времени многие государства по разным причинам выходили из них. К таким факторам, которые могли и могут по сей день особо влиять на реализацию права на денонсацию международных договоров относятся: геополитическая обстановка, экономические интересы, соображения национальной безопасности, а также дипломатические и стратегические приоритеты государств. Всё это в совокупности впоследствии влияет как на ранее регулируемые с помощью международных договоров отношения, так и на их эффективность этих документов.

Развитие института денонсации международных договоров прошло долгий путь. До

принятия Лондонской конвенции право на денонсацию не было официально признано, а положения о денонсации часто зависели от текста других последующих договоров. Принятие данного документа способствовало трансформации права на денонсацию и изменению характера из экзогенного в эндогенный, что позволило суверенным государствам постепенно начать правильно понимать такое право. На основе результатов исследований Комиссии международного права ООН и после принятия Венской конвенции в рамках ООН появились относительно полные положения о праве на денонсацию, но некоторые вопросы все еще не были четко решены, например, в контексте применения ст. 56 о денонсации, содержание которой в разных государствах понимается и применяется на практике до сих пор неодинаково.

Изучив становление и развитие права на денонсацию международных договоров, предлагается выделить три исторических этапа: с момента появления международного договора как источника международного права как такового до Лондонской конвенции, после принятия Лондонской конвенции до появления Венской конвенции, от Венской конвенции до настоящего времени. Используемые в периодизации в качестве ключевых точек международные договоры [Лондонская и Венская конвенции] привнесли в конкретные исторические периоды свои изменения, что значительно повлияло на реализацию права государств на денонсацию договоров.

В целях обеспечения эффективной реализации международных договоров международным межправительственным организациям, правительствам и ученым в области международного права следует уделять больше внимания практическим вопросам реализации такого права и правильному формулированию положений по денонсации в конкретных международных договорах. Предлагается использовать такие принципы как 1) реализация права на денонсацию международного договора на основе его эндогенного характера; 2) включение отсылочных норм на ст. 56 Венской конвенции либо в целом на весь документ как фундаментальную основу в области регулирования порядка заключения, изменения и расторжения международных договоров при формулировании права на денонсацию в конкретных международных договорах. Предлагаемые принципы можно было бы включить в практическое руководство, при разработке которого дополнительно проработать вопросы: 1) усовершенствования существующего механизма денонсации договоров, что восполнило бы недостатки ст. 56 Венской конвенции в её практическом применении; 2) классификации характера международного договора и конкретных условий и границ подразумеваемого права на его денонсацию; 3) поддержания эффективности международных договоров, в том числе путем создания механизма мониторинга по денонсации международных договоров и привлечения к международной ответственности за их неправомерную денонсацию со стороны государств.

[1] Прим.: США официально вышли из Парижского соглашения по климату 2015 г. в 2020 г., Россия официально вышла из Договора по открытому небу 1992 г. в 2021 г.

[2] Прим.: наименование международного договора может различаться на практике: договор, конвенция, трактат, декларация, обмен нотами и т.д., см.: Тункин Г. И. Теория международного права. М.: Зерцало, 2023. С. 76; «Договор» означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, <...> независимо от его конкретного наименования» // Венская конвенция о праве международных договоров, принята 23 Мая, 1969 г. [Электронный ресурс].

Режим

доступа:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml

(дата

обращения: 02.02.2025).

[3] Прим.: Комиссия международного права ООН (International Law Commission, ILC) – это вспомогательный орган ООН, созданный в 1947 г. Генеральной Ассамблеей ООН для развития и кодификации международного права. Она играет ключевую роль в формировании и укреплении правовой основы международных отношений.

[4] Document A/CN.4/SER.A/1963/ADD.1, dated February 14, 1963. «Documents of the fifteenth session including the report of the Commission to the General Assembly» // Yearbook of the International Law Commission. 1963. Vol. II. P. 200-201. [Electronic source]. – Access mode: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1963_v2.pdf (date of access: 02.02.2025).

[5] Peace Treaty of Osnabrück between Emperor Ferdinand III and Queen Christina of Sweden and their respective allies. [Electronic source]. – Access mode: https://ghdi.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=3778 (date of access: 02.02.2025).

[6] Treaty of Peace between France and the and the Holy Roman Empire, signed at Münster, 14 (24) October 1648. [Electronic source]. – Access mode: https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:ohf/law-ohf-1-CTS-271.regGroup.1/1_CTS_271_eng.pdf (date of access: 02.02.2025).

[7] Treaty of Aix-la-Chapelle. Concluded at Free Imperial City of Aachen, October 18, 1748. [Electronic source]. – Access mode: <https://www.ieg-friedensvertraege.de/treaty/1748%20X%2018%20Friedensvertrag%20von%20Aachen/t-283-1-de.html?h=1> (date of access: 02.02.2025).

[8] The Earl of Sandwich's Treaty. Concluded at Madrid, May 23, 1667. [Electronic source]. – Access mode: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo2/A32181.0001.001?view=toc> (date of access: 02.02.2025).

[9] The Godolphin Treaty. Concluded at Madrid, July 8, 1670. [Electronic source]. – Access mode: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo2/A32671.0001.001?view=toc> (date of access: 02.02.2025).

[10] The Peace of Vienna. Concluded at Vienna, November 18, 1738. [Electronic source]. – Access mode: <https://www.ieg-friedensvertraege.de/treaty/1738%20XI%2018%20Friedensvertrag%20von%20Wien%20betr.%201735%20X%203,%201736%20V%2018,%201737%20V%202/t-279-1-de.html> (date of access: 02.02.2025).

[11] Treaty between Poland and Prussia. Concluded at Warsaw, September 18, 1773. [Electronic source]. – Access mode: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:ohf/law-ohf-45-CTS-253.regGroup.1/law-ohf-45-CTS-253> (date of access: 02.02.2025).

[12] 1657 IX 19 and 1657 XI 6 Treaty of Wehlau and Bromberg. Concluded at Znamensk, September 19, 1657. [Electronic source]. – Access mode: https://www.ieg-friedensvertraege.de/---_site.popup..html_dir_treaty.110_comment.280_notrans.1_likecms.html (date of access: 02.02.2025).

[13] Прим.: Аналогичным образом, ст. 17 Договора Гуадалупе-Идальго между США и Мексикой 1848 г. предусматривает, что «Договор о дружбе, торговле и мореплавании, подписанный в Мексике в 1831 г., остается в силе еще в течение восьми лет со дня обмена ратификационными грамотами настоящего договора и что каждая из договаривающихся сторон оставляет за собой право аннулировать договор, уведомив другую сторону за один год о своем намерении аннулировать договор в любое время по истечении указанного восьмилетнего срока». Treaty of Guadalupe Hidalgo. Concluded at Guadalupe Hidalgo, February 2, 1848. [Electronic source]. – Access mode: https://avalon.law.yale.edu/19th_century/guadhida.asp (date of access: 02.02.2025). The treaty of amity, commerce, and navigation. Concluded at the city of Mexico, April 5, 1831. [Electronic source]. – Access mode: <https://ilmc.com/titledescfull.aspx?type=5&coll=2&div=7&set=01511t> (date of access: 02.02.2025).

[14] Лондонская конвенция 1871 г. Подписана в Лондоне, Марта 3, 1871. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=146933&PORTAL_ID=7146&SECTION_ID=6748 (дата обращения 02.02.2025).

[15] Прим.: На самом деле, термин «денонсация» не был прямо упомянут сторонами в Лондонской конвенции 1871 г., которая всегда считалась основополагающим международным документом, в котором *de jure* был обсужден вопрос о праве на денонсацию международных договоров.

[16] Венская Конвенция о праве международных договоров. Подписана в Вене, 23 мая 1969 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12754/ (дата обращения: 02.02.2025).

[17] Document A/CN.4/SER.A/1963/ADD.1, dated February 14, 1963. «Documents of the fifteenth session including the report of the Commission to the General Assembly» // Yearbook of the International Law Commission. 1963. Vol. II. P. 200-201. [Electronic source]. – Access mode: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1963_v2.pdf (date of access: 02.02.2025).

[18] Document A/CN. 4/107. Dated March 15, 1957 "Second Report on the Law of Treaties by Mr. G.G. Fitzmaurice, Special Rapporteur" // Extract from the Yearbook of the International Law Commission. 1957. Vol. II. P. 22. [Electronic source]. – Access mode: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_107.pdf (date of access: 02.02.2025).

[19] Прим.: Что касается исключений из общего положения, на которые указывал специальный докладчик, например, союзных договоров и международных торговых соглашений, срок действия которых по своей сути ограничен, то их прекращение также требует уведомления в разумные сроки. Тем не менее, он не привел ни теоретического обоснования, ни примеров из практической сферы для подтверждения своей позиции. Document A/CN. 4/107. Dated March 15, 1957 "Second Report on the Law of Treaties by Mr. G.G. Fitzmaurice, Special Rapporteur" // Extract from the Yearbook of the International Law Commission. 1957. Vol. II. P. 38. [Electronic source]. – Access mode: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_107.pdf (date of access: 02.02.2025).

[20] Document A/CN. 4/156. Dated March 20, 1963 "Second Report on the Law of Treaties by

Sir Humphrey Waldock, Special Rapporteur" // Extract from the Yearbook of the International Law Commission. 1963. Vol. II. P. 38. [Electronic source]. – Access mode: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_156.pdf (date of access: 02.02.2025).

[21] Там же.

[22] Document A/CONF. 39/11/Add.2. Dated May 22, 1969 "United Nations conference on the Law of Treaties" // Official records. Documents of the Conference. 1971. Vol. V. P. 131. [Electronic source]. – Access mode: https://treaties.un.org/doc/source/docs/A_CONF.39_11_Add.2-E.pdf (date of access: 02.02.2025).

[23] Венская конвенция о праве международных договоров. Подписана в Вене, 23 мая 1969 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 02.02.2025). Ст. 62.

[24] Прим.: например, для поддержания дипломатических отношений или укрепления региональных союзов.

Библиография

1. 卜璐[Бу Лу]. 论国际条约的单方退出[Об одностороннем выходе из международных договоров] // 环球法律评论[Глобальное правовое обозрение]. 2018. № 3. С. 154–170.
2. Осминин Б.И. Правовые модели прекращения и приостановления государствами действия международных договоров // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4(77). С. 116–133.
3. Ильинская О.И. Право международных договоров. М.: Проспект, 2021. – 154 с.
4. Ильинская О.И. Прекращение действия международных договоров: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. – 250 с.
5. Morgenthau H.J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A. Knopf. 1948. – 516 p.
6. Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley. 1979. – 251 p.
7. Gulati M. Customary international law and withdrawal rights in an age of treaties // Duke Journal of Comparative & International Law. 2010. № 21. С. 1–30.
8. Исполинов А.С. Прекращение международных договоров: буйство красок за рамками Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года // Международное правосудие. 2022. № 3(43). С. 75–95.
9. Талалаев А.Н. Право международных договоров (историко-правовой очерк) // Советский ежегодник международного права. 1972. С. 44–70.
10. Денисова Е.А. Правовые основы реституции культурных ценностей, перемещенных во время и по окончании Второй мировой войны // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 1 (22). С. 281–287.
11. Helfer R.L. Exiting Treaties // Virginia Law Review. 2005. № 91. С. 1579–1648.
12. Bradley A., Gulati M. Customary international law and withdrawal rights in an age of treaties // Duke Journal of Comparative & International Law. 2010. № 21. С. 1–30.
13. Талалаев А.Н. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий / Сост.: Талалаев А.Н. (Коммент.); Отв. ред.: Захарова Н.В. (Предисл.)-М.: Юрид. лит., 1997. – 336 с.
14. Лукашук И.И. Современное право международных договоров. М.: Wolters Kluwer, 2004. – 672 с.
15. Капустин А.Я. Современная концепция взаимодействия международного и

внутригосударственного права. М.: Издательский Дом Инфра-М, 2023. – 336 с.

16. Бальхаева С.Б. Правовой статус региональных международных организаций как третьих сторон в соответствии с правом международных договоров // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 8. С. 109–119.

17. Капустин А.Я., Авхадеев В.Р. [и др.]. Современная концепция толкования международных договоров. М.: Издательский Дом Инфра-М, 2022. – 432 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Генезис института денонсации в теории и практике права международных договоров» предметом исследования является международно-правовой институт денонсации международных договоров.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Можно отметить применение современных методов, таких как: формально-логический, историко-правовой, сравнительно-правовой и др.

Актуальность исследования. Актуальность темы рецензируемой статьи не вызывает сомнения. Автор правильно отмечает, что «...в настоящее время не существует ни одного международно-правового документа, закрепляющего определение понятия «денонсация международного договора». Отсутствие терминологической ясности и четкой правовой регламентации международных отношений в области денонсации международного договора порождают действия, которые совершаются в одностороннем порядке государствами – участниками, желающими снять с себя обязательства по международному договору, что в свою очередь ведет к нарушению прав других государств-участников и мирового сообщества в целом. Данные обстоятельства обуславливают необходимость доктринальных разработок по данной проблематике в целях совершенствования международно-правового регулирования в сфере денонсации международного договора, а именно конкретизации оснований, дающих право государству-участнику на отказ от договора в установленном международном праве порядке.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье не сформулированы положения, которые бы отличались научной новизной. Собственная позиция автора осталась не сформированной. Большая часть статьи носит описательный характер, несмотря на тот факт, что автор обозначил проблему, он не предлагает какого-либо ее решения.

Стиль, структура, содержание. Содержание статьи соответствует ее названию. Однако сказать, что тема раскрыта нельзя. Соблюдены автором лишь минимальные требования по объему материала, что не позволило раскрыть такую сложную тему. В целом статья написана научным стилем, использована специальная юридическая терминология (но встречаются в тексте опечатки: например, «Коммиссии»). Автором предпринята попытка структурировать статью. Вместе с тем, введение не отвечает установленным требованиям. Во введении необходимо обосновать актуальность темы исследования, определить его цель, задачи и методологию, а также указать предполагаемые результаты исследования. В заключении следует сформулировать итоги исследования, а не ограничиться общим выводом.

Библиография. Автором использовано недостаточное количество доктринальных источников. Ссылок на публикации последних лет недопустимо мало. Ссылки на имеющиеся источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По отдельным спорным вопросам заявленной тематики представлены точки зрения иностранных ученых, обращения к оппонентам корректные, содержатся ссылки на источник опубликования. Но в статье отсутствует анализ мнений российских специалистов в области международного права по заявленной проблематике.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Генезис института денонсации в теории и практике права международных договоров» рекомендована к доработке. Хотя статья соответствует тематике журнала «Международное право» и написана на актуальную тему, но она не отличается научной новизной и есть замечания по ее содержанию (доработка введения и заключения, актуализация списка библиографии). Данная статья могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области международного права, а также, была бы полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, генезис института денонсации в теории и практике права международных договоров. Заявленные границы исследования соблюдены учеными.

Методология исследования упоминается в тексте статьи, ("Учитывая, что изучение практики применения права на денонсацию предполагает формально-юридический и сравнительно-правовой анализ непосредственных текстов международных договоров, в качестве подзадачи данного исследования видится разработка руководящих принципов по правильному формулированию положений о денонсации для разработчиков международных договоров, что обеспечит эффективность их реализации в контексте регулирования международных отношений и внесет вклад в науку международного публичного права"), но нуждается в четком поименовании.

Актуальность избранной авторами темы исследования несомненна и обосновывается ими достаточно подробно: "Право государств на денонсацию международного договора является одним из важных элементов в отрасли права международных договоров. Однако необходимо отметить, что до сих пор не существует ни одного международно-правового документа, закрепляющего определение понятия «денонсация международного договора» [1, с. 155]. Из анализа доктринальных источников, посвященных тем или иным вопросам права международных договоров [2, с. 124], можно прийти к выводу, что денонсация международного договора – это «отказ государства-участника от договора с предупреждением, сделанным в порядке и в сроки, предусмотренные в самом договоре» [3, с. 73], и «представляет собой процессуальное действие, совершаемое в одностороннем порядке государством – участником, желающим снять с себя обязательства по договору» [4, с. 87]. Несмотря на то, что денонсация международных договоров является относительно распространенной (например, по данным Хелфера Р. о денонсации многосторонних международных договоров, с 1945 по 1969 гг. был 351 случай, с 1970 по 1994 гг. – 710 денонсаций)[1], академических исследований, посвященных праву на денонсацию, относительно мало, и

большинство из них были проведены с точки зрения теории международных отношений. Например, реалисты в теории международных отношений обычно рассматривают право на денонсацию как проявление государственного суверенитета, подчеркивая мотивацию государства максимизировать свои интересы и изучая, как выход из договоров влияет на баланс сил между государствами, не исследуя международно-правовые основы для права на денонсацию [5, с. 41] [6, с. 184]. Ученые в области международного публичного права также уделяют этой теме мало внимания. К наиболее известным специалистам, которые писали на тему денонсации международных договоров в России относятся – Лукашук И.И., Талалаев А.Н., Осминин Б.И. Ильинская О.И., в Китае – Бу Лу, Хэ Чжипэн, Сюй Чунли, в иных зарубежных государствах – Р. Хелфер, А. Брэдли и так далее".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений ученых: "После принятия Лондонской конвенции стабильность и эффективность международных договоров значительно повысились. Даже в отношении мирных договоров о распределении территорий после войн, вероятность выхода из которых была высока, такой выход был эффективно урегулирован. По крайней мере после этого ни одна договаривающаяся сторона не стала игнорировать условия международного договора и выходить из него, заявляя, что она нарушила положения договора, а предпочла толковать условия договора в свою пользу. Всё это произошло благодаря признанию права на денонсацию в Лондонской конвенции"; "Как отмечают в доктрине, безусловно, значительный рост практики денонсации многосторонних международных договоров объясняется не только тем, что общее число ратификаций международных договоров с 1970 по 1994 годы значительно увеличилось, но и явным признанием и регламентацией права на денонсацию в Венской конвенции в рамках ООН. Также этому способствовал рост числа включений положений о праве на денонсацию в многосторонние международные договоры в сочетании с полным пониманием и правильной реализацией права на денонсацию выходящими государствами. На наш взгляд, всё это является факторами, которые не следует упускать из виду. Несмотря на то, что в международном сообществе до сих пор существуют различные мнения относительно международно-правового статуса положений Венской конвенции, касающихся права на денонсацию, несомненно одно: в области изучения права международных договоров Венская конвенция стала неотъемлемым объектом исследования"; "Следует отметить, что ст. 56 Венской конвенции как процессуальная норма права является глубоко идеалистической, проповедующей принцип *pacta sunt servanda* и напоминающей суверенным государствам о том, что они не могут действовать произвольно, и поэтому считается безусловно привлекательной вне правового поля. Однако на практике применение ст. 56 затруднено и не всегда соблюдается сторонами, а политический характер проблемы права на денонсацию делает шансы на уточнение правовых норм, установленных ст. 56, маловероятными. Такой политический характер выражается главным образом в том, что стороны не только опираются на положения правовых норм, но и учитывают свои собственные политические интересы, внешнюю политику, международные отношения и другие неправовые факторы" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан авторами в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученые обосновывают актуальность избранной ими темы исследования. В основной части работы авторы выделяют несколько этапов в становлении и развитии права на денонсацию международных договоров, предлагая авторское видение его периодизации. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, авторы пишут: "Именно в этих условиях Комиссия международного права ООН[3] в 1963 г. на 15-ом заседании впервые официально начала изучать вопрос о том, обладают ли стороны правом на денонсацию международных договоров, не содержащих соответственные положения[4]" - "соответствующие".

Ученые отмечают: "Комиссия обратила внимание на противоречие между обязательностью договоров и правом на денонсацию, подчеркнув необходимость сбалансированного подхода. Однако в их исследовании остались следующие пробелы: отсутствие унифицированного подхода к определению условий, при которых подразумеваемое право на денонсацию может быть применено, и отсутствие анализа влияния иных факторов на реализацию права на денонсацию, в первую очередь, политических" - "Однако в ее исследовании...".

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и стилистические ошибки.

В тексте статьи инициалы ученого ставятся перед его фамилией.

Библиография исследования представлена 17 источниками (монографиями, диссертационной работой, научными статьями, комментарием). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Авторам удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Н. Уолдок и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется авторами корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Вопрос о праве на денонсацию давно волнует международное сообщество. Со времен формирования Вестфальской системы между государствами подписывалось все больше и больше международных договоров. Однако с течением времени многие государства по разным причинам выходили из них. К таким факторам, которые могли и могут по сей день особо влиять на реализацию права на денонсацию международных договоров относятся: геополитическая обстановка, экономические интересы, соображения национальной безопасности, а также дипломатические и стратегические приоритеты государств. Всё это в совокупности впоследствии влияет как на ранее регулируемые с помощью международных договоров отношения, так и на их эффективность этих документов. Развитие института денонсации международных договоров прошло долгий путь. До принятия Лондонской конвенции право на денонсацию не было официально признано, а положения о денонсации часто зависели от текста других последующих договоров. Принятие данного документа способствовало трансформации права на денонсацию и изменению характера из экзогенного в эндогенный, что позволило суверенным государствам постепенно начать правильно понимать такое право. На основе результатов исследований Комиссии международного права ООН и после принятия Венской конвенции в рамках ООН появились относительно полные положения о праве на денонсацию, но некоторые вопросы все еще не были четко решены, например, в контексте применения ст. 56 о денонсации, содержание которой в разных государствах понимается и применяется на практике до сих пор неодинаково. Изучив становление и развитие права на денонсацию международных договоров, предлагается выделить три исторических этапа: с момента появления международного договора как источника международного права как такового до Лондонской конвенции, после принятия Лондонской конвенции до появления Венской конвенции, от Венской конвенции до настоящего времени. Используемые в периодизации в качестве ключевых точек международные договоры [Лондонская и Венская конвенции] привнесли в конкретные

исторические периоды свои изменения, что значительно повлияло на реализацию права государств на денонсацию договоров" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и устранении нарушений в оформлении работы.

Международное право

Правильная ссылка на статью:

Гринченко А.Н. Организация защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта как фактор обеспечения норм международного гуманитарного права Российской Федерацией // Международное право. 2025. № 1. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.1.73522 EDN: PKNDRT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73522

Организация защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта как фактор обеспечения норм международного гуманитарного права Российской Федерацией

Гринченко Анастасия Николаевна

ORCID: 0009-0003-8496-173X

старший преподаватель; кафедра экономики, финансов и финансового права; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Псковский государственный университет»
аспирант; кафедра международного права; ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»

117218, Россия, г. Москва, Академический р-н, ул. Большая Черёмушkinsкая, д. 34

✉ Nastya04050@yandex.ru

[Статья из рубрики "Международное право и внутригосударственное право"](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2025.1.73522

EDN:

PKNDRT

Дата направления статьи в редакцию:

27-02-2025

Дата публикации:

07-03-2025

Аннотация: Актуальность изучения правовых основ организации защиты культурных ценностей в условиях вооруженных конфликтов все больше возрастает на фоне последних международных событий, а также обострения противоречий между Российской Федерацией и рядом иностранных государств, в том числе странами Балтии. Эти обстоятельства требуют не только теоретического осмысления, но и практического применения норм международного гуманитарного права. Объектом исследования

выступает система организации защиты культурных ценностей в случае вооружённого конфликта. Предметом исследования определена регламентация и реализация международно-правовой защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта Российской Федерацией. Целью статьи является разработка предложений по совершенствованию международно-правового механизма защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, закреплённого в нормах права Российской Федерации. Методологической основой исследования, представленного в статье, послужили системный подход и доктринальный метод. В рамках исследования использовались следующие методы: анализ, синтез, обобщение, дедукция, формально-юридический анализ и другие. В работе исследованы законодательные, институциональные и практические аспекты правовых основ организации защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Приведены основные международные и нормативно-правовые акты Российской Федерации, регламентирующие рассматриваемые вопросы. Автором предложены возможные пути совершенствования национального законодательства Российской Федерации по вопросам защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и обеспечения соблюдения норм международного гуманитарного права. Аргументирована позиция о необходимости не только информирования, но и тестирования военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации по вопросам защиты культурных ценностей и ответственности за нарушение норм международного гуманитарного права (в том числе уничтожение, незаконное присвоение и вандализм культурных ценностей). Новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу защиты культурных ценностей в случае вооруженных конфликтов, выявлении недостатков в действующих нормах и предложении конкретных рекомендаций по их совершенствованию.

Ключевые слова:

культурные ценности, международно-правовые механизмы, механизмы защиты, вооружённые конфликты, международное гуманитарное право, Российская Федерация, имплементация, уничтожение культурных ценностей, ответственность военнослужащих, осведомленность персонала

Введение

В условиях современных вооруженных конфликтов и нарастающих противоречий между государствами защита культурных ценностей становится неотъемлемой частью обеспечения норм международного гуманитарного права. Особенно актуальной эта проблема становится в контексте отношений между Российской Федерацией и странами Балтии, где политическая напряженность ставит под угрозу не только безопасность, но и сохранение исторического и культурного наследия.

Конфронтация России и стран Балтии, по мнению Л. М. Воробьевой^[6], носит периодический характер и связана с подверженностью последних политико-экономическому и идеологическому влиянию извне. Исторически сложившийся багаж взаимных претензий и обид препятствуют с позиции Т. Игнаточкиной и О. Манджикова^[16] «нахождению взаимопонимания в национальной, культурной, политической, экономической сферах». Директор Российско-Балтийского центра Института социологии РАН — Р. Х. Симонян^[34] в книге «Россия и страны Балтии» отмечает, что русским и прибалтам свойственны разные типы установок — «установка на конфронтацию» и

«установка на компромисс».

О. В. Дамаскин [\[10\]](#) совершенно справедливо отмечает, что «утрачиваемый рядом стран суверенитет, в связи с вхождением в военные блоки, экономические союзы, обостряет геополитические конфликты, формирует новые угрозы международной и национальной безопасности, обуславливает необходимость осмысления потребностей и возможностей противодействия им».

Сегодня Россия и страны Балтии входят в противопоставляемые экономические союзы и военные блоки, проводимая внешняя политика также имеет разно полярную ориентацию. В новейшей истории политические противоречия вызваны возвращением Крыма в состав России и помощью населению на Юго-Востоке Украины. Страны Балтии, как члены ЕС, солидарно проводят политику принуждения России к возвращению вновь обретенных территорий, при этом производимые действия и высказывания имеют ярко-выраженный милитаристический окрас.

Примером конкретных действий, призванных оказать воздействие на волеизъявление Российской Федерации, может служить умышленное уничтожение культурных ценностей находящихся на территории стран Балтии [\[7, 18, 26, 27, 32\]](#), экономическая и политическая блокады [\[13, 17, 23, 33\]](#).

Высказывания первых лиц и представителей Министерства иностранных дел стран Балтии, а также правовое закрепление их намерений иллюстрирует непоколебимую позицию в отношении России. Так, глава Министерства иностранных дел Литвы Габриэлус Ландсбергис заявил: «Да, мы считаем, что война возможна». Подтверждением этого тезиса служит Меморандум о создании линии обороны на восточной границе НАТО, подписанный министрами обороны Литвы, Латвии и Эстонии, а также регулярно проходящие военные учения с участием солдат альянса и военной техники.

Кроме того, проводимая информационная война [\[22, 28\]](#), направленная на демонизацию и дискредитацию Российской Федерации на международной арене [\[30\]](#), только усиливает подобные настроения.

В отличие от стран Балтии, в частности Латвии, которая в мирное время, пытаясь оказать влияние на политику России, уничтожает культурные ценности, являющиеся объектом международно-правовой защиты, Россия стремится к «соблюдению взятых на себя обязательств» и рассматривает защиту культурных ценностей как «основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны».

В данной связи возникает потребность в защите культурных ценностей, а также укреплении Российской Федерации на международной арене посредством соблюдения норм международного гуманитарного права. Наибольший интерес в контексте данного исследования представляет вопрос регламентации и реализации международно-правовой защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта Российской Федерации.

Материалы и методы

Объектом исследования выступает система организации защиты культурных ценностей в случае вооружённого конфликта. Предметом исследования определена регламентация и

реализация международно-правовой защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта Российской Федерацией. Целью статьи является разработка предложений по совершенствованию международно-правового механизма защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, закреплённого в нормах права Российской Федерации.

Методологической основой исследования, представленного в статье, послужили системный подход и доктринальный метод. В рамках исследования использовались следующие методы: анализ, синтез, обобщение, дедукция, формально-юридический анализ и другие.

Основная часть

Вопрос защиты культурных ценностей, как элемент международного гуманитарного права, привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Среди наиболее известных работ можно выделить исследования Н. К. Рериха [\[31\]](#), М. М. Богуславский [\[3\]](#), И. В. Холикова [\[41-43\]](#), О. В. Дамаскина [\[10-12\]](#), А. А. Ахметзянова [\[1\]](#), а также зарубежных авторов, таких как М. Naagel [\[29\]](#), М. Т. Dutli [\[40\]](#), J. Toman [\[35\]](#), J.-M. Henckaerts [\[39\]](#), Н. М. Hensel [\[38\]](#), С. S. Forrest [\[36\]](#), М. Frigo [\[37\]](#), E. Castren [\[19\]](#), T. Desch [\[14\]](#), Y. Dinstein [\[15\]](#), P. J. Boylan [\[4, 5\]](#), M. Bogdanos [\[2\]](#) и других.

Несмотря на значительный вклад вышеупомянутых авторов в изучение защиты культурных ценностей, в контексте международного гуманитарного права, в данной работе автором предпринята попытка комплексного анализа организации защиты культурных ценностей в условиях вооружённых конфликтов, как одного из международно-правовых механизмов защиты культурных ценностей в целом [\[8, 9\]](#).

А. Ю. Ястребова и И. О. Анисимов [\[44, с. 54\]](#) совершенно справедливо указывают на взаимосвязь между ролью культурных ценностей в развитии человечества и установлении международным гуманитарным правом основ их международно-правовой защиты. Первично отдельные аспекты защиты культурных ценностей в случае вооружённого конфликта были закреплены в Гаагских конвенциях о законах и обычаях сухопутной войны (1899 г. и 1907 г.). И только спустя, почти полвека, была принята Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта 1954 г. (Конвенция 1954 г.). В целях эффективной защиты культурных ценностей Конвенция 1954 г. предусматривает имплементацию норм международного гуманитарного права во внутригосударственное право.

В исследовании А. В. Кудашкина [\[24\]](#) система источников права вооруженных конфликтов представлена тремя уровнями: 1) Конституция Российской Федерации; 2) международные договоры (универсального и регионального характера); 3) иерархическая система нормативных правовых актов Российской Федерации, охватывающая федеральный, исполнительный и ведомственный уровни.

Особое место в системе источников права вооруженных конфликтов занимает «Наставление по международному гуманитарному праву для Вооружённых Сил Российской Федерации» (далее — Наставление МГП), утверждённое Министром обороны Российской Федерации 8 августа 2001 г. Наставление МГП предназначено для изучения и соблюдения военными Вооружённых Сил Российской Федерации норм международного гуманитарного права при подготовке и ведении боевых действий.

Правовой базой для Наставления МГП послужила Конституция Российской Федерации,

Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (утвержден указом Президента РФ от 10.11.2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации») и международные договоры, относящиеся к международному гуманитарному праву, участницей которых является Российская Федерация. Таким образом, с позиции международного права Наставление МГП является имплементационной нормой, выполнение которой обязательно для командиров и военнослужащих РФ.

Применительно к данному исследованию наибольший интерес представляют положения об организации защиты культурных ценностей в случае вооружённого конфликта.

В соответствии с Наставлением МГП, к культурным ценностям относятся:

- движимые и недвижимые ценности: памятники архитектуры или истории, произведения искусства; места археологических раскопок; ансамбли зданий, которые, в целом, представляют исторический или художественный интерес;
- здания, предназначенные для сохранения движимых культурных ценностей (музеи, библиотеки и архивы);
- центры, в которых находится значительное количество объектов, представляющих культурную ценность .

Оговорка в тексте Наставления МГП гласит, что используемые понятия (термины) даны по международно-правовым актам в объеме, необходимом для работы с ним. Таким образом, и оговорка, и содержание самого Наставления МГП свидетельствуют об имплементации норм Конвенции 1954 г.

По мнению автора, справедливо утверждение И. В. Холикова и А. А. Шишко^[41]: «на сегодняшний день существует проблема не в изобилии или отсутствии норм, а в несоблюдении существующих». Наличие договоров, по мнению К. Ф. Баконга (Журнал «Курьер Юнеско» 2017 г.), также не мешают сторонам конфликта предпринимать усилия для преднамеренного уничтожения ценностей.

Идея просвещения командиров, штабов тактического звена, а также всех военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, сформулированная в качестве цели Наставления МГП, выступает как национальным, так и международным механизмом. Подобное закрепление свидетельствует о добросовестном выполнении Россией своих обязательств по статье 7 Конвенции 1954 г., а именно — обязанности государства сформировать нормативную основу для подготовки и обучения своих вооруженных сил правилам защиты культурных ценностей, а также создать специальную службу, которая в случае необходимости будет осуществлять контроль за их исполнением и сотрудничать с гражданскими структурами, осуществляющими такую защиту.

Так, в статье 179 Наставления МГП установлено, что в целях обеспечения изучения норм международного гуманитарного права устанавливаются правовые минимумы для всех категорий военнослужащих, которые наряду с нормативными правовыми актами Российской Федерации, содержат международные нормативные правовые акты, составляющие основу международного гуманитарного права.

Помимо указанных, бесспорно необходимых, норм в Наставлении МГП присутствуют

нормы требующие, по мнению автора, дополнительного уточнения и конкретизации. Так, в статье 176 Наставления МГП, установлено, что «наиболее характерными учебными вопросами на занятиях и учениях могут быть: опознавание лиц и объектов (зон), находящихся под защитой международного гуманитарного права, обращение с ранеными и больными, лицами, потерпевшими кораблекрушение, военнопленными, гражданским населением, медицинским и духовным персоналом противника».

Вместе с тем, данная формулировка имеет довольно расплывчатый характер, что может привести к неполному изучению учебных вопросов или же не изучению каких-либо отдельных вопросов международного гуманитарного права вовсе. Для решения данной проблемы необходимо изменение формулировки «наиболее характерными учебными вопросами на занятиях и учениях могут быть» на формулировку «обязательными учебными вопросами на занятиях и учениях должны быть» с указанием конкретного перечня вопросов, среди которых будут указаны: «опознавание культурных ценностей и персонала, отвечающего за защиту и охрану культурных ценностей, а также порядок обращения с ними». Автор не приводит иные возможные формулировки обязательных учебных вопросов на занятиях и учениях, руководствуясь необходимостью ограничения рамками исследования, однако не отрицает возможность их дополнения.

Подобный детализированный подход, позволит избежать риск необучения командиров подразделений и отдельных военнослужащих практическим приемам выполнения норм международного гуманитарного права, касающихся международно-правовой защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта.

Помимо этого, статьями 179 и 180 Наставления МГП, установлено понятие «правового минимума», его элементы, условия и порядок сдачи «зачетов по правовому минимуму». Руководствуясь преамбулой Конвенции 1954 г. и иными нормами международного права, а также законодательством Российской Федерации, автор предлагает установление нормы регламентирующей обязательное периодическое тестирование по знанию основ международного гуманитарного права в целом и обязательным блоком вопросов по защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Также необходимо дополнение блоком вопросов об ответственности за нарушение норм международного гуманитарного права (в том числе уничтожение, незаконное присвоение и вандализм культурных ценностей).

В статье 28 Конвенции 1954 г. предусматривается имплементация в национальное уголовное законодательство норм для привлечения к ответственности за умышленные преступления в отношении культурных ценностей. В статье 4 Конвенции 1954 г., указано, что государства обязаны установить посредством национального законодательства ответственность за следующие деяния: кража, грабеж или незаконное присвоение культурных ценностей в любой форме; акты вандализма; реквизиция (изъятие) движимых культурных ценностей, расположенных на территории государства. Таким образом, фрагментарно указанные обязательства нашли отражение в уголовном законодательстве России в рамках статей: 164, 243 УК РФ. В работе В. В. Лисаускайте и М. А. Сутурина [\[25\]](#) вопрос имплементации применительно к статьям 164, 190 и 243 УК РФ ставится под сомнение.

Сходятся во мнении Л. Р. Клебанов, А. Г. Кибальник, И. Г. Соломоненко [\[20, 21\]](#), что закрепление ответственности за совершение преступлений против культурных ценностей в вооруженном конфликте отражено в диспозиции ч. 1 ст. 356 УК РФ: «Жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории,

применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации». В качестве действий, совершаемых в отношении культурных ценностей, предлагается рассматривать формулировку «разграбление национального имущества на оккупированной территории».

В соответствии с Конвенцией о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г. к военным преступлениям не применяются сроки давности, они обладают наивысшей степенью общественной опасности, что должно отражаться на установлении наказания.

Предполагается, что наличие вопросов об ответственности также будет мотивировать к изучению и неукоснительному соблюдению норм международного гуманитарного права, в том числе защите культурных ценностей.

Тестирование, в отличие от зачета по правовому минимуму, возможно, проводить посредством информационных технологий и значительно чаще чем «один раз в два года». Например, более частое, два или четыре раза в год, обязательное тестирование и автоматический анализ ответов позволит поднять уровень осведомленности офицеров, прапорщиков (мичманов) о нормах международного гуманитарного права, что в свою очередь может способствовать наилучшему выполнению боевых задач при соблюдении норм международного гуманитарного права. Подобная норма может, как изменять, так и дополнять положения Наставления МГП.

Заключение

Нарастающая конфронтация между Российской Федерацией и странами Балтии, включающая экономические санкции, информационные кампании и военные учения, актуализирует проблему защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Несмотря на заявления России о приверженности нормам международного гуманитарного права и защите культурных ценностей как основы национальной идентичности, конкретные механизмы предотвращения их уничтожения или повреждения в случае эскалации конфликта требуют дальнейшего изучения и разработки.

Сегодня следует сместить акцент от наращивания количества норм права по защите культурных ценностей на их качество, устранение коллизий и пробелов, гармонизацию международных и внутригосударственных норм, а также неукоснительное соблюдение.

В этой связи автором предложены пути совершенствования Наставления МГП вопросами информирования и тестирования военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации по вопросам защиты культурных ценностей и ответственности за нарушение норм международного гуманитарного права (в том числе уничтожение, незаконное присвоение и вандализм культурных ценностей).

Постоянное повышение уровня знаний командиров, штабов тактического звена и всех военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации о механизмах защиты культурных ценностей в рамках международного гуманитарного права способствует не только совершенствованию механизмов защиты культурного наследия во время вооруженных конфликтов, но и укреплению международного имиджа России как государства, добросовестно выполняющего свои обязательства. Это позволит повысить эффективность мер по предотвращению повреждения или уничтожения культурных ценностей и укрепить доверие к России на международной арене.

Библиография

1. Ахметзянов А.А. Международно-правовая защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Ахметзянов. - Казань, 2005. - 246 с.
2. Богданос М. Багдадские воры. Защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта // Эстонское общество охраны памятников старины. 2009. С. 29-51.
3. Богуславский М.М. Международная охрана культурных ценностей. - М.: Междунар. отношения, 1979. - 192 с.
4. Бойлан П.Дж. Обзор Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаагская конвенция 1954 г.) // ЮНЕСКО. 1993.
5. Бойлан П.Дж. Военная необходимость - это нечто гораздо большее, чем военное удобство. Защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта // Эстонское общество охраны памятников старины. 2009. С. 119-127.
6. Воробьева Л.М. Прибалтика на разломах международного соперничества. От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920 г. - М.: Издательство "ФИВ", 2013. - 536 с.
7. Гринченко А.Н. Россия и страны Балтии: противоречия и предпосылки создания новых международно-правовых механизмов защиты культурных ценностей // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2024. № 10(327). С. 104-111. EDN ZRAEYK.
8. Гринченко А.Н. К вопросу о понятии международно-правовых механизмов защиты культурных ценностей // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2023. № 12(317). С. 103-108. EDN ULAISB.
9. Гринченко А.Н., Холиков И.В. Международно-правовые механизмы защиты культурных ценностей в Российской Федерации и странах Балтии (историко-правовой аспект) // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 109-116. EDN IJNSDC.
10. Дамаскин О.В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности: монография. - М.: ПА ФСБ России, 2016. - 423 с.
11. Дамаскин О.В., Холиков И.В. Военные аспекты международного гуманитарного права // Военное право. 2017. № 2 (42). С. 214-221.
12. Дамаскин О.В., Холиков И.В. Современные проблемы международного гуманитарного права // Современное право. 2017. № 5. С. 104-111.
13. Делиева А.П. Анализ экономического развития России в условиях санкционной блокады // Современная мировая экономика: вызовы и реальность, Донецк, 05 декабря 2023 года. - Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2023. С. 170-175. EDN CNWQGC.
14. Деш Т. Второй протокол к Гаагской конвенции 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта // Гуманитарное право. - Т.М.С. Asser Press, 2000. С. 63-90.
15. Динштейн Ю. Ведение военных действий по праву международных вооруженных конфликтов. - Cambridge University Press, 2008.
16. Игнаточкина Т., Манджиков О. Россия и страны Балтии // Россия в глобальной политике. 2003.
17. Казанцев С.В. Влияние антироссийских санкций на экономическое развитие Российской Федерации // Развитие и безопасность. 2022. № 1 (5). С. 34-43.
18. Кантор Ю.З. Память о войне и война памятников в государствах Балтии // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2 (30). С. 143-157.
19. Кастрен Э. Современное право войны и нейтралитета // Труды Финской академии наук. 1954. Серия В. № 85.
20. Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Преступления против мира и безопасности

человечества / А.Г. Кибальник, И.Г. Соломоненко; под науч. ред. А.В. Наумова. - Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2004. - 385 с. EDN TDLTLB.

21. Клебанов Л.Р. Преступления против культурных ценностей: понятие, признаки, система // Проблемы в российском законодательстве. 2011. № 3. С. 194-197.

22. Косов Г.В., Ярмук О.В., Литвишко О.М., Гапич А.Э. Вооруженный конфликт как медиапроект XXI В.: украинский кейс // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 3. С. 29-41.

23. Кроливецкая В.Э., Кроливецкая Л.П. Антироссийские санкции в 2022 году и ответная реакция на них // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения-2022: сборник научных трудов. - Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2022. С. 312-314.

24. Кудашкин А.В. Право вооруженных конфликтов в системе права России // Военное право. 2023. № 2(78). С. 15-30. EDN JTCDRR.

25. Лисаускайте В.В., Сутурин М.А. Международные договоры Российской Федерации в сфере защиты культурных ценностей в вооруженном конфликте и установление уголовной ответственности за посягательство на них // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 5. С. 472-481.

26. Мегем М.Е. Снести нельзя оставить: придерживаться политики памяти стран Балтии в отношении советских памятников в зоне массового завоевания // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 4. С. 128-145.

27. Мегем М.Е., Филев М.В., Давиденко А.А. Снести, перекодировать, интегрировать и маргинализировать: ключевые стратегии стран Балтии по отношению к советским памятникам // Наука. Общество. Оборона. 2022. № 4 (33). С. 26-26.

28. Мельникова А.Д. Информационные войны, как высшая составляющая современной войны // Патриотическое воспитание молодежи: проблемы истории и современности: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 25-26 ноября 2022 года: Ростовский государственный медицинский университет. 2023. С. 403-407. EDN HUGNZA.

29. Наагель М. Защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и доктрина военной необходимости. 2010.

30. Пешкова Н.В., Филимонова Е.Ю., Умарова С.И., Ветлугина М.А. Использование тактики обвинения в формировании негативного имиджа России в зарубежном политическом дискурсе (на материале американских СМИ) // Современное педагогическое образование. 2022. № 11. С. 228-234.

31. Рерих Н.К. Листы дневника. 2000. - 512 с.

32. Саламатов В.С. Уничтожение памятников СССР в условиях антироссийской политики // Инновационная наука. 2021. № 5. С. 143-145.

33. Сеитбелялова А.Т. Влияние экономических санкций на экономику России // Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства: сборник научных трудов. - Симферополь: Изд-во Типография "Ариал", 2021. С. 588-591.

34. Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. - М.: Academia, 2003. - 456 с.

35. Томан Дж. Защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта: Комментарий к Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и Протоколу к ней, подписанным 14 мая 1954 года в Гааге, и к другим документам международного права, касающимся такой защиты // ЮНЕСКО. Дартмутское издательство, 1996.

36. Форрест К.С. Доктрина военной необходимости и защита культурных ценностей во время вооруженных конфликтов // Калифорнийский западный журнал международного

права. 2007. Т. 2. С. 177-219.

37. Фриго М. Культурная собственность против культурного наследия: "Битва концепций" в международном праве // Международный журнал Красного Креста. 2008. Т. 86, № 854. С. 367-378.

38. Хензель Х.М. Защита культурных объектов во время вооруженных конфликтов // Право вооруженного конфликта: ограничения на современное применение военной силы. - Эшгейт, 2005.

39. Хенкертс Дж.М. Новые правила защиты культурных ценностей в вооруженном конфликте: значение Второго протокола Гаагской конвенции 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта // Международный журнал Красного Креста. 1999. Т. 81. № 835. С. 593-620.

40. Дутли М.Т. Защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта: Отчет о совещании экспертов // МККК. 2002. С. 27-55.

41. Холиков И.В., Шишко А.А. Становление международно-правовой защиты культурных ценностей в случае вооружённого конфликта // Военное право. 2021. № 6(70). С. 326-334. EDN WARKII.

42. Холиков И.В. Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях // Сборник научных статей Международной конференции "Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования". 2014. С. 294-307.

43. Холиков И.В. Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях // Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования: сравнение опыта постсоциалистических государств: сборник научных статей по материалам Международного научно-практического семинара, Оренбург, 28 мая 2014 года. - Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2014. С. 294-307. EDN SNCRXB.

44. Ястребова А.Ю., Анисимов И.О. Международно-правовые основы защиты объектов культуры. // Право и управление. XXI век. 2023. № 19(4). С. 54-62.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Организация защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта как фактор обеспечения норм международного гуманитарного права Российской Федерацией».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Как отмечается в самой статье, «Объектом исследования выступает система организации защиты культурных ценностей в случае вооружённого конфликта. Предметом исследования определена регламентация и реализация международно-правовой защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта Российской Федерацией». В качестве конкретного предмета изучения стали положения нормативно-правовых актов, материалы практики и эмпирические данные, мнения ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена: «Целью статьи является разработка

предложений по совершенствованию международно-правового механизма защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, закреплённого в нормах права Российской Федерации». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. В самой статье отмечается, что «Методологической основой исследования, представленного в статье, послужили системный подход и доктринальный метод. В рамках исследования использовались следующие методы: анализ, синтез, обобщение, дедукция, формально-юридический анализ и другие».

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики. Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «Особое место в системе источников права вооружённых конфликтов занимает «Наставление по международному гуманитарному праву для Вооружённых Сил Российской Федерации» (далее — Наставление МГП), утверждённое Министром обороны Российской Федерации 8 августа 2001 г. Наставление МГП предназначено для изучения и соблюдения военнослужащими Вооружённых Сил Российской Федерации норм международного гуманитарного права при подготовке и ведении боевых действий. Правовой базой для Наставления МГП послужила Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», Устав внутренней службы Вооружённых Сил Российской Федерации (утвержден указом Президента РФ от 10.11.2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооружённых Сил Российской Федерации») и международные договоры, относящиеся к международному гуманитарному праву, участницей которых является Российская Федерация. Таким образом, с позиции международного права Наставление МГП является имплементационной нормой, выполнение которой обязательно для командиров и военнослужащих РФ».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором в том, что «В условиях современных вооружённых конфликтов и нарастающих противоречий между государствами защита культурных ценностей становится неотъемлемой частью обеспечения норм международного гуманитарного права. Особенно актуальной эта проблема становится в контексте отношений между Российской Федерацией и странами Балтии, где политическая напряженность ставит под угрозу не только безопасность, но и сохранение исторического и культурного наследия».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«Нарастающая конфронтация между Российской Федерацией и странами Балтии, включающая экономические санкции, информационные кампании и военные учения, актуализирует проблему защиты культурных ценностей в случае вооруженного

конфликта. Несмотря на заявления России о приверженности нормам международного гуманитарного права и защите культурных ценностей как основы национальной идентичности, конкретные механизмы предотвращения их уничтожения или повреждения в случае эскалации конфликта требуют дальнейшего изучения и разработки. Сегодня следует сместить акцент от наращивания количества норм права по защите культурных ценностей на их качество, устранение коллизий и пробелов, гармонизацию международных и внутригосударственных норм, а также неукоснительное соблюдение». Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию порядка реализации действующего законодательства. В частности,

«В этой связи автором предложены пути совершенствования Наставления МГП вопросами информирования и тестирования военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации по вопросам защиты культурных ценностей и ответственности за нарушение норм международного гуманитарного права (в том числе уничтожение, незаконное присвоение и вандализм культурных ценностей). Постоянное повышение уровня знаний командиров, штабов тактического звена и всех военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации о механизмах защиты культурных ценностей в рамках международного гуманитарного права способствует не только совершенствованию механизмов защиты культурного наследия во время вооруженных конфликтов, но и укреплению международного имиджа России как государства, добросовестно выполняющего свои обязательства. Это позволит повысить эффективность мер по предотвращению повреждения или уничтожения культурных ценностей и укрепить доверие к России на международной арене».

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Международное право», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с защитой культурных ценностей в случае вооруженного конфликта.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг поставленной цели работы.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Н. К. Рерих, М. М. Богуславский, И. В. Холиков, О. В. Дамаскин, А. А. Ахметзянов, M. Naagel M. T. Dutli, J. Toman, J-M. Henckaerts, Н. М. Hensel и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области международного права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его

мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным в статье вопросам.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Международное право

Правильная ссылка на статью:

Моисеев К.В. Современное состояние экологических прав человека // Международное право. 2025. № 1. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.1.72520 EDN: PMKTVP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72520

Современное состояние экологических прав человека

Моисеев Константин Викторович

ORCID: 0009-0006-6315-8042

аспирант; кафедра международного права; Уральский государственный юридический университет
им. В. Ф. Яковлева

620137, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

✉ k.moiseev98@gmail.com

[Статья из рубрики "Развитие отдельных отраслей международного публичного права"](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2025.1.72520

EDN:

PMKTVP

Дата направления статьи в редакцию:

30-11-2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию экологических прав человека как ключевого элемента взаимодействия современной системы международного экологического права и права прав человека. Предметом исследования выступает взаимодействие прав человека и экологических интересов, включая влияние окружающей среды на реализацию прав личности и, в свою очередь, воздействие прав человека на защиту экосистем. Рассматриваются теоретические основы формирования экологических прав, их процессуальные и материальные аспекты, а также их правоприменение в международной и национальной правовых системах. Обсуждаются три подхода к правовому обеспечению экологических прав человека: имплементация существующих норм, пересмотр международных стандартов и принятие новых международных обязательств. Основная цель работы – анализ текущего состояния правового регулирования экологических прав, выявление ключевых проблем их реализации и поиск оптимальных путей их укрепления. Для достижения цели используется сравнительно-правовой метод, анализ нормативных актов, судебной практики и международных документов. Приводятся примеры из практики региональных органов по защите прав человека, а также нормы национальных конституций,

регулирующих экологические права. Результаты работы включают систематизацию процессуальных и материальных экологических прав, таких как право на участие общественности, доступ к информации и правосудию, а также право на чистую окружающую среду. Обсуждаются современные вызовы, включая ответственность бизнеса за нарушение экологических прав и роль специализированных экологических судов. Новизна исследования заключается в предложении последовательного подхода к укреплению экологических прав человека, начиная с совершенствования механизмов имплементации и завершая созданием новых международных обязательств. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к защите экологических прав, включающего международное сотрудничество, национальное законодательство и участие бизнеса. Полученные результаты могут быть использованы для разработки международных и национальных правовых актов, а также в практической деятельности юристов, государственных органов и организаций гражданского общества.

Ключевые слова:

экологические права человека, благоприятная окружающая среда, ответственность, доступ к правосудию, доступ к информации, участие общественности, мягкое право, транснациональные корпорации, экология, окружающая среда

Введение.

В связи с возникающими перед мировым сообществом новыми вызовами, связанными с загрязнением окружающей среды, сокращением биоразнообразия и глобальным быстрым изменением климата, актуальность развития международно – правового статуса личности и защиты прав человека, связанных с окружающей средой, только повышается. На сегодняшний день уже нет никаких сомнений, что благоприятная окружающая среда имеет ключевое значение для осуществления прав человека и наоборот - осуществление прав человека (включая права на информацию, участие общественности и право на доступ к средствам правовой защиты) имеет решающее значение для охраны окружающей среды [\[17, p.1\]](#). Для своевременного и адекватного реагирования на проблемы, возникающие в этой сфере есть потребность в соответствующей правовой базе – необходимы новые международные стандарты прав человека, новые права и свободы. Данные права и свободы должны отражать законные интересы человека, связанные с окружающей его средой. К сожалению, на данный момент нельзя сказать, что экологическая составляющая в системе действующих прав человека является адекватным ответом на те вопросы, которые они призваны решать. По всему миру отдельные индивиды и целые сообщества сталкиваются с недоступностью или сложностью доступа к защите прав и свобод, которые связаны с окружающей средой. Как чётко отметили Линос – Александр Сицилианос и Мария – Луиза Дефто, пагубные последствия изменения климата становятся все более явными во всех сферах человеческой деятельности, отягощая мирное осуществление прав человека [Breaking New Ground: Climate Change before the Strasbourg Court. Blog of the European Journal of International Law. // URL: <https://www.ejiltalk.org/breaking-new-ground-climate-change-before-the-strasbourg-court/> (дата обращения: 01.09.2024)].

Основная часть.

Экологическая составляющая в системе действующих прав человека. Джон Нокс в своем предварительном докладе от 24 декабря 2012 года, указал, что деградация

окружающей среды может наносить вред *всем* правам человека, независимо от каких – либо категорий, однако, отдельные права человека оказываются уязвимы перед экологическим ущербом в большей степени, чем другие [ГА ООН, Совет по правам человека, Доклад Независимого эксперта по вопросу об обязательствах в области прав человека, связанных с использованием безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой Джона Х. Нокса, A/HRC/22/43, 24 декабря 2012 года]. Данная идея всё чаще находит подтверждение в судебной практике: так, Европейский суд по правам человека в деле *KlimaSeniorinnen v. Switzerland* отметил, что деградация окружающей среды может привести и приводит к серьезным и потенциально необратимым негативным последствиям для осуществления прав человека [Verein KlimaSeniorinnen Schweiz and Others v. Switzerland, Judgment of the European Court of Human Rights, Strasbourg. April 9, 2024, §431. // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-233206> (дата обращения: 01.09.2024)]. Межамериканский суд по правам человека также отметил наличие связи между правами человека и окружающей средой: «Этот суд признал существование неоспоримой взаимосвязи между защитой окружающей среды и реализацией других прав человека, поскольку деградация окружающей среды и негативные последствия изменения климата влияют на реальное осуществление прав человека» [Inter-American Court of Human Rights. Advisory Opinion OC-23/17 of November 15, 2017. Requested by the Republic of Colombia].

В 1973 году, в послесловие Стокгольмской конференции, Луис Бруно Зон писал: «Прямые ссылки на само ... право на безопасную, здоровую и благоприятную окружающую среду отсутствуют... Было бы важным шагом вперед, если бы право на адекватную окружающую среду было выдвинуто на первый план в изложении принципов, устранив тем самым остающиеся сомнения в его существовании» [22, p. 455]. С тех пор право на благоприятную окружающую среду в частности и экологические права человека в целом прошли долгий путь и на данный момент выделение экологических прав человека в отдельную категорию уже не вызывает особых споров, что подтверждается широким разделением подобных взглядов как со стороны академического сообщества [8, pp. 765 – 794; 11, pp. 20 – 45; 21, pp. 509 – 544], так и со стороны международных организаций и НПО [См. UNEP, What are environmental rights? // URL: <https://www.unep.org/explore-topics/environmental-rights-and-governance/what-we-do/advancing-environmental-rights/what>, OHCHR, About human rights and the environment // URL: <https://www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-environment/about-human-rights-and-environment>, Geneva Environment Network, Human Rights and the Environment // URL: <https://www.genevaenvironmentnetwork.org/resources/updates/human-rights-and-the-environment/> (дата обращения: 01.09.2024)]. Генеральная Ассамблея ООН, признавая право на благоприятную окружающую среду (*ключевое экологическое право человека*), отметила, что *подавляющее большинство* государств признали в той или иной форме право на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду в международных договорах и национальном законодательстве [ГА ООН, Резолюция 76/300 «Право человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду», 28 июля 2022. // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/76/300> (дата обращения: 01.09.2024)].

Концепция экологических прав человека: предпосылки формирования, понятие, разновидности. Стокгольмская конференции ООН по окружающей среде 1972 г. примечательна тем, что на ней была впервые отмечена связь прав человека с окружающей средой [13, p.12]. Декларация Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды (Стокгольмская декларация) и План мероприятий в отношении окружающей человека среды, оказались первыми документами, в которых было

закреплено право человека, связанное с окружающей средой [Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды Стокгольм, 1972 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 01.09.2024)]. Как отмечал один из создателей декларации Луис Бруно Зон, ссылка на «основное право на... благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет вести достойную и процветающую жизнь» была призвана передать существование права на благоприятную окружающую среду [22, p. 455].

Большое влияние на этот процесс также оказала Всемирная хартия природы, которая была принята резолюцией 37/7 ГА ООН от 28 октября 1982 г. В ней были провозглашены 24 принципа сохранения природы, в соответствии с которыми должна направляться и оцениваться любая деятельность человека, затрагивающая природу [Всемирная хартия природы 1982 г. // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 2.- М.: БЕК, 1996. С. 132 – 135]. Хартия стала первым международным документом, в котором были обозначены обязанности человека в отношении окружающей его среды. Эти обязанности всё человечество несёт совместно – совместная ответственность за состояние окружающей среды отдельных индивидов, корпораций и государств является одной из ключевых идей Хартии [26, pp. 990 – 991].

Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио - де -Жанейро в 1992 г. завершилась принятием таких рекомендательных документов как Декларация по проблемам окружающей человека среды и развитию и Повестка дня на XXI в. Декларация сформулировала основные экологические права (такие как право на доступ к информации, право на участие общественности и право на доступ к правосудию), которые получили нормативное закрепление на национальном уровне в большинстве стран мира [13, p.15] (например, в Конституции Норвегии (ст.112, право *быть осведомленным* о состоянии окружающей среды), Колумбии (ст. 79, право на участие общественности) , Коста Рики (ст. 46, право на доступ к *соответствующей и достоверной* информации), Черногории (ст. 23, право на доступ к *своевременной и полной* информации о состоянии окружающей среды, а также право на *принятие участия* в решении вопросов, связанных с ней) [The Constitution of the Kingdom of Norway. // URL: <https://lovdata.no/dokument/NLE/lov/1814-05-17> (дата обращения: 01.09.2024); Colombia's Constitution of 1991 with Amendments through 2015. Oxford University Press, I n c .// URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Colombia_2015 (дата обращения: 01.09.2024); Constitution of Costa Rica Republic. // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Costa_Rica_2020 (дата обращения: 01.09.2024); Constitution of the Republic of Montenegro. // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Montenegro_2013 (дата обращения: 01.09.2024)].

На сегодняшний день в рамках международного права оформилось несколько основных вариантов решения проблемы экологических прав человека. Первый подход предполагает, что уже существующий комплекс международных соглашений и содержащиеся в них нормы, закрепляющие права человека и соответствующие обязанности государств, уже защищают экологические интересы личности на адекватном уровне. Считается, что необходимо уделять больше внимания фактической имплементации прав человека в национальные законодательства и ратификации существующих международных документов, что позволит осуществлять безусловную защиту окружающей среды [20, p. 90],[23, p. 138]. Критики же данного подхода считают, что антропоцентрический уклон признания экологических прав человека преувеличен, так

как право учитывает внутреннюю ценность природы; а опасения об обесценивании прав человека не должны препятствовать рассмотрению новых прав, если они соответствуют международным стандартам [\[23, p. 155\]](#).

Тяжело не согласиться с критиками: международное право – «живой организм», который постоянно меняется и возникший застой может только навредить защите экологических прав человека, если не принимать решительные меры.

Второй метод предполагает пересмотр существующих стандартов в области прав человека в контексте экологических интересов личности. Действительно, с момента принятия многих договоров, закрепляющих права человека, прошло большое количество времени. Международное право не стоит на месте и существующие договоры могут отражать сложившуюся на сегодняшний момент ситуацию не в полной мере. Принятие новых конвенционных правил толкования и применения соответствующих прав может позволить более эффективно использовать существующие механизмы для защиты экологических интересов личности [\[23, p. 794\]](#), [\[17, pp. 122 – 135, pp. 136 – 154\]](#).

Однако, и у данного подхода есть свои ограничения: так, отмечается, что термин «окружающая среда» при использовании такого подхода получает слишком широкое значение и связь со множеством прав человека, что усложняет их защиту [\[17, p. 153\]](#). Представляется необходимым понимать границы использования этого решения. Действительно, как указывалось ранее, деградация окружающей среды угрожает осуществлению всех прав человека, однако, доведение до абсурда лишено смысла: какой суд примет ссылку на окружающую среду как важный фактор для защиты, например, права на доступ к сети Интернет?

В отношении третьего подхода считается, что для реальной и эффективной защиты окружающей среды и человека необходимо принятие новых международных документов, которые бы закрепляли экологические права человека как отдельный вид прав человека юридически обязательными актами международного права. Поддержку данного подхода и работу над активным развитием экологических прав человека можно найти в работах Джона Нокса и Дэвида Бойда, бывших держателей мандата Специального докладчика по вопросу о правах человека и окружающей среде [\[17\]](#), [\[11\]](#), а также у Луиса Э. Родригез – Ривьера, бывшего Министра природных и экологических ресурсов Пуэрто – Рико [\[23, pp. 154 – 162\]](#). Здесь же стоит отметить и работу специального докладчика Дире Тлади по докладу о нормах *jus cogens* в Комиссии международного права, который отметил, что в число норм, которые приводились в качестве норм *jus cogens* и чей статус *jus cogens* пользуется определенной поддержкой, входят и экологические права человека [Четвертый доклад об императивных нормах общего международного права (*jus cogens*), подготовленный Специальным докладчиком Дире Тлади, Комиссия международного права, 31 января 2019 г., A/CN.4/727, пункты 123, 136]. Считается, что минусами данного подхода является избыточность по отношению к существующим экологическим правовым режимам, трудности с правосудием и правоприменением, антропоцентрический уклон, а также потенциальное обесценивание других прав человека [\[23, p. 154\]](#).

Каждый из этих методов имеет право на существование. Нужно исходить из необходимости защиты экологических прав человека «здесь и сейчас», для чего следует использовать различные приемы, которые позволят делать это наиболее эффективным образом в каждом конкретном случае. Логичным представляется поступательное движение от первого подхода к третьему – ведь для принятия международных актов

необходимо время (чаще всего – значительное), но это не значит, что решение существующих проблем можно также отложить на дальнейшую перспективу. Использование доступных инструментов позволяет не только своевременно защищать права человека, но и подготавливать материалы для дальнейшего развития правозащитной практики и нормативной базы.

Корни различий во взглядах относительно экологических прав человека можно найти в размышлениях о природе прав человека в целом. Дискуссия о природе прав человека (в том числе и экологических) сводится к двум основным позициям. Первая рассматривает права человека как неотъемлемые моральные (естественные) права, присущие людям просто в силу их человеческой природы, существующие независимо от их признания государствами и служащие эталоном для оценки справедливости существующих норм. Вторая позиция утверждает, что права человека являются продуктом реальных социальных практик и институтов, и существуют только в той мере, в какой они закреплены в действующих договорах и реализуются в конкретных юрисдикциях. Этот спор отражает фундаментальное различие во взглядах на источник и природу прав человека: являются ли они универсальными моральными истинами или же результатом исторического развития человеческих обществ и их институтов [\[16, p. 37\]](#).

Экологические права человека – это фундаментальные, неотчуждаемые права человека, вытекающие из его природного статуса и зависимости от окружающей среды. Эти права признаются присущими каждому человеку с момента его рождения, они не зависят от государства и его законодательных актов. М.М. Бринчук рассматривает экологические права как особую категорию в системе прав человека, связанную с законами природы и обусловленную природой человека как биологического существа. Он подчеркивает, что право на благоприятную окружающую среду является основным экологическим правом и вытекает из биологической потребности человека в благоприятных природных условиях. Человек не может существовать без доступа к чистой воде, воздуху и другим жизненно важным ресурсам. Если природные условия нарушены – это неминуемо сказывается на здоровье и благополучии человека. Экологические права человека обусловлены тем, что человек является не только социальным, но и природным существом. Государство должно создавать правовые механизмы, которые обеспечат реализацию этих прав и их защиту. Это подразумевает под собой разработку законов, регулирующих экологическую безопасность, и меры по предотвращению загрязнения и разрушения природы. Например, законодательное закрепление стандартов, регулирующих предельно допустимые выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, а также процедуры оценки воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду. Они (права) ограничивают государственную власть и служат критерием оценки ее эффективности и обоснованности решений. Развитые страны и мировое сообщество рассматривают права человека как универсальный идеал и основу прогресса. Права человека не зависят от смены правительств, они наднациональны и не являются исключительно внутренним делом отдельных государств [\[1, с. 64 – 69\]](#).

Субъективное право как право на благоприятную окружающую среду и законный интерес (интерес в предотвращении загрязнения окружающей среды) необходимо отличать друг от друга, что было отмечено еще дореволюционными русскими юристами – исследователями. Так, Н.М. Коркунов писал, что «...предоставляя субъективное право, ... юридическая норма придает лицу новую силу, увеличивает его могущество в осуществлении своих интересов. Такое прямое и положительное влияние юридических норм ... мы и называем субъективным правом или правомочием. Или, короче, правомочие есть возможность осуществления интереса, обусловленная соответствующей

юридической обязанностью» [\[5, с. 93\]](#).

В качестве примера внутреннего строения экологических прав человека можно привести право на благоприятную окружающую среду: как пишет М.Н. Копылов, право на благоприятную окружающую среду является субъективным правом, которое включает в себя три компонента: возможность определенного поведения обладателя права, возможность требовать соответствующего поведения от других лиц, и возможность обращения к государству для обеспечения этого права. Отсутствие любого из этих компонентов делает право неполноценным. В контексте охраны окружающей среды важно обеспечить баланс между правами и обязанностями человека в национальном законодательстве, так как активность в исполнении обязанностей зависит от системы соответствующих прав и степени их обеспеченности [\[4, с. 51 – 52\]](#).

Однако, существует проблема внутренней классификации экологических прав человека: должны ли они быть процессуальными или материальными, т.е. право действовать каким – либо образом, например, обращаться в органы государственной власти с просьбой о предоставлении информации о состоянии окружающей среды либо должно обеспечиваться предоставление и соответствующая гарантия реализации каких – либо конкретных прав, например, права на воду.

Материальные экологические права человека — это права, которые связаны с обеспечением доступа к чистой и здоровой окружающей среде, природным ресурсам и защитой от экологических угроз. Они предполагают, что каждый человек имеет право на условия жизни, которые не угрожают его здоровью и благополучию. Обычно в их число включают право на благоприятную окружающую среду, право на воду и санитарию и право на чистый воздух. Материальные экологические права связаны с физическими аспектами защиты человека и природы, в отличие от процессуальных экологических прав, которые больше направлены на правовые механизмы обеспечения прав материальных [\[11\],\[21\]](#).

Процессуальные экологические права человека — это права, которые обеспечивают возможность участия в процессе принятия экологически значимых решений и доступ к информации и правосудию в вопросах, касающихся охраны окружающей среды. Эти права играют ключевую роль в обеспечении открытости, прозрачности и участия граждан в экологической политике и защите их материальных экологических прав [\[8\],\[21\]](#).

Существует и другая точка зрения, при которой в право на благоприятную окружающую среду включается право на чистый воздух, безопасный климат, безопасную воду в достаточном количестве, адекватные санитарно-гигиенические условия, здоровые и производимые экологичным образом продукты питания, нетоксичную среду, здоровое биоразнообразие и экосистемы как материальные элементы и доступ к информации, участие общественности и доступ к правосудию как процессуальные [Доклад Специального докладчика по вопросу о правозащитных обязательствах, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой, Дэвида Р. Бойда «Предпринимательская деятельность, предельные возможности планеты и право на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду», 2 января 2024 г., пункт 24].

Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 г. является одним из основных документов, касающихся процессуальных экологических прав. Принцип 10 Декларации закрепляет, что эффективное решение экологических вопросов требует участия граждан, доступа к информации и возможности влиять на принятие

решений. Важно обеспечить право использовать судебные и административные процедуры для защиты экологических интересов.

В данном принципе, как отмечает А.М. Солнцев, закреплено три важнейших элемента, которые составляют основу процессуальных экологических прав человека: а) доступ к информации; б) участие общественности и в) доступ к правосудию. С момента принятия Декларации эти положения инкорпорированы в законодательства многих государств [7, с. 31]. Например, статья 7 Закона Республики Мадагаскар № 2015-003 от 20 января 2015 г. об обновленной Малагасийской экологической хартии закрепляет, что каждое физическое или юридическое лицо имеет право на доступ к информации, которая может иметь влияние на окружающую среду [Loi n°2015-003 du 20 janvier 2015 portant Charte de l'Environnement Malagasy actualisée. // URL: <https://www.resourcedata.org/dataset/rgi-loi-2015-003-malagasy-environment-charter> (дата обращения: 01.09.2024)]. Законодательство Республики Казахстан, в том числе, закрепляет и право на участие в принятии решений, затрагивающих вопросы охраны окружающей среды и устойчивого развития [Кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 года № 400-VI «Экологический кодекс Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.09.2024 г.), ст. 5, п. 9]. Рассмотрим каждое процессуальное экологическое право человека подробнее:

Принцип, закрепляющий *право на доступ к информации*, вновь появляется уже на региональном уровне в Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды от 5 июня 1998 г., т.н. Орхусская конвенция [Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды от 5 июня 1998 г. // URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (дата обращения: 01.09.2024)]. Благодаря данному юридически обязательному международному договору право на участие общественности, право на доступ к информации и право на доступ к правосудию получили юридическое закрепление не только на уровне «мягкого» права [6, с. 131]. Орхусская конвенция воспринималась в качестве инструмента, предоставляющего уникальные возможности для улучшения процедур, связанных с защитой окружающей среды и экологических прав человека [15, p. 339], но спустя четверть века стало ясно видно, что для этого появляется всё больше препятствий – от идеологического давления и отсутствия экспертизы [9, p. 77] до игнорирования положений конвенции со стороны законодателей [18, p. 784]. Не удается избежать и общих проблем для многих международных инициатив – отсутствие надлежащего финансирования для деятельности органов и механизмов [Environmental Procedural Rights at Risk? Inadequate Financial Contributions Threaten to Undermine the Aarhus Convention. Blog of the European Journal of International Law.// URL: <https://www.ejiltalk.org/environmental-procedural-rights-at-risk-inadequate-financial-contributions-threaten-to-undermine-the-aarhus-convention/> (дата обращения: 01.09.2024)].

Право на участие общественности в принятии решений по вопросам, касающимся окружающей среды впервые было закреплено во Всемирной хартии природы 1982 г. Так, в п. 23 устанавливается: «Каждый человек ... должен иметь возможность участвовать индивидуально или коллективно в процессе разработки решений, непосредственно касающихся окружающей его природной среды».

В 2004 году во Франции произошло принятие Экологической хартии, в ст. 7 которой закреплено, что каждый имеет право в соответствии с законом на участие в принятии решений по вопросам, касающимся окружающей среды, что является отличным примером закрепления данного права в национальном законодательстве, т.к. в соответствии с тем, что данная хартия имеет конституционный статус – данное право также приобрело статус конституционного и соответствующую правовую защиту [Environmental Charter, 2004. // URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/anglais/charter_environnement.pdf (дата обращения: 01.09.2024)].

Статья 42 Конституции Российской Федерации закрепляет не только право на благоприятную окружающую среду, но и на достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением. В данном конституционном положении воплощено три экологических права человека и корреспондирующие им обязанности: право на благоприятную окружающую среду, право на доступ к информации, касающейся окружающей среды и право на доступ к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды. В развитие этих идей в 2002 г. принят Федеральный закон «Об охране окружающей среды» (далее – Федеральный закон), в преамбуле которого отмечены соответствующие конституционные экологические права человека. Ст. 3 Федерального закона закрепляет основные принципы: так, устанавливается обязанность государства и иных субъектов, в т.ч. бизнеса по соблюдению прав человека на благоприятную окружающую среду, на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды, а также права на участие граждан в принятии решений, касающихся их прав на благоприятную окружающую среду, в соответствии с законодательством. Эти принципы наполняют содержанием права на благоприятную окружающую среду, на доступ к информации, касающейся окружающей среды и на участие общественности в принятии решений, влияющих на окружающую среду, которое отдельно не закреплено в Конституции РФ.

Право на доступ к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, является одним из самых распространенных прав человека, связанных с окружающей средой. В мире насчитывается 2115 специализированных экологических судов и трибуналов по состоянию на 2021 год [United Nations Environment Programme (2022). Environmental Courts and Tribunals: A Guide for Policymakers. Nairobi. // URL: <https://wedocs.unep.org/20.500.11822/40309> (дата обращения: 01.09.2024)]. Эти органы отличаются тем, что их деятельность обеспечивается глубокими юридическими и научными экспертными знаниями, а широкая юрисдикция, возможность использования таких средств разрешения споров как арбитраж и медиация, в совокупности с гибкими и отлаженными процессами способствуют повышению эффективности средств правовой защиты. В качестве примеров можно привести Государственный экологический трибунал в Индии, Экологические и земельные суды в Кении и Швеции [Доклад Специального докладчика по вопросу о правозащитных обязательствах, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой «Право на здоровую окружающую среду: передовая практика». A/HRC/43/53. // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3864899> (дата обращения: 01.09.2024)]. Без сомнений, жертвы нарушений прав человека, в т.ч. связанных с изменением климата, должны иметь доступ к средствам защиты, обеспечивающим справедливое разбирательство и, в конечном итоге, материальную компенсацию [25, p. 227].

Самым ярким примером надлежащего обеспечения права на доступ к правосудию является Коста – Рика, где действует трехзвенная система, включающая Независимого

омбудсмена, Трибунал по природоохранным и административным делам и Конституционная палата Верховного суда.

Независимый Омбудсмен защищает права граждан, следя за тем, чтобы деятельность государственных органов соответствовала стандартам, установленным экологическим законодательством. Омбудсмен расследует предполагаемые нарушения экологических прав человека государственными органами, инициирует судебные или административные разбирательства, участвует в парламентских дебатах и рассматривает законодательные предложения. Динамика обращений к омбудсмену показывает, что деятельность по защите экологических прав человека в Коста – Рике не проходит напрасно и в 2023 году обращения по поводу права на благоприятную окружающую среду составили 1,66% от всех обращений, более чем 2-х кратное снижение количества по сравнению с 2020 годом (4,3%) [См. Defensoría De Los Habitantes De La República De Costa Rica, Informe Anual De Labores 2023-2024, p. 16. // URL: https://www.dhr.go.cr/images/informes-anuales/informe_23_24.pdf (дата обращения: 01.09.2024); Defensoría De Los Habitantes De La República De Costa Rica, Informe Anual De Labores 2020-2021, p. 44. // URL: https://www.dhr.go.cr/images/informes-anuales/if_2020_2021.pdf (дата обращения: 01.09.2024)].

Трибунал по природоохранным и административным делам уполномочен рассматривать жалобы на нарушения законов об охране окружающей среды. Для этого он наделен правом посещать объекты на местах для установления характера экологического ущерба, требовать принятия временных защитных мер, налагать штрафы и административные санкции с целью устранения или уменьшения экологического ущерба. Конституционная палата Верховного суда в своей деятельности применяла положения о праве на благоприятную окружающую среду при рассмотрении целого ряда дел, связанных с защитой окружающей среды [Доклад Специального докладчика по вопросу о правозащитных обязательствах, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой «Право на здоровую окружающую среду: передовая практика», 30 декабря 2019 г., п. 34 – 35].

К средствам защиты экологических прав человека должны предъявляться требования адекватности и эффективности, справедливости и беспристрастности и экономической доступности [Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды от 5 июня 1998 г. // URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (дата обращения: 01.09.2024)].

Внесудебные средства защиты, в свою очередь, включают в себя жалобы в административном порядке, обращение в правоохранительные органы и обращение к защитнику прав человека.

Государства-участники Орхусской конвенции обязуются улучшать доступ к правосудию двумя способами: во-первых, предоставляя общественности информацию о соответствующих административных и судебных процедурах, и во-вторых, рассматривая возможность создания механизмов поддержки для преодоления или снижения барьеров, препятствующих доступу к правосудию. Эти меры направлены на повышение эффективности права граждан на доступ к правосудию.

Одним из способов обеспечения реализации права на судебную защиту является создание специализированных экологических судов. Сторонники специализированных судов утверждают, что узкая направленность позволяет судьям развивать более

глубокие знания в своей области, что способствует качественному рассмотрению сложных дел, связанных с охраной окружающей среды [14, p. 175]. Учреждение специализированных экологических судов также служит инструментом для реализации норм международного экологического права [24, p. 32]. В свою очередь, необходимость создания специализированных инстанций для разрешения экологических споров можно отрицать, мотивируя это отсутствием потребности в особом отношении к экологическому праву по сравнению с другими отраслями права, нуждой в финансировании, обучении и общей материально-технической поддержке таких судов, а также небольшим количеством дел экологического характера и еще меньшим – успешных случаев их решения [12, p. 75], [7, с. 56 – 58].

Согласно базе данных «Climate and Human Rights Litigation», поддерживаемой исследователями из Цюрихского университета, с 2020 по 2023 год по всему миру рассматривалось как минимум 11 дел, касающихся ответственности бизнеса за нарушение экологических прав человека и связанных с ними [Climate and Human Rights Litigation Database. // URL: <https://climaterightsdatabase.com/> (дата обращения: 01.09.2024)]. Чаще всего (5 дел) базисом выступало право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, чуть реже – право на жизнь и на благоприятную окружающую среду (4 дела), а также право на уважение частной и семейной жизни (3 дела). Единичные дела касались прав коренных народов, права на воду и права на достаточное питание. На сегодняшний день, всего 3 дела были разрешены в пользу заявителей, разбирательства по остальным продолжаются в тех или иных инстанциях. На основе анализа представленных дел можно сделать вывод о том, что основной проблемой, с которой сталкиваются заявители при доступе к правосудию по таким делам, является наличие юрисдикции судебных органов (часто суды отказываются рассматривать дела по формальным признакам, ссылаясь на отсутствие юрисдикции в таких делах у национальных судебных органов как, например, в деле *Greenpeace Italy, ReCommon, et. al. v. ENI, Italian Ministry of Economy and Finance, et. al.*) и права на обращение в суд (истцам трудно доказать, что их права были нарушены из – за высоких стандартов доказывания).

Кроме того, следует отметить принятие 4 марта 2018 года Регионального соглашения о доступе к информации, участии общественности и правосудии по вопросам окружающей среды в Латинской Америке и Карибском бассейне (Эскасусское соглашение, вступило в силу в 2021 г.) [Regional Agreement on Access to Information, Public Participation and Justice in Environmental Matters in Latin America and the Caribbean. Escazú, Costa Rica, 2018. URL: <https://www.cepal.org/en/escazuagreement> (дата обращения: 01.09.2024)]. Это ознаменовало очередной этап признания юридической обязательности процессуальных экологических прав человека на региональном уровне, уже в Латинской Америке и Карибском бассейне. В нем были закреплены права на доступ к экологической информации, участие общественности и доступ к правосудию по экологическим вопросам, а также установлена цель по созданию и укреплению потенциала и сотрудничества, способствующих защите права на благоприятную окружающую среду. Отдельно были выделены положения, направленные на поддержку защитников окружающей среды, однако, на данный момент существуют сомнения насчет их эффективности: так, в 2023 году в Колумбии было убито 79 активистов (наибольшее число за весь срок наблюдений со стороны НПО Global Witness; Колумбия подписала соглашение в 2019 году, но станет участником только с 24 декабря 2024 г.), в Бразилии – 25 человек (подпись – в 2018 году, не ратифицировано), а в Мексике – 18 (участник соглашения с 2021 г.) [Global Witness, «More than 2,100 land and environmental

defenders killed globally between 2012 and 2023», 10 сентября 2024 г. URL: <https://www.globalwitness.org/en/press-releases/more-2100-land-and-environmental-defenders-killed-globally-between-2012-and-2023/> (дата обращения: 01.10.2024)]. Недостаточное участие, нехватка финансирования, неспособность органов государственной власти обеспечить достаточный уровень правоприменения – все эти факторы продолжают оказывать ощутимое влияние на эффективность реализации региональных соглашений, направленных на защиту процессуальных экологических прав человека.

Право на благоприятную окружающую среду выступает базисом, на котором строится законодательство, посвященное охране окружающей среды, и подчеркивает важность и необходимость в совершенствовании правового регулирования в целях решения экологических проблем. Особое значение данного права подчеркивает тот факт, что его, в том или ином виде, признает 91% государств – членов ООН [Доклад Специального докладчика по вопросу о правозащитных обязательствах, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой, Дэвида Р. Бойда «Семинар экспертов по вопросу об ответственности коммерческих предприятий за соблюдение права человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду», 2 января 2024 г., п. 69].

Это право подразумевает, что окружающая среда (воздух, вода и т.д.) должна отвечать определенным критериям (например, чистота). Например, в Малезской декларации о человеческом измерении в глобальном изменении климата 2007 г. оно закреплено как право на «окружающую среду, способную поддерживать человеческое общество и возможность пользования правами человека в полной мере» [Male' Declaration on the Human Dimension of Global Climate Change. Male', Republic of Maldives, 14 November 2007].

В Стокгольмской декларации 1972 г. закреплено: «Человек имеет основное право на свободу, равенство и благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет вести достойную и процветающую жизнь» (принцип 1).

Последующие принципы Стокгольмской декларации можно назвать гарантиями реализации данного основополагающего экологического права индивида. Право на благоприятную окружающую среду составляет основу экологических прав граждан и является по современным нормам одним из фундаментальных, естественных прав человека, так как обеспечивает его право на жизнь (ст. 3 Всеобщей декларации прав человека) [\[3, с. 23\]](#).

В октябре 2021 года, Совет по правам человека ООН впервые признал право на благоприятную окружающую среду правом человека. Это событие ознаменовало переход дискуссии об экологических правах человека на качественно новый уровень. В своей резолюции СПЧ ООН отметил право человека на безопасную, чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду как право человека, которое необходимо для полного осуществления всех прав человека [UNHRC res. 48/13 "The human right to a clean, healthy and sustainable environment" 8 October 2021. // URL: <https://undocs.org/A/HRC/RES/48/13> (дата обращения: 01.09.2024)].

28 июля 2022 года произошло дальнейшее развитие международного регулирования права на благоприятную окружающую среду – Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, которой признала право на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду одним из прав человека. ГА ООН призвала заинтересованные стороны *(среди*

которых особо выделен бизнес) к принятию активной политики, укреплению международного сотрудничества, расширению усилий по наращиванию потенциала и продолжению обмена передовым опытом, чтобы активизировать усилия по обеспечению чистой, здоровой и устойчивой окружающей среды, что очередной раз подчеркивает важность участия бизнеса в деле обеспечения прав человека в целом и экологических прав в частности [ГА ООН, Резолюция 76/300 «Право человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду», 28 июля 2022. // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/76/300> (дата обращения: 01.09.2024)]. На сегодняшний момент продолжают звучать рекомендации по поводу дальнейшего укрепления данного права посредством его включения в юридически обязательные международные договоры, в т.ч. в проект юридически связывающего договора о предпринимательской деятельности и правах человека, разрабатываемый Межправительственной рабочей группой открытого состава по транснациональным корпорациям и другим предприятиям в аспекте прав человека [Доклад Специального докладчика по вопросу о правозащитных обязательствах, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой, Дэвида Р. Бойда «Предпринимательская деятельность, предельные возможности планеты и право на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду», 2 января 2024 г., п. 71; Доклад Специального докладчика по вопросу о правозащитных обязательствах, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой, Дэвида Р. Бойда «Семинар экспертов по вопросу об ответственности коммерческих предприятий за соблюдение права человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду», 2 января 2024 г., п. 24].

М.М. Бринчук отмечает, что право на благоприятную окружающую среду является самым важным естественным правом человека и его соблюдение среду оказывает непосредственное влияние на национальную безопасность [\[2, с. 75\]](#).

Существование данного права поддерживают не все, и даже такой эксперт как Гюнтер Хэндл, профессор Школы права Университета Тьюлейн в Новом Орлеане выступает против. Он пишет, что международное признание прав человека сочетает элементы позитивного и естественного права, эволюционируя постепенно через постоянное продвижение различными субъектами. Для признания права на международном уровне необходимы доказательства практики и *opinio juris*, включая договоры, судебную практику и выводы органов ООН. Применяя эти критерии, утверждать о существовании права человека на благоприятную окружающую среду, по его мнению, становится затруднительно, так как ни один из глобальных правовых инструментов не поддерживает явно эту идею [\[23, pp. 138 – 144\]](#).

Ответственность бизнеса за нарушение экологических прав человека.

Проблематичным остается вопрос привлечения к ответственности за нарушение экологических прав человека не только государств, но и частных субъектов – бизнеса, а именно транснациональных корпораций (далее – ТНК) [Представляется логичным использовать определение, данное в Нормах, касающиеся ответственности транснациональных корпораций и других предприятий в области прав человека: ТНК – это субъекты экономической деятельности, действующие в двух и более странах, независимо от того, в какой юридической форме они выступают, в какой стране находятся, а также независимо от того, в каком качестве осуществляют свою деятельность], которые несут за их соблюдение ответственность в той же мере, что и правительства. Как указано в повестке в суд, выданной 5 апреля 2019 года Окружным судом Гааги в отношении корпорации Shell по делу *Milieudefensie et al v Royal Dutch Shell plc*, она (Shell) имеет такую же степень контроля над судьбами людей в силу своей

существенной доли в глобальных выбросах и роли в поиске решений проблемы изменения климата как и государство. Необходимость защиты от доминирующего положения Shell аналогична необходимости защиты от власти государства [Milieudefensie et al v Royal Dutch Shell plc, File no. 90046903, Summons (5 April 2019), para 724. // URL: https://climatecasechart.com/wp-content/uploads/non-us-case-documents/2019/20190405_8918_summons.pdf (дата обращения: 01.09.2024)]. Филиппинская комиссия по правам человека в своем докладе от 6 мая 2022 года отметила, что компании, вносящие наибольший вклад в загрязнение окружающей среды (т.н. «carbon majors»), обязаны бороться с последствиями изменения климата из-за своей роли в распространении дезинформации. Они несут корпоративную ответственность за проведение процедуры должной осмотрительности в отношении соблюдения прав человека и обязаны обеспечивать возмещение ущерба. Предприятия могут быть вынуждены проводить процедуру должной осмотрительности в отношении соблюдения прав человека и могут привлекаться к ответственности за неспособность устранить нарушения прав человека, возникшие в результате их деловой деятельности [10, p. 57].

Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите прав человека в контексте изменения климата отметила, что *предприятия должны* предоставлять целый ряд различной информации, связанной с их воздействием на климат и климатическую политику, а также воздерживаться от распространения дезинформации и противодействия общественности в контексте права на доступ к информации [Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека в контексте изменения климата Элизы Моргеры «Доступ к информации об изменении климата и правах человека», 18 июля 2024 г., п. 64 – 71].

Примером позитивных нововведений в данной сфере на региональном уровне является принятый в Европейском Союзе акт, направленный на установление обязанности для бизнеса по проведению процедуры должной осмотрительности в отношении экологических прав человека. Так, 13 июня 2024 года была принята Директива ЕС 2024/1760, которая устанавливает новые стандарты корпоративной ответственности в отношении экологических прав человека для крупных компаний с персоналом более 1000 человек и оборотом свыше 450 млн евро. Она охватывает негативное воздействие на права человека и окружающую среду не только самих компаний, но и их дочерних предприятий и деловых партнеров по цепочке деятельности. При выявлении нарушений компании обязаны принять меры по предотвращению, смягчению, прекращению или минимизации негативного воздействия. Директива также предусматривает ответственность компаний за причиненный ущерб и обязывает их предоставлять полную компенсацию, что значительно расширяет сферу корпоративной ответственности в ЕС, особенно в отношении прав человека и экологических вопросов [Directive (EU) 2024/1760 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 on corporate sustainability due diligence and amending Directive (EU) 2019/1937 and Regulation (EU) 2023/2859. // URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2024/1760/oj> (дата обращения: 01.09.2024)]. Как отметил Пьер-Ив Дермань, вице-премьер, министр экономики и труда Бельгии, «Крупные компании должны взять на себя ответственность за переход к более экологичной экономике и повышению социальной справедливости. Директива о должной осмотрительности в корпоративной устойчивости даст нам возможность наказывать тех, кто нарушает свои обязательства. Это четкий и значительный шаг на пути к лучшему месту для жизни каждого человека» [Corporate sustainability due diligence: Council gives its final approval. // URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2024/05/24/corporate-sustainability-due-diligence-council-gives-its-final-approval/> (дата обращения: 01.09.2024)].

Управление Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ) также заявило, что предприятия «должны нести ответственность за воздействие на климат и ответственно участвовать в усилиях по смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним при полном соблюдении прав человека» [OHCHR, Key Messages on Human Rights and Climate Change. // URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/ClimateChange/KeyMessages_on_HR_CC.pdf (дата обращения: 01.09.2024)].

Специальный докладчик по вопросу о правозащитных обязательствах, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой отметил, что крупные предприятия несут основную ответственность за усугубление планетарного экологического кризиса, получая рекордные прибыли благодаря парадигмам ведения экономической деятельности, основанным на эксплуатации людей и природы, что привело к превышению уже 6 пределов возможностей нашей планеты [Доклад Специального докладчика по вопросу о правозащитных обязательствах, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой Дэвида Р. Бойда «Предпринимательская деятельность, предельные возможности планеты и право на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду», 2 января 2024 г., п. 1 – 3]. Отдельной проблемой является институт урегулирования споров между инвесторами и государствами, в рамках которого государства Глобального юга зачастую вынуждены выплачивать значительные компенсации в пользу ТНК за действия по защите окружающей среды и экологических прав человека [Доклад Специального докладчика по вопросу о правозащитных обязательствах, касающихся пользования безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой Дэвида Р. Бойда «Платят загрязнителям: катастрофические последствия урегулирования споров между инвесторами и государствами для действий по борьбе с изменением климата и прав человека», 13 июля 2023 г., п. 7 – 8].

Заключение.

На данный момент уже стало предельно ясно, что субъекты, которые своими действиями наносят наибольший ущерб экологическим правам человека, должны нести соответствующую ответственность, в т.ч. материальную. Цена, которую необходимо заплатить для восстановления положения, не должна непропорционально ложиться на плечи наименее развитых стран и наиболее уязвимых сообществ. Уважение к правам человека является моральным императивом для всех, включая представителей мирового бизнес – сообщества. Нельзя забывать, что в соблюдении экологических прав человека существует и экономический интерес для бизнеса – оно способствует долгосрочной устойчивости бизнеса и сохранению ресурсов для будущих поколений.

Экологические права человека прошли долгий путь от закрепления в декларациях международных конференций до юридически обязательных международных договоров. Однако, на данный момент нельзя утверждать, что эта тема закрыта – юридическую силу обрели не все права подобного рода и субъективно главное из них – право на благоприятную окружающую среду – всё еще остается в деликатной позиции, когда всё мировое сообщество уже согласно с тем, что такое право должно существовать, но всё еще не принят ни один международный договор, который бы раз и навсегда разрешил данную проблему.

Проведенное исследование подтверждает, что в современном международном праве экологические права человека имеют одну из ключевых ролей. Несмотря на успехи, связанные с их ограниченным признанием на международном уровне, они сталкиваются

с существенными проблемами реализации, включая недостаточную имплементацию в национальных правовых системах и отсутствие четких обязательств бизнеса в этой сфере.

Анализ различных подходов к защите экологических прав показывает, что наиболее перспективным является интеграция процессуальных и материальных аспектов экологических прав в международные стандарты. Это предполагает принятие юридически обязательных актов и дальнейшее развитие существующих правовых механизмов, таких как доступ к информации и правосудию, а также разработку новых международных норм, способных обеспечить эффективное регулирование ответственности бизнеса за нарушения экологических прав.

Результаты исследования подчеркивают необходимость пересмотра современных подходов к защите прав человека с учётом растущей угрозы экологическим правам в условиях изменения климата и деградации окружающей среды. Только комплексный и согласованный подход, сочетающий международное сотрудничество, совершенствование национальных правовых систем и усиление регулирования предпринимательской деятельности, способен обеспечить эффективную защиту экологических прав человека.

Библиография

1. Бринчук, М. М. Естественные права человека как проявление законов природы / М. М. Бринчук // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2019. – Т. 29, № 1. – С. 62-69. – EDN VULHLG.
2. Бринчук, М. М. Конституционное право на благоприятную окружающую среду в свете национальной безопасности / М. М. Бринчук // Государство и право. – 2014. – № 1. – С. 74-83. – EDN RYEDLF.
3. Гейт Н. А. Защита экологических прав человека и гражданина в условиях глобализации // Право и современные государства. – 2013. – № 2. – С. 22-27.
4. Копылов М. Н. Право на благоприятную окружающую среду: процесс становления юридического содержания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2003. – № 1. – С. 48-54.
5. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 352 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-07620-2.
6. Солнцев, А. М. Вклад Орхусской конвенции 1998 года в защиту прав человека / А. М. Солнцев // Современное право. – 2014. – № 7. – С. 130-135.
7. Солнцев, А. М. Защита экологических прав человека : учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: РУДН, 2021. – 516 с.
8. Boyle A. Human rights and the environment: where next? // Challenges in International Human Rights Law. – Routledge, 2017. – pp. 765-794.
9. Barritt E. The Aarhus Convention and the Latent Right to a Healthy Environment // Journal of Environmental Law. – 2024. – Volume 36. – Issue 1. – pp. 67-84.
10. Boom K., Prihandono I., Hosen N. A mandate to investigate the carbon majors and the climate crisis: The Philippines commission on human rights investigation // Austl. J. Asian L. – 2022. – Volume 23. – pp. 57-76.
11. Boyd D. R. The environmental rights revolution: a global study of constitutions, human rights, and the environment. – University of British Columbia Press, 2011, 468 p.
12. Burgers L. Should Judges Make Climate Change Law? // Transnational Environmental Law. – 2020. – Volume 9. – Issue 1. – pp. 55-75.
13. Dupuy P. M., Viñuales J. E. International environmental law. – Cambridge University Press, 2018. – 522 p.
14. Gill G. N. Environmental justice in India: the national green tribunal and expert

- members // Transnational Environmental Law. – 2016. – Volume 5. – Issue 1. – pp. 175-205.
15. Hartley N., Wood C. Public participation in environmental impact assessment- implementing the Aarhus Convention // Environmental impact assessment review. – 2005. – Volume 25. – Issue 4. – pp. 319-340.
16. Hayward T. Constitutional environmental rights. – OUP Oxford, 2004, 248 p.
17. Knox J. H., Pejan R. (ed.). The human right to a healthy environment. – Cambridge University Press, 2018, 306 p.
18. Lee M. The Aarhus Convention 1998 and the environment act 2021: Eroding public participation // The Modern Law Review – 2023. – Volume 86. – Issue 3. – pp. 756-784.
19. Pring G. W., Pring C. Greening justice: Creating and improving environmental courts and tribunals. – Access Initiative, 2009 – 119 p.
20. Shelton D. Developing substantive environmental rights // Journal of Human Rights and the Environment. – 2010. – Volume 1. – Issue 1. – pp. 89-120.
21. Shelton D. Human rights, environmental rights, and the right to environment // Environmental rights. – Routledge, 2017. – pp. 509-544.
22. Sohn L. B. Stockholm declaration on the human environment, the // Harv. Int'l. LJ. – 1973. – Volume 14. – pp. 423-494.
23. von Arnould A., von der Decken K., Susi M. (ed.). The Cambridge Handbook of New Human Rights: Recognition, Novelty, Rhetoric. – Cambridge University Press, 2020, 578 p.
24. Wegener L. Can the Paris agreement help climate change litigation and vice versa? // Transnational Environmental Law. – 2020. – Volume 9. – Issue 1. – pp. 17-36.
25. Wewerinke-Singh M. Remedies for human rights violations caused by climate change // Climate Law. – 2019. – Volume 9. – Issue 3. – pp. 224-243.
26. Wood H. W. The United Nations World Charter for Nature: The Developing Nations' Initiative to Establish Protections for the Environment // Ecology Law Quarterly. – 1985. – Volume 12. – Issue 4. – pp. 977-996.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Экологические права человека: концепция, современное состояние и некоторые вопросы ответственности бизнеса за их нарушение» предметом исследования являются нормы международного права, регулирующие общественные отношения в сфере экологии, а именно гарантий прав человека на благоприятную окружающую среду.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, сравнение, типология, классификация, систематизация и обобщение. Применение современных методов позволило автору сформировать собственную аргументированную позицию по заявленной проблематике.

Актуальность исследования. Актуальность темы исследования не вызывает сомнения. Можно согласиться с автором статьи, который так аргументирует актуальность темы исследования: «В связи с возникающими перед мировым сообществом новыми вызовами, связанными с загрязнением окружающей среды, сокращением биоразнообразия и глобальным быстрым изменением климата, актуальность развития международно – правового статуса личности и защиты прав человека, связанных с окружающей средой, только повышается. На сегодняшний день уже нет никаких

сомнений, что благоприятная окружающая среда имеет ключевое значение для осуществления прав человека и наоборот - осуществление прав человека (включая права на информацию, участие общественности и право на доступ к средствам правовой защиты) имеет решающее значение для охраны окружающей среды». Доктринальные разработки по данной проблематике необходимы в целях совершенствования международного правового регулирования в сфере закрепления и гарантий экологических прав человека.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье сформулированы положения, которые можно было бы считать вкладом в юридическую науку: «...На данный момент уже стало предельно ясно, что субъекты, которые своими действиями наносят наибольший ущерб экологическим правам человека, должны нести соответствующую ответственность, в т.ч. материальную. Цена, которую необходимо заплатить для восстановления положения, не должна непропорционально ложиться на плечи наименее развитых стран и наиболее уязвимых сообществ. Уважение к правам человека является моральным императивом для всех, включая представителей мирового бизнес – сообщества. Нельзя забывать, что в соблюдении экологических прав человека существует и экономический интерес для бизнеса – оно способствует долгосрочной устойчивости бизнеса и сохранению ресурсов для будущих поколений». В статье содержатся и другие положения, отличающиеся научной новизной и имеющие практическую значимость, которые можно расценить как вклад в отечественную доктрину.

Стиль, структура, содержание. Автором соблюдены требования по объему материала. Статья написана научным стилем, использована специальная научная терминология. Статья структурирована. Материал изложен последовательно и ясно. Теоретические положения проиллюстрированы примерами из правоприменительной практики, которые подтверждают позицию автора по заявленной им тематике.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников. Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Экологические права человека: концепция, современное состояние и некоторые вопросы ответственности бизнеса за их нарушение» рекомендуется к опубликованию с условием доработки (корректирование названия и заключения). Статья соответствует тематике журнала «Международное право». Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Данная статья могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области прав человека, международного права, экологического права, а также, была бы полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Англоязычные метаданные

European legislation on public control: problems and prospects of development**Cheshin Andrei Vladimirovich**

PhD in Economics

Associate Professor of the Department of Economics and Management at the Orsk Institute of Humanities and Technology (branch) of the Orenburg State University

15A Mira Street, Orsk, Orenburg Region, 462419, Russia

✉ niipgergo2009@mail.ru

Goncharov Vitalii Viktorovich

PhD in Law

Associate Professor; Department of Civil Procedure and International Law; Kuban State University

350040, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Stavropol str., 149

✉ niipgergo2009@mail.ru

Malinovskii Oleg Nikolaevich

PhD in Law

Associate Professor; Department of Civil Procedure and International Law; Kuban State University
Head of the Department; Kuban State University

350040, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Stavropol str., 149

✉ niipgergo2009@mail.ru

Petrenko Elena Gennad'evna

PhD in Law

Associate Professor; Department of State and International Law, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin

350044, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Kalinina str., 13

✉ niipgergo2009@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of modern problems of the development of European legislation on public control. The authors explore the current state and stages of development of European legislation, which forms the basis of public control in the European Union. It is noted that the term "public control" is generally unfamiliar with the legal terminology of both European legislation and the legislation of countries that are members of the European Union. The terminology uses the terms "transparency" and "participation". At the same time, transparency refers to the accessibility and openness of both the authorities of the European Union and the member states. And participation should be understood as the ability of civil society institutions to participate in decision-making of the European Union, to interact with its institutions, for example, through dialogue through civil society organizations of which they are members. The work uses a number of methods of scientific cognition, in particular: formal-logical; comparative-legal; historical-legal; statistical; sociological; method of analyzing specific legal situations. The paper identifies, formalizes and investigates the main problems that hinder the development of the institution of public control in the European Union, in particular, the lack of at the level of the European Union, a single codified act of the constitutional level; the lack of consolidation in European legislation of a direct indication of

the right of institutions (subjects) of civil society to exercise control over the European bureaucracy and public authorities of national states members of the European Union, as well as other entities exercising certain public powers on the territory of the European Union (for example, European non-governmental organizations); the lack of the legal doctrine of civil society and its control of comprehensive studies devoted to the analysis of forms, methods, principles, types and forms of activities of the above-mentioned control of civil society; in civil society entities a set of real powers to control the European bureaucracy; consolidation in European legislation of a system of measures of criminal liability of officials of the European bureaucracy for ignoring the requirements of civil society institutions or obstructing their legitimate activities; specialized subjects of the above-mentioned control of civil society.

Keywords: transparency, trade unions, freedoms, rights, prospects, problems, European legislation, public control, participation, European Union

References (transliterated)

1. Achmad H., Djais A. I., Petrenko E. G., Markov A. A., Vikhareva L. V., Putra A. P. 3-D printing as a tool for applying biotechnologies in modern medicine // International Journal of Pharmaceutical Research. 2020. T. 12. № 4. S. 3454-3463.
2. Berdnikova E. V. Mezhdunarodnye pravovye standarty v sfere obshchestvennogo kontrolya // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2018. № 4. S. 6-9.
3. Vedekhin A. Yu. «Molodezhnaya garantiya»: programma Evropeiskogo Soyuza po regulirovaniyu molodezhnoi zanyatosti // Trud i sotsial'nye otnosheniya. 2021. T. 32. № 6. S. 64-72. URL: <https://doi.org/10.20410/2073-7815-2021-32-6-64-72>.
4. Goncharov V. V. Obshchestvennyi kontrol' za filialami i predstavitel'stvami mezhdunarodnykh nepravitel'stvennykh organizatsii na territorii Rossii // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2023. № 7 (120). S. 94-99. URL: <https://doi.org/10.24158/pep.2023.7.11>.
5. Goncharov V. V. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo sub"ektov obshchestvennogo kontrolya: k postanovke problemy // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii. 2023. № 4. S. 80-91. URL: <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2023.4.69430>.
6. Goncharov V. V., Maksimova S. M., Petrenko E. G., Poyarkov S. Yu. O problemakh i perspektivakh razvitiya informatsionnogo obespecheniya obshchestvennogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 1 (217). S. 76-79. URL: https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_1_76.
7. Goncharov V. V., Petrenko E. G., Borisova A. A., Tolmacheva L. V., Dmitrieva I. A. Sistema sotsial'nogo doveriya (sotsial'nogo reitinga) v KNR: problemy i perspektivy vnedreniya v Rossiiskoi Federatsii // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2023. № 3. S. 78-91. DOI: 10.7256/2454-0595.2023.3.39983.
8. Zav'yalova T. D., Kirillov R. A., Kirillova O. Yu. Obshchestvennyi kontrol' v sisteme gosudarstvennykh zakupok: mezhdunarodnyi opyt i rossiiskaya praktika // Vestnik MIRBIS. 2020. № 2 (22). S. 111-121. URL: <https://doi.org/10.25634/MIRBIS.2020.2.13>.
9. Kanunnikov A. A. Dialog grazhdanskogo obshchestva stran Latinskoi Ameriki i Evropeiskogo Soyuza // Latinskaya Amerika. 2021. № 6. S. 6-18. URL: <https://doi.org/10.31857/S0044748X0014980-7>.
10. Kravchuk N. V. Klimaticheskoe pravo Evropeiskogo Soyuza – printsip uchastiya grazhdanskogo obshchestva v protsesse prinyatiya reshenii i printsip ekologicheskoi integratsii // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya

literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo. 2024. № 1. S. 58-70. URL:

<https://doi.org/10.31249/iajpravo/2024.01.04>.

11. Matyukhova E. I. Ekspertnye komissii v mekhanizme politiki integratsii migrantov v Germanii // Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk. 2022. T. 23. № 2. S. 73-85. URL: <https://doi.org/10.31429/26190567-23-2-73-85>.
12. Nezhenets O. V., Petrenko E. G. OON kak posrednik v uregulirovanii mezhdunarodnykh konfliktov // Epomen. 2020. № 35. S. 230-235.
13. Pal'chenkova V. M. Organizatsiya obshchestvennogo kontrolya na mezhdunarodnom urovne: istoriko-pravovoi aspekt // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2012. № 4 (10). S. 51-56. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18272723_73940102.pdf.
14. Petrenko E. G., Kuleshova E. D. Problemy zashchity zhertv voennogo konflikta na Vostoke Ukrainy // Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 33. № 1. S. 86-89.
15. Rovinskaya T. L. Evropeiskoe zelenoe dvizhenie v usloviyakh krizisa: novye podkhody // Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN. 2021. № 4. S. 24-33. URL: <https://doi.org/10.20542/afij-2021-4-24-33>.
16. Chegodar' N. D. Evolyutsiya proekta Vostochnogo partnerstva: strategicheskoe ispol'zovanie «myagkoi sily» Evropeiskogo Soyuza protiv Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2023. № 1. S. 81-97. URL: <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-1-81-97>

The modern international legal framework of cyberbullying in relation to the protection of children's rights

Rodionov Aleksei Evgen'evich

Postgraduate student; Department of International Law; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation' (IZSP)
Lawyer; Law Office 'Dubrovskaya; Kuznetsova and partners of Moscow

34 Bolshaya Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

✉ alex.kreativ@mail.ru

Abstract. The author analyzes modern international legal regulation of cyberbullying and its impact on the protection of children's rights. The study's relevance arises from the growing prevalence of cyberbullying, especially among children, and its intensification during hybrid armed conflicts. This phenomenon necessitates a thorough examination of the current international legal framework to identify its strengths and weaknesses in protecting children's rights in the digital space. The object of the study is the international legal framework regulating cyberbullying and children's rights. The subject is the norms of international law governing public relations in the protection of minors from online bullying. The study aims to critically evaluate the effectiveness of existing international treaties, conventions, and declarations in combating cyberbullying and protecting children from online violence. The research employs methods such as analysis, abstraction, induction, deduction, synthesis, typology, classification, systematization, and generalization. The article highlights gaps and deficiencies in international law, including its limited ability to address digital challenges such as cyberbullying in hybrid wars. It examines the legal foundations and significance of international cooperation in combating cyberbullying, emphasizing approaches by UN bodies and regional organizations in addressing emerging threats to children. Key international instruments regulating cyberbullying are analyzed, and the current state of international legal

efforts is critically assessed. The article emphasizes the need to enhance international legal regulation to protect children's rights during hybrid armed conflicts. Identified shortcomings in existing norms underline the necessity of unified approaches, improved cooperation mechanisms, and the development of international standards to address cyberbullying effectively. Prospects for advancing international law in this area are outlined, focusing on addressing gaps to strengthen child protection in the digital era.

Keywords: international cooperation, international organizations, international legal regulation, international acts, international law, cyberbullying, protection of children's rights, Internet, hybrid warfare, armed conflicts

References (transliterated)

1. Avkhadeev V.R.: Optimizatsiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v Arktike v tselyakh predotvrashcheniya osnovnykh vyzovov i ugroz natsional'noi bezopasnosti i ustoichivomu razvitiyu Rossiiskoi Federatsii // Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 2022. Sankt-Peterburg: OOO «Kontrast», 2023. S. 169-181.
2. Ashavskii, B. M. Printsipy nevmeshatel'stva vo vnutrennie dela gosudarstv i uvazheniya prav i svobod cheloveka kak komponenty sistemy osnovnykh printsiptov mezhdunarodnogo prava / B. M. Ashavskii // Obrazovanie i pravo. – 2016. – № 11. – S. 68-74. – EDN XEIFO.
3. Ashavskii B.M. Obyazannost' zashchishchat': putem gumanitarnykh interventsii ili v sootvetstvii s mezhdunarodnym pravom? // Pravo i kul'tura: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii / Otv. red. T.A. Soshnikova. M.: Izd-vo Mosk. Gumanit. Un-ta, 2012.
4. Bazhanova, A. S. Innovatsionnye tekhnologii v obrazovatel'nom prostranstve sovremennoi shkoly v usloviyakh vnedreniya FGOS / A. S. Bazhanova, A. G. Kostina // SOVREMENNAYA NAUKA I OBRAZOVANIE: AKTUAL'NYE VOPROSY TEORII i praktiki : sbornik statei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Penza, 10 marta 2023 goda. – Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.Yu.), 2023. – S. 109-111. – EDN XAHMKB.
5. Bondarenko, L. V. Kiberbulling v sovremennykh usloviyakh: pravovye aspekty protivodeistviya / L. V. Bondarenko // Perspektivy razvitiya institutov prava i gosudarstva: Sbornik nauchnykh statei 5-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Kursk, 12 maya 2022 goda / Redkollegiya: A.N. Pen'kova (otv. red.). – Kursk: Yugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet, 2022. – S. 167.
6. Vasilevskaya L.Yu., Ivanov A.A., Kharitonova Yu.S., Kalyatin V.O., Novikova M.A., Zav'yalova D.V. Obzor kruglogo stola «Sotsial'nye seti i grazhdanskoe pravo» // Zakon. 2023. № 3. S. 90-113.
7. Vedernikova, O.N. Mezhdunarodno-pravovye osnovy protivodeistviya prestupleniyam protiv detei v seti Internet / O.N. Vedernikova // Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya. – 2022. – № 2.
8. Verkhelst, E. Global'noe upravlenie v sfere kiberbezopasnosti: vzglyad s pozitsii mezhdunarodnogo prava i prava ES / E. Verkhelst, Ya. Vauters // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. – 2020. – T. 15, № 2. – S. 141-172. – DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-07. – EDN QPNOSY.
9. Gavrilov S.O., Glebov I.N., Chukin S.G. Pravo v tochke bifurkatsii: obsuzhdenie kontseptual'nogo issledovaniya voennykh problem mezhdunarodnogo prava (Diskussiya v formate «kruglogo stola» po materialam gl. 6 «Voennye problemy mezhdunarodnogo

- prava» t. III monografii «Voennoe pravo») // Gosudarstvo i pravo. 2022. № 12. S. 59-67.
10. Evropeiskaya Konventsia v mezhdunarodnoi sisteme zashchity prav cheloveka: monografiya / A. I. Kovler. – M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii: Norma: INFRA M, 2019. – 304 s.
 11. Elin, V. M. Ugolovno-pravovye instrumenty bor'by s kiberbullingom v SSHa / V. M. Elin // Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya. – 2022. – № 1. – S. 22-25. – DOI: 10.18572/2071-1190-2022-1-22-25. – EDN AADVJZ.
 12. Epifanov, A. E. K voprosu o vliyanii mezhdunarodnogo prava na formirovanie mekhanizmov zashchity prav i svobod cheloveka (voprosy teorii i istorii) / A. E. Epifanov // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2015. – T. 15, № 2. – S. 14-20. – EDN TVTJKB.
 13. Zhmurov, D. V. Zhertvy kiberbullinga: sostoyanie problemy / D. V. Zhmurov // Rossiiskii sledovatel'. – 2023. – № 1. – S. 45-50. – DOI: 10.18572/1812-3783-2023-1-45-50. – EDN ALMEIV.
 14. Klyukanova T. M., Vinichenko A. T., Khristinchenko K. Yu. Analiz zakonodatel'stva stran EAES v oblasti bor'by s kiberprestupnost'yu // Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. 2024. T. 18. № 3. S. 83-90.
 15. Otvetstvennost' za travlyu (bulling) A.Yu. GUSEV v redaktsii NIU «Vysshaya shkola ekonomiki» podgotovlen dlya sistemy Konsul'tantPlyus, 2024 – st. 16.
 16. Plaksa V.N., Kholikov I.V. Mezhdunarodno-pravovaya zashchita grazhdanskogo naseleniya i grazhdanskoi infrastruktury pri ispol'zovanii voennogo kiberpotentsiala // Voennoe pravo. 2020. № 5(63). S. 200-213.
 17. Prestupnost' v XXI veke. Prioritetnye napravleniya protivodeistviya / Yu. M. Baturin, V. E. Batyukova, S. D. Belotserkovskii [i dr.]; Institut gosudarstva i prava RAN. Moskva: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo «Yuniti-Dana», 2020. 559 s.
 18. Pronchev G.B., Lontsov V.V., Monakhov D.N., Monakhova G.A. Problemy bezopasnosti informatsionnogo obshchestva sovremennoi Rossii: Monografiya. – M.: Ekon-Inform, 2014. – 215 s.
 19. Rashchektaeva I.S.: «Rabota pedagoga po formirovaniyu tsifrovoy kiberbezopasnosti mladshego shkol'nika»-s. 112-115. Sovremennaya nauka i obrazovanie: aktual'nye voprosy teorii i praktiki: sbornik statei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Penza: MTsNS «Nauka i Prosveshchenie». – 2023. – 176 s.
 20. Rodionov A.E., Ivanov A.M.: Istoriko-pravovye vzglyady na mezhdunarodnye problemy vzaimootnoshenii gosudarstv i natsii S. 312. V knige Voina i mir: uroki istorii, vyzovy vremeni. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya / Avtory-sostaviteli: E.A. Ul'yanenkova, A.M. Ivanov, kand. ist. nauk / Pod obshchei red. E.A. Ivanovoi, kand. ist. nauk. – Smolensk, 2022.– 440 s., 65 il.
 21. Ryabtseva T.T., Kholikov I.V. Pravovoe regulirovanie informatsionnoi bezopasnosti v sovremennykh usloviyakh // Voennoe pravo. 2024. № 3(85). S. 17-28.
 22. Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo: vyzovy, ugrozy i tendentsii / Gosudarstvo i pravo KhKhI veka: sovremennye tendentsii i novye vyzovy. Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Otv. red. T.A. Soshnikova. M. Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2020. – 346 s.
 23. Tunkin, G.I. Teoriya mezhdunarodnogo prava / G. I. Tunkin. – M., 1970. – 511 s.
 24. Ugolovno-pravovye garantii suvereniteta gosudarstva (sravnitel'no-pravovoe issledovanie): Nauchno-prakticheskoe posobie / V. Yu. Artemov, A. M. Belyalova, Kh. I.

Gadzhiev [i dr.]. Moskva: Izdatel'stvo Prospekt, 2022. 352 s.

25. Kholikov I.V. Gibridnaya voyna kak mnogovektornaya ugroza natsional'noi bezopasnosti Rossii v usloviyakh krizisa sistemy mirovogo pravoporyadka // Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voenno-pravovoe obozrenie. 2022. № 11(304). S. 30-38.
26. Kholikov I.V., Milovanovich A., Naumov P.Yu.: Dinamika funktsionirovaniya mezhdunarodnogo prava v usloviyakh transformatsii sovremennogo miroporyadka: postneklassicheskii podkhod // Zhurnal rossiiskogo prava. 2022. T. 26. № 11. S. 132-148.
27. Kholikov I.V., Sazonova K.L. Problemnye voprosy realizatsii mezhdunarodnoi otvetstvennosti mezhdunarodnykh organizatsii za narusheniya norm mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava // Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voenno-pravovoe obozrenie. 2022. № 4(297). S. 102-111.
28. Kholikov I. V. Aktual'nye voprosy pravovogo obespecheniya sil i sredstv oborony i bezopasnosti Rossii v usloviyakh sovremennykh vyzovov i ugroz // Pravo v Vooruzhennykh Silakh-Voenno-pravovoe obozrenie. 2021. № 12(293). S. 116-120.
29. Kholikov I. V. Teoretiko-pravovaya kharakteristika sovremennykh global'nykh vyzovov i ugroz v sfere zdravookhraneniya // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. 2022. T. 6, № 4(24). S. 547-555. DOI: 10.20310/2587-9340-2022-6-4-547-555.
30. Kiberprestupleniya v bankovskoi sfere (Batyukova V.E.) («Bankovskoe pravo», 2021, № 2) – S. 57-63.
31. Lukashuk I.I.: Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast': ucheb. dlya studentov yurid. fak. i vuzov; Izd-vo 3-e, pererab. i dop. / I.I. Lukashuk. – M.: Volters Kluver, 2005. – 432 s.
32. Martens F.F. Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov. V 2 t. / F.F. Martens; pod red. V. A. Tomsinova. – M.: Zertsalo, 2008. – T. 1. – 251 s.
33. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik / B.M. Ashavskii, M.M. Biryukov, V.D. Bordunov i dr.; otv. red. S.A. Egorov. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Statut, 2014.
34. Tsybakov D.L. Razvertyvanie politiko-informatsionnykh kommunikatsii NATO i Evrosoyuza v pribaltiiskom regione // GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii. 2021. № 3. S. 212-219.
35. Shinkaretskaya, G. G. Problema vyrabotki opredeleniya kiberataki / G. G. Shinkaretskaya // Mezhdunarodnoe pravo. – 2023. – № 2. – S. 10-21. – DOI: 10.25136/2644-5514.2023.2.40051. – EDN NYDJJZ.
36. Elektronnoe golosovanie v Rossii i za rubezhom (Khudolei D.M., Khudolei K.M.) («Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki», 2022, № 3) – S. 476-503.
37. Yusupov M.Yu. Fishing kak ugroza konfidentsial'nosti v seti / M.Yu. Yusupov, A.O. Putilov // E-Scio. 2021. № 10 (61). S. 223-232.
38. Alonso C., Romero E. Aggressors and victims in bullying and cyberbullying: a study of personality profiles using the five-factor model // The Spanish Journal of Psychology. 2017. Vol. 20. e76. P. 1-14.
39. Badinter R. L'universalité des droits de l'homme dans un monde pluraliste // Revue universelle des droits de l'homme. 1989. T. 1. P. 204
40. Carr, J., Mechanisms for collective action to prevent and combat online child sexual exploitation and abuse, Council of Europe, 2019. P. 1-36.
41. JACK GOLDSMITH & TIM WU, WHO CONTROLS THE Internet? ILLUSIONS OF A BORDERLESS WORLD (Oxford University Press, Inc., 2006). PP. 226.
42. Juvonen J., Gross E.F. Extending the school grounds?-Bullying experiences in

- cyberspace // Journal of school Health. 2008. Vol. 78 (9). P. 496-505.
43. Kholikov I. Ethical and Legal Basis for the Standards of Triage Used in the Russian Military Medical Service // Resource Scarcity in Austere Environments. An Ethical Examination of Triage and Medical Rules of Eligibility. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2023. P. 77-87. DOI 10.1007/978-3-031-29059-6_5.
 44. Kyriacou C., Zuin A: Cyberbullying of teachers by students on YouTube: challenging the image of teacher authority in the digital age // Res. Pap. 2015. Educ. 1522 (October). P. 1-19.
 45. Kumar, C. (2024). Cybercrime and the Law: Challenges in Prosecuting Digital Offenses. Indian Journal of Law, 2(5), P. 20-25.
 46. Murphy C., Understanding cybercrime, EPRS, March 2024. P. 1-9.
 47. Schmitt M. et al. (2017) Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. Cambridge: Cambridge University Press P. 184.
 48. Shahidullah S., Coates C. and Kersha-Aerga D. (eds), Global Cybercrime and Cybersecurity Laws and Regulations: Issues and Challenges in the 21st Century, Nova Science Publishers Inc., 2022. P. 362.
 49. Svantesson, D. J. B. Solving the Cybercrime Jurisdiction Puzzle: International Jurisdiction Strategies for a Digitally Connected World. Oxford University Press, 2021. P. 254.
 50. Teunissen, C. and Napie, S., Child sexual abuse material and end-to-end encryption on social media platforms: An overview, Australian Government, 2022. P. 1-19.
 51. Trachtman J. (2013) Cyberspace and Cybersecurity. The Future of International Law: Global Government / J. Trachtman (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 88.
 52. Tim Berners-Lee and Mark Fischetti, Harper: Weaving the Web: The Original Design and Ultimate Destiny of the World Wide Web by Its Inventor. San Francisco, 1999 Publisher: Harper Business; 1st edition (November 7, 2000). PP. 246.
 53. Vergne J., Duran R. (2014) Cyberspace et Organisations "Virtuelles": L' état Souverain a-t-Il Encore un Avenir? [Cyberspace and "Virtual" Organizations: Does the Sovereign State Still Have a Future?] // Regards Croisés sur L'Économie. Vol. 1. No. 14. P. 126-139.
 54. Wiener G. European Digital Policy: Combating Online Harassment and Cyberbullying // European Journal of Law, 2022). P. 12.

Genesis of the Institution of Denunciation in the Theory and Practice of the Law of Treaties

Gu Wenshuo

Postgraduate Student; Department of International Law; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Office 6, Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ 1042225079@pfur.ru

Chernykh Irina Alekseevna

PhD in Law

Associate Professor; Department of International Law; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Office 6, Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

Abstract. International treaties throughout the history have always played a key role in regulating relations between states. However, the constant development of international law and the changing conjuncture of international relations have led to both the conclusion and withdrawal from international treaties. The doctrine of international law, including the history of international law and the law of treaties, focuses more on the procedures of signing, conclusion and entry into force of international treaties, while the issues of termination of international treaties have less attention from international legal scholars. The relevance of the topic of denunciation of international treaties is due to both the difficulties arising in the exercise of the right to denunciation and the need for a detailed international legal regulation of this process.

In order to identify the essential characteristics of the institution of denunciation of international treaties, the article conducts a comprehensive historical and legal analysis using the methods of comparative legal research. The novelty of this article lies in systematizing the evolution of the right to denunciation of international treaties from exogenous to endogenous character, as well as in identifying the influence of political factors on its practical implementation. For the first time, these developments are considered in the context of the fundamental principle of the law of treaty - *pacta sunt servanda*. It is noted that the institution of denunciation of international treaties has undergone significant evolution since ancient times. The key role in its formation was played by the London Convention of 1871 and the Vienna Convention of 1969. These documents were used to develop the periodization of the right to denunciation, which includes three stages.

The existing international legal framework regulates the application of the right of denunciation in a non-exhaustive manner, resulting in a fragmented practice. Further development of this institution requires the unification of norms and mechanisms of control of the right to denunciation to prevent abuse of this right and to ensure the stability of international treaties.

Keywords: practice of international treaties, history of international treaties, withdrawal from treaty, Peace of Westphalia, law of treaties, International Law Commission, international treaty, the Vienna Convention, theory of international law, right of denunciation

References (transliterated)

1. 卜璐[Bu Lu]. 论国际条约的单方退出[Ob odnostoronnem vykhode iz mezhdunarodnykh dogovorov] // 环球法律评论[Global'noe pravovoe obozrenie]. 2018. № 3. S. 154–170.
2. Osminin B.I. Pravovye modeli prekrashcheniya i priostanovleniya gosudarstvami deistviya mezhdunarodnykh dogovorov // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2019. № 4(77). S. 116–133.
3. Il'inskaya O.I. Pravo mezhdunarodnykh dogovorov. M.: Prospekt, 2021. – 154 s.
4. Il'inskaya O.I. Prekrashchenie deistviya mezhdunarodnykh dogovorov: dis. ... kand. yurid. nauk. Moskva, 2008. – 250 s.
5. Morgenthau H.J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A. Knopf. 1948. – 516 p.
6. Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley. 1979. – 251 p.
7. Gulati M. Customary international law and withdrawal rights in an age of treaties // Duke Journal of Comparative & International Law. 2010. № 21. S. 1–30.
8. Ispolinov A.S. Prekrashchenie mezhdunarodnykh dogovorov: buistvo krasok za ramkami

- Venskoi konventsii o prave mezhdunarodnykh dogovorov 1969 goda // Mezhdunarodnoe pravosudie. 2022. № 3(43). S. 75–95.
9. Talalaev A.N. Pravo mezhdunarodnykh dogovorov (istoriko-pravovoi ocherk) // Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1972. S. 44–70.
 10. Denisova E.A. Pravovye osnovy restitutsii kul'turnykh tsennostei, peremeshchennykh vo vremya i po okonchani Vtoroi mirovoi voyny // Vestnik MGIMO Universiteta. 2012. № 1 (22). S. 281–287.
 11. Helfer R.L. Exiting Treaties // Virginia Law Review. 2005. № 91. S. 1579–1648.
 12. Bradley A., Gulati M. Customary international law and withdrawal rights in an age of treaties // Duke Journal of Comparative & International Law. 2010. № 21. S. 1–30.
 13. Talalaev A.N. Venskaya konventsiya o prave mezhdunarodnykh dogovorov. Kommentarii / Sost.: Talalaev A.N. (Komment.); Otv. red.: Zakharova N.V. (Predisl.). M.: Yurid. lit., 1997. – 336 c.
 14. Lukashuk I.I. Sovremennoe pravo mezhdunarodnykh dogovorov. M.: Wolters Kluwer, 2004. – 672 s.
 15. Kapustin A.Ya. Sovremennaya kontseptsiya vzaimodeistviya mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava. M.: Izdatel'skii Dom Infra-M, 2023. – 336 s.
 16. Bal'khaeva S.B. Pravovoi status regional'nykh mezhdunarodnykh organizatsii kak tret'ikh storon v sootvetstvii s pravom mezhdunarodnykh dogovorov // Zhurnal rossiiskogo prava. 2023. T. 27. № 8. S. 109–119.
 17. Kapustin A.Ya., Avkhadeev V.R. [i dr.]. Sovremennaya kontseptsiya tolkovaniya mezhdunarodnykh dogovorov. M.: Izdatel'skii Dom Infra-M, 2022. – 432 s.

The organization of the protection of cultural heritage in the event of an armed conflict as a factor in ensuring the norms of inter-strike humanitarian law by the Russian Federation

Grinchenko Anastasiia Nikolaevna

Senior Lecturer; Department of Economics, Finance and Financial Law; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Pskov State University
Postgraduate student; Department of International Law; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

34 Bolshaya Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

✉ Nastya04050@yandex.ru

Abstract. The relevance of studying the legal foundations of the organization of the protection of cultural property in the context of armed conflict is increasing against the background of recent international events, as well as the aggravation of relations between the Russia and a number of foreign states, including the Baltic states. These circumstances require not only theoretical understanding, but also practical application of the norms of international law. The object of the study is the protection of cultural heritage in the event of an armed conflict. The subject of the study is the regulation and implementation of international legal protection of cultural heritage in the event of an armed conflict. The purpose of the article is to develop proposals for improving the international legal mechanism for the protection of cultural property in the event of an armed conflict, enshrined in the law of the Russian Federation. The methodological basis of the research presented in the article is a systematic approach and a doctrinal method. The following methods were used in the research: analysis, synthesis, generalization, deduction, formal legal analysis, and others. The paper examines the legislative, institutional and practical aspects of the legal framework for

the protection of cultural property in the event of an armed conflict. The main international and regulatory legal acts of the Russian Federation regulating these issues are given. The author suggests possible ways to improve the national legislation of the Russian Federation on the protection of cultural property in the event of armed conflict and ensuring compliance with international humanitarian law. The position is argued on the need not only to inform, but also to test military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation on the protection of cultural property and responsibility for violations of international law (including the destruction, misappropriation and vandalism of cultural heritage). The novelty of the research lies in a comprehensive approach to analyzing the protection of cultural property in the event of armed conflict, identifying shortcomings in existing norms and offering specific recommendations for their improvement.

Keywords: responsibility of military personnel, destruction of cultural property, implementation, Russian Federation, international humanitarian law, armed conflicts, mechanisms for the protection, international legal mechanisms, cultural values, staff awareness

References (transliterated)

1. Akhmetzyanov A.A. Mezhdunarodno-pravovaya zashchita kul'turnykh tsennostei v sluchae vooruzhennogo konflikta: dis. ... kand. yurid. nauk / A.A. Akhmetzyanov. – Kazan', 2005. – 246 s.
2. Bogdanos M. Bagdadskie vory. Zashchita kul'turnykh tsennostei v sluchae vooruzhennogo konflikta // Estonskoe obshchestvo okhrany pamyatnikov stariny. 2009. S. 29-51.
3. Boguslavskii M.M. Mezhdunarodnaya okhrana kul'turnykh tsennostei. – M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1979. – 192 s.
4. Boilan P.Dzh. Obzor Konventsii o zashchite kul'turnykh tsennostei v sluchae vooruzhennogo konflikta (Gaagskaya konventsia 1954 g.) // YuNESKO. 1993.
5. Boilan P.Dzh. Voennaya neobkhodimost' – eto nechto gorazdo bol'shee, chem voennoe udobstvo. Zashchita kul'turnykh tsennostei v sluchae vooruzhennogo konflikta // Estonskoe obshchestvo okhrany pamyatnikov stariny. 2009. S. 119-127.
6. Vorob'eva L.M. Pribaltika na razlomakh mezhdunarodnogo sopernichestva. Ot nashestviya krestonostsev do Tartuskogo mira 1920 g. – M.: Izdatel'stvo "FIV", 2013. – 536 s.
7. Grinchenko A.N. Rossiya i strany Baltii: protivorechiya i predposylki sozdaniya novykh mezhdunarodno-pravovykh mekhanizmov zashchity kul'turnykh tsennostei // Pravo v Vooruzhennykh Silakh. Voennno-pravovoe obozrenie. 2024. № 10(327). S. 104-111. EDN ZRAEYK.
8. Grinchenko A.N. K voprosu o ponyatii mezhdunarodno-pravovykh mekhanizmov zashchity kul'turnykh tsennostei // Pravo v Vooruzhennykh Silakh. Voennno-pravovoe obozrenie. 2023. № 12(317). S. 103-108. EDN ULAISB.
9. Grinchenko A.N., Kholikov I.V. Mezhdunarodno-pravovye mekhanizmy zashchity kul'turnykh tsennostei v Rossiiskoi Federatsii i stranakh Baltii (istoriko-pravovoi aspekt) // Pravo v Vooruzhennykh Silakh. Voennno-pravovoe obozrenie. 2022. № 11(304). S. 109-116. EDN IJNSDC.
10. Damaskin O.V. Rossiya v sovremennom mire: problemy mezhdunarodnoi i natsional'noi bezopasnosti: monografiya. – M.: PA FSB Rossii, 2016. – 423 s.
11. Damaskin O.V., Kholikov I.V. Voennye aspekty mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava

- // Voennoe pravo. 2017. № 2 (42). S. 214-221.
12. Damaskin O.V., Kholikov I.V. Sovremennye problemy mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava // Sovremennoe pravo. 2017. № 5. S. 104-111.
 13. Delieva A.P. Analiz ekonomicheskogo razvitiya Rossii v usloviyakh sanktsionnoi blokady // Sovremennaya mirovaya ekonomika: vyzovy i real'nost', Donetsk, 05 dekabrya 2023 goda. – Donetsk: Donetskii natsional'nyi tekhnicheskii universitet, 2023. S. 170-175. EDN CNWGQC.
 14. Desh T. Vtoroi protokol k Gaagskoi konventsii 1954 goda o zashchite kul'turnykh tsennostei v sluchae vooruzhennogo konflikta // Gumanitarnoe pravo. – T.M.C. Asser Press, 2000. S. 63-90.
 15. Dinshtein Yu. Vedenie voennykh deistvii po pravu mezhdunarodnykh vooruzhennykh konfliktov. – Cambridge University Press, 2008.
 16. Ignatochkina T., Mandzhikov O. Rossiya i strany Baltii // Rossiya v global'noi politike. 2003.
 17. Kazantsev S.V. Vliyanie antirossiiskikh sanktsii na ekonomicheskoe razvitie Rossiiskoi Federatsii // Razvitie i bezopasnost'. 2022. № 1 (5). S. 34-43.
 18. Kantor Yu.Z. Pamyat' o voine i voina pamyatnikov v gosudarstvakh Baltii // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. 2021. № 2 (30). S. 143-157.
 19. Kastren E. Sovremennoe pravo voyny i neitraliteta // Trudy Finskoi akademii nauk. 1954. Seriya B. № 85.
 20. Kibal'nik A.G., Solomonenko I.G. Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva / A.G. Kibal'nik, I.G. Solomonenko; pod nauch. red. A.V. Naumova. – Sankt-Peterburg: Yurid. tsentr Press, 2004. – 385 s. EDN TDLTLB.
 21. Klebanov L.R. Prestupleniya protiv kul'turnykh tsennostei: ponyatie, priznaki, sistema // Problemy v rossiiskom zakonodatel'stve. 2011. № 3. S. 194-197.
 22. Kosov G.V., Yarmak O.V., Litvishko O.M., Gapich A.E. Vooruzhennyi konflikt kak mediaproekt XXI V.: ukrainskii keis // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. T. 28, № 3. S. 29-41.
 23. Krolivetskaya V.E., Krolivetskaya L.P. Antirossiiskie sanktsii v 2022 godu i otvetnaya reaktsiya na nikh // Aktual'nye problemy nauki i praktiki: Gatchinskie chteniya-2022: sbornik nauchnykh trudov. – Gatchina: Gosudarstvennyi institut ekonomiki, finansov, prava i tekhnologii, 2022. S. 312-314.
 24. Kudashkin A.V. Pravo vooruzhennykh konfliktov v sisteme prava Rossii // Voennoe pravo. 2023. № 2(78). S. 15-30. EDN JTCDDR.
 25. Lissauskaite V.V., Suturin M.A. Mezhdunarodnye dogovory Rossiiskoi Federatsii v sfere zashchity kul'turnykh tsennostei v vooruzhennom konflikte i ustanovlenie ugolovnoi otvetstvennosti za posyagatel'stvo na nikh // Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal. 2023. T. 17. № 5. S. 472-481.
 26. Megem M.E. Snesti nel'zya ostavit': priderzhivat'sya politiki pamyati stran Baltii v otnoshenii sovetskikh pamyatnikov v zone massovogo zavoevaniya // Baltiiskii region. 2022. T. 14, № 4. S. 128-145.
 27. Megem M.E., Filev M.V., Davidenko A.A. Snesti, perekodirovat', integrirovat' i marginalizirovat': klyuchevye strategii stran Baltii po otnosheniyu k sovetskim pamyatnikam // Nauka. Obshchestvo. Oborona. 2022. № 4 (33). S. 26-26.
 28. Mel'nikova A.D. Informatsionnye voyny, kak vysshaya sostavlyayushchaya sovremennoi voyny // Patrioticheskoe vospitanie molodezhi: problemy istorii i sovremennosti: Sbornik materialov vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym

- uchastiem, Rostov-na-Donu, 25-26 noyabrya 2022 goda: Rostovskii gosudarstvennyi meditsinskii universitet. 2023. S. 403-407. EDN HUGNZA.
29. Naagel' M. Zashchita kul'turnykh tsennostei v sluchae vooruzhennogo konflikta i doktrina voennoi neobkhodimosti. 2010.
 30. Peshkova N.V., Filimonova E.Yu., Umarova S.I., Vetlugina M.A. Ispol'zovanie taktiki obvineniya v formirovanii negativnogo imidzha Rossii v zarubezhnom politicheskom diskurse (na materiale amerikanskikh SMI) // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2022. № 11. S. 228-234.
 31. Rerikh N.K. Listy dnevnika. 2000. – 512 s.
 32. Salamatov V.S. Unichtozhenie pamyatnikov SSSR v usloviyakh antirossiiskoi politiki // Innovatsionnaya nauka. 2021. № 5. S. 143-145.
 33. Seitbelyalova A.T. Vliyanie ekonomicheskikh sanktsii na ekonomiku Rossii // Natsional'nye ekonomicheskie sistemy v kontekste formirovaniya global'nogo ekonomicheskogo prostranstva: sbornik nauchnykh trudov. – Simferopol': Izd-vo Tipografiya "Arial", 2021. S. 588-591.
 34. Simonyan R.Kh. Rossiya i strany Baltii. – M.: Academia, 2003. – 456 s.
 35. Toman Dzh. Zashchita kul'turnykh tsennostei v sluchae vooruzhennogo konflikta: Kommentarii k Konventsii o zashchite kul'turnykh tsennostei v sluchae vooruzhennogo konflikta i Protokolu k nei, podpisannym 14 maya 1954 goda v Gaage, i k drugim dokumentam mezhdunarodnogo prava, kasayushchimsya takoi zashchity // YuNESKO. Dartmutskoe izdatel'stvo, 1996.
 36. Forrest K.S. Doktrina voennoi neobkhodimosti i zashchita kul'turnykh tsennostei vo vremya vooruzhennykh konfliktov // Kaliforniiskii zapadnyi zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2007. T. 2. S. 177-219.
 37. Frigo M. Kul'turnaya sobstvennost' protiv kul'turnogo naslediya: "Bitva kontseptsii" v mezhdunarodnom prave // Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo Kresta. 2008. T. 86, № 854. S. 367-378.
 38. Khenzel' Kh.M. Zashchita kul'turnykh ob'ektov vo vremya vooruzhennykh konfliktov // Pravo vooruzhennogo konflikta: ogranicheniya na sovremennoe primenenie voennoi sily. – Eshgeit, 2005.
 39. Khenkerts Dzh.M. Novye pravila zashchity kul'turnykh tsennostei v vooruzhennom konflikte: znachenie Vtorogo protokola Gaagskoi konventsii 1954 goda o zashchite kul'turnykh tsennostei v sluchae vooruzhennogo konflikta // Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo Kresta. 1999. T. 81. № 835. S. 593-620.
 40. Dutli M.T. Zashchita kul'turnykh tsennostei v sluchae vooruzhennogo konflikta: Otchet o soveshchanii ekspertov // MKKK. 2002. S. 27-55.
 41. Kholikov I.V., Shishko A.A. Stanovlenie mezhdunarodno-pravovoi zashchity kul'turnykh tsennostei v sluchae vooruzhennogo konflikta // Voennoe pravo. 2021. № 6(70). S. 326-334. EDN WARKII.
 42. Kholikov I.V. Normy mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava i praktika ikh realizatsii v sovremennykh usloviyakh // Sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi konferentsii "Gosudarstvennaya politika reformirovaniya sotsial'nogo i gumanitarnogo obrazovaniya". 2014. S. 294-307.
 43. Kholikov I.V. Normy mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava i praktika ikh realizatsii v sovremennykh usloviyakh // Gosudarstvennaya politika reformirovaniya sotsial'nogo i gumanitarnogo obrazovaniya: sravnenie opyta postsotsialisticheskikh gosudarstv: sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminar, Orenburg, 28 maya 2014 goda. – Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi

universitet, 2014. S. 294-307. EDN SNCRXB.

44. Yastrebova A.Yu., Anisimov I.O. Mezhdunarodno-pravovye osnovy zashchity ob'ektov kul'tury. // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2023. № 19(4). S. 54-62.

Environmental human rights: concept, current state and some issues of business responsibility for their violation

Moiseev Konstantin Viktorovich

Postgraduate student; Department of International Law; Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.

620137, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Komsomolskaya str., 21

✉ k.moiseev98@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of environmental human rights as a key element of interaction between the international environmental law and human rights law. The subject of the study is the interaction of human rights and environmental interests. The theoretical foundations of the formation of environmental rights, their procedural and substantive aspects, and their enforcement in international and national legal systems are considered. Three approaches to legal enforcement of environmental human rights are discussed: implementation of existing norms, revision of international standards and adoption of new international obligations. The main objective of the paper is to analyse the current state of legal regulation of environmental rights, identify key problems of their implementation and search for optimal ways to strengthen them. To achieve this goal, the comparative legal method is used, analysing normative acts, judicial practice and international documents. Examples are given from the practice of regional bodies for the protection of human rights, as well as norms of national constitutions regulating environmental rights. The results of the work include a systematisation of environmental rights. Contemporary challenges are discussed, including the liability of business for violations of environmental rights and the role of specialised environmental courts. The novelty of the study lies in proposing a coherent approach to strengthening environmental human rights, starting with the improvement of implementation mechanisms and ending with the creation of new international obligations. It is concluded that a comprehensive approach to the protection of environmental rights is needed, including international co-operation, national legislation and business participation. The results obtained can be used for the development of international and national legal acts, as well as in the practical activities of lawyers, state bodies and civil society organisations.

Keywords: transnational corporations, soft law, public participation, access to information, access to justice, accountability, healthy environment, environmental human rights, ecology, environment

References (transliterated)

1. Brinchuk, M. M. Estestvennye prava cheloveka kak proyavlenie zakonov prirody / M. M. Brinchuk // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo. – 2019. – T. 29, № 1. – S. 62-69. – EDN VULHLG.
2. Brinchuk, M. M. Konstitutsionnoe pravo na blagopriyatnyuyu okruzhayushchuyu sredu v svete natsional'noi bezopasnosti / M. M. Brinchuk // Gosudarstvo i pravo. – 2014. – № 1. – S. 74-83. – EDN RYEDLF.
3. Geit N. A. Zashchita ekologicheskikh prav cheloveka i grazhdanina v usloviyakh globalizatsii // Pravo i sovremennye gosudarstva. – 2013. – № 2. – S. 22-27.

4. Kopylov M. N. Pravo na blagopriyatnuyu okruzhayushchuyu sredu: protsess stanovleniya yuridicheskogo soderzhaniya //Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. – 2003. – № 1. – S. 48-54.
5. Korkunov, N. M. Lektsii po obshchei teorii prava / N. M. Korkunov. – Moskva : Izdatel'stvo Yurait, 2024. – 352 s. – (Antologiya mysli). – ISBN 978-5-534-07620-2.
6. Solntsev, A. M. Vklad Orkhusskoi konventsii 1998 goda v zashchitu prav cheloveka / A. M. Solntsev // Sovremennoe pravo. – 2014. – № 7. – S. 130-135.
7. Solntsev, A. M. Zashchita ekologicheskikh prav cheloveka : uchebnoe posobie. – 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva: RUDN, 2021. – 516 s.
8. Boyle A. Human rights and the environment: where next? // Challenges in International Human Rights Law. – Routledge, 2017. – pp. 765-794.
9. Barritt E. The Aarhus Convention and the Latent Right to a Healthy Environment // Journal of Environmental Law. – 2024. – Volume 36. – Issue 1. – pp. 67-84.
10. Boom K., Prihandono I., Hosen N. A mandate to investigate the carbon majors and the climate crisis: The Philippines commission on human rights investigation // Austl. J. Asian L. – 2022. – Volume 23. – pp. 57-76.
11. Boyd D. R. The environmental rights revolution: a global study of constitutions, human rights, and the environment. – University of British Columbia Press, 2011, 468 p.
12. Burgers L. Should Judges Make Climate Change Law? // Transnational Environmental Law. – 2020. – Volume 9. – Issue 1. – pp. 55-75.
13. Dupuy P. M., Viñuales J. E. International environmental law. – Cambridge University Press, 2018. – 522 p.
14. Gill G. N. Environmental justice in India: the national green tribunal and expert members // Transnational Environmental Law. – 2016. – Volume 5. – Issue 1. – pp. 175-205.
15. Hartley N., Wood C. Public participation in environmental impact assessment- implementing the Aarhus Convention // Environmental impact assessment review. – 2005. – Volume 25. – Issue 4. – pp. 319-340.
16. Hayward T. Constitutional environmental rights. – OUP Oxford, 2004, 248 p.
17. Knox J. H., Pejan R. (ed.). The human right to a healthy environment. – Cambridge University Press, 2018, 306 p.
18. Lee M. The Aarhus Convention 1998 and the environment act 2021: Eroding public participation // The Modern Law Review – 2023. – Volume 86. – Issue 3. – pp. 756-784.
19. Pring G. W., Pring C. Greening justice: Creating and improving environmental courts and tribunals. – Access Initiative, 2009 – 119 p.
20. Shelton D. Developing substantive environmental rights // Journal of Human Rights and the Environment. – 2010. – Volume 1. – Issue 1. – pp. 89-120.
21. Shelton D. Human rights, environmental rights, and the right to environment // Environmental rights. – Routledge, 2017. – pp. 509-544.
22. Sohn L. B. Stockholm declaration on the human environment, the // Harv. Int'l. LJ. – 1973. – Volume 14. – pp. 423-494.
23. von Arnould A., von der Decken K., Susi M. (ed.). The Cambridge Handbook of New Human Rights: Recognition, Novelty, Rhetoric. – Cambridge University Press, 2020, 578 p.
24. Wegener L. Can the Paris agreement help climate change litigation and vice versa? //Transnational Environmental Law. – 2020. – Volume 9. – Issue 1. – pp. 17-36.
25. Wewerinke-Singh M. Remedies for human rights violations caused by climate change //

Climate Law. – 2019. – Volume 9. – Issue 3. – pp. 224-243.

26. Wood H. W. The United Nations World Charter for Nature: The Developing Nations' Initiative to Establish Protections for the Environment // Ecology Law Quarterly. – 1985. – Volume 12. – Issue 4. – pp. 977-996.